

АРХИТЕКТУРА

С · С · С · Р

ВЫПУСК

465-151I

8

СБОРНИКИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

1 · 9 · 4 · 4

АРХИТЕКТУРА

С · С · С · Р

СБОРНИК 8

МОСКВА 1944

ИСКУССТВО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Советские города, разрушенные варваром-врагом, восстают из руин и пепла. В каждом разрушенном городе восстанавливаются не отдельные дома, а город как целое: это простое, но важнейшее положение предопределяет весь характер новой градостроительной эпохи, рождающейся сегодня, среди камней, еще не остывших от вражеских обстрелов и пожаров. Одновременно с самым элементарным, простейшим — использованием уцелевших подвалов, укреплением и утеплением сохранившихся коробок — возникает самое сложное, рассчитанное на высшие ступени строительной культуры: возникает новый генеральный план города, проекты его новых улиц, набережных, площадей, новая планировка его жилых кварталов. «Ведь города строятся на столетия, а потому особенно важна их целесообразная планировка», — пишет М. И. Калинин в своей статье, посвященной восстановлению городов.

В этой новой градостроительной эпохе современной архитектуре суждено принять на себя великую, поистине историческую миссию. По ей суждено также выдержать строжайшее, не знающее послаблений и уступок испытание.

Сейчас более чем когда-либо живой интерес приобретают исторические традиции русского градостроительства. Архитектурному и градостроительному гению России мир обязан одним из величайших созданий этого искусства. Таким единым и цельным произведением искусства является Петербург, город, осуществивший начало архитектурного ансамбля с такой мощью и композиционной законченностью, какие неведомы ни одному городу Западной Европы.

На стройке Петербурга в XVIII веке окрепла традиция нового русского градостроительства, позволившая в кратчайший исторический срок создать один из прекраснейших городов мира. Воспринявший и развивший высшие достижения европейской архитектурной мысли, — от проектов «идеальных городов» Ренессанса до геометрических планировочных схем «версальского» типа, — Петербург сформировался как русский город, полный глубокого художественного своеобразия и поэтической мощи. Схема Леблона, построенная по правилам «регулярных» европейских городов XVII—XVIII вв., была в первые же десятилетия жизни Петербурга подчинена иной градостроительной системе. Композиционной осью городского

плана сделалась Нева. Ее «державное течение» дало масштаб улицам и площадям города. Архитектура классического Петербурга со всей силой выразила первенствующую роль природы в формировании городского организма.

Стройка Петербурга была великой школой градостроительной науки. Благодаря этой школе России уже в середине XVIII века, через какие-нибудь 50 лет после основания своей новой столицы, начала дело, не имеющее прецедента в истории архитектуры нового времени: разработала точные планы для многих десятков своих губернских и уездных городов. Эти планы не оставались на бумаге: они определили структуру и облик многочисленных больших и малых городов, перестраивавшихся и строившихся заново на протяжении второй половины XVIII и начала XIX веков. Мы и сегодня узнаем основные линии этих планировок XVIII столетия в Калинин (бывшей Твери), в Костроме, в Одессе, Днепропетровске и во многих других городах.

Если суммировать в самых общих, итоговых положениях те важнейшие идеи, которые культивировало русское градостроительство этой классической поры, то следует указать прежде всего на сочетание «регулярного» плана с глубокой верностью родной природе. Регулярный план — достижение и наследие европейской градостроительной мысли — потерял в руках русских архитекторов характер отвлеченно-геометрической схемы или «сетки». Он включился в природный пейзаж, он приобрел гибкость и подвижность. План не убил живописного силуэта города. Он не подчинил сухому геометризму уличной сети рельеф городской территории. Природа продолжала составлять основу городского пейзажа, и лучшим украшением города оставались его холмы, увенчанные архитектурными вертикалями церквей, берега его реки, зелень, свободно вошедшая в городские кварталы.

Сейчас, когда восстанавливаются старые разрушенные города, надо помнить об этой большой традиции русского градостроительства, сумевшей сохранить прелесть природного пейзажа в построении пейзажа архитектурного. Хотя прошли десятилетия и столетия, хотя все хозяйство города и вся его внутренняя жизнь наполнились совершенно иным содержанием, — многие принципы и приемы классического

градостроительства сохраняют свою жизнеспособность и сегодня.

Но надо помнить не только об этом. Надо иметь также в виду, что в течение очень длительного времени красота большинства провинциальных старых городов искажалась бескультурьем случайной, неряшливой застройки, наложившей свою печать на все без исключения наши города. Эта характерная неряшливость и произвольность «купеческой» застройки городских кварталов в XIX и в начале XX века отразилась на общем уровне культуры города, на его архитектурном облике, на его планировке. Сегодня архитектору приходится иметь дело с этими наслоениями. Воссоздавая лучшие черты русской архитектурной традиции, он должен одновременно преодолевать черты специфического архитектурного «провинциализма», сложившиеся в пору упадка архитектурной культуры.

Современный архитектор вооружен богатым опытом советского градостроительства. Красота города — не сумма красивых фасадов, а прежде всего соразмерность всех элементов городского организма, их «человечность», их гармоническая связь с природой. На улице города мы воспринимаем не только развертывающуюся перед нами панораму домов, но и самое пространство между домами, самый «воздух», которым дышит архитектура, — масштаб зданий и проездов, зелень деревьев и чистоту замощения, уют тихих жилых переулков и торжественность центральных площадей. Невский проспект, бесспорно, одна из прекраснейших столичных улиц во всем мире. Но красота Невского обусловлена не какими-то особыми художественными достоинствами подавляющего большинства его домов. Покоряющая сила главной магистрали Ленинграда в том: в самом строении улицы как архитектурного целого; в счастливо найденном соотношении высоты зданий к ширине проезда; в пространственных интервалах, прерывающих фасадный фронт яркими архитектурными и пластическими образами Аничкова моста, Александринского театра, Гостиного двора, Казанского собора; в стройной вертикали Адмиралтейской башни, завершающей перспективу улицы и служащей ей постоянным ориентиром — знаком конечной цели.

Чувство города как целого должно сопутствовать архитектору на каждом шагу его работы по планировке восстанавливаемых городов. Если в прежнем Сталинграде центр города был отрезан от Волги из-за случайной застройки берегов, отсутствия настоящих набережных, то задача архитектора сегодня — восстановить эту органически необходимую связь, повернуть город к реке. Если уличная сеть Новороссийска лишила город его прекрасного природного преимущества — близости моря, то восстановление Новороссийска должно раскрыть приморскую природу этого города.

Какое бы здание ни проектировал архитектор, он обязан мыслить это здание составной частью города, подчиняя свой замысел архитектурному строю целого. Определение планируемых координат и масштабов отдельных частей города должно быть проникнуто не только технико-строительным расчетом, но и творческим чувством архитектурной меры: вспомним гигантские площади-пустыри, фигурировавшие почти

в каждом плане средних и даже небольших городов в недавний период увлечения архитектурной гигантоманией. Архитектор-градостроитель должен помнить, какую великую силу представляет правильно найденный масштаб отдельных элементов городского организма. Он должен знать также, что на облик и качество города сильнейшее влияние оказывают такие «незаметные» формы городского оборудования, как борты тротуара, уличные фонари, ограды бульваров. И что поистине великой, магической силой является зелень в городе, зелень прежде всего. Никакой, даже наиболее артистически выполненный, фасад не восполнит собою отсутствия зеленых ветвей и тенистых аллей в жилых кварталах города. Именно архитектор призван быть самым усердным, самым рьяным, самым настойчивым борцом за озеленение города, и именно теперь, при новом рождении наших старых городов.

Искусство градостроителя, это — не только искусство связывать здания в пространстве, но и крепить их непрерывную связь во времени, сочетать новизну современности, ее новые сооружения и архитектурные образы, ее властную волю к перестройке города с неумирающими памятниками прошлого, без которых нет подлинной красоты города.

Это относится также и к городам, полностью или почти полностью разрушенным варваром-врагом. Сталинград, Севастополь, Чернигов, Новгород, Смоленск, Ржев превращены в руины. Но это не означает, что под развалинами домов физически погребено архитектурное прошлое этих городов и что надо восстанавливать их на какой-то пустой «строительной площадке», подобной белому листу, приготовленному для архитектурного чертежа. Руины Севастополя, камень его разрушенных зданий и уличных лестниц, сбегаящих с его холмов, — это не бездыханный труп города-героя, а его живое тело, готовое, подобно сказочному фениксу, восстать из пепла.

От Новгорода уцелело всего несколько домов, на месте Волотовой церкви и Спаса Нередицы высятся груды развалин. Но должны снова жить и Спас Нередица и Вологово, а с ними и весь силуэт древнего города. Восстановленный Сталинград будет новым городом с новой планировкой улиц, новыми площадями, набережными, домами. Но архитектор позаботится, чтобы в этом новом Сталинграде ожили образы «старого» города, героя двух осад, чтобы отдельные куски городского ансамбля и отдельные образы его архитектуры хранили живую память о его прежнем существовании. В новом Севастополе должен жить и старый Севастополь, не только в особых мемориальных сооружениях и монументах, посвященных героическим датам 1855, 1941 и 1944 гг., но и в самом характере городского пейзажа возрожденной черноморской крепости.

Перед планировщиком и архитектором восстанавливаемых городов стоит сложнейшая задача — строить новый город и в то же время — быть хранителем архитектурной традиции, продолжателем, а не только начинателем.

Так в искусстве градостроителя, призванного восстанавливать разрушенные города, сочетаются два извечных начала творчества: великая новизна современности и память о великом прошлом.

ВОРОНЕЖ

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЛАНИРОВКИ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Л. Руднев и И. Тваченко

Война внесла большие коррективы как в методы планировки освобожденных городов, так и в самое проектирование.

В тех освобожденных городах, где проект планировки был закончен еще до войны, встала задача коренного пересмотра всего проекта в связи с большими разрушениями, произведенными немецкими оккупантами, что вызывало необходимость составления нового проекта (Сталинград) с коренными изменениями в плане города, объеме и составе промышленности, количестве населения и т. д.

Для тех городов, где проекты планировки еще не были закончены, нужно в самом ходе восстановительных работ исправлять планировочные недочеты и ошибки, допущенные в прежней застройке, одновременно разрабатывая перспективный проект планировки города.

Как в том, так и в другом случае требуется регулятивный план, который бы застроил и восстановил, не искажая в то же время основной идеи перспективного проекта планировки города.

Воронеж относится к числу городов, сильно пострадавших от оккупации: он разрушен на 90—92%; из имевшихся в городе до войны 1 300 тысяч м² жилой площади к моменту освобождения города (25 января 1943 года) осталось около 120 тыс. м²; так же сильно пострадало промышленное и коммунальное хозяйство города.

Город Воронеж, на восстановление которого обращено особое внимание Партии и Правительства, имеет богатое историческое прошлое. Он славен в истории обороны древней Руси, в развитии отечественной промышленности и экономики. Он обладает широкими перспективами развития.

Город основан в марте 1586 года на южной окраине Московского государства для защиты его от набегов крымских татар. Летопись

говорит так о его основании: «По государеву цареву всея Руси указу и по приговору бояр князя Феодора Иоановича Мстиславского с товарищи... на Дону на Воронеже, не доезжая до Богатого Затона... велено построить город Воронеж».

В 1695 году Петр Великий учре-

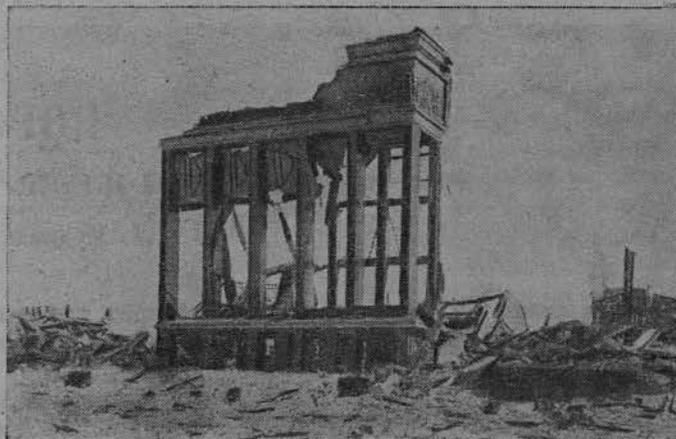
ждает в Воронеже верфь, — колыбель русского флота. В связи с этим возникают постройки из камня прекрасной архитектуры, которые сохранились до нашего времени. Это — Арсенал (б. гауптвахта) на улице Степана Разина с низким портиком, на фронте которого

План города Воронежа

Воронеж. Потемкинский дворец

Разрушенное здание Обкома ВКП(б)

помещена арматура из военных доспехов, затем старая петровская верфь на острове, где помещался в последнее время яхт-клуб, шерстяная мойка (б. петровские ткацкие мастерские), ныне не существующая, и ряд отдельных особняков.

В конце XVIII века город обогащается такими архитектурными памятниками, как Потемкинский дворец и сохранившиеся до нашего времени одно- и двухэтажные особняки на улицах Софьи Перовской, Сакко и Ванцетти и другие.

Позже, в эпоху ампира, строятся ряд интересных зданий, как здание музея (бывш. дом Болдырева), дом духовного училища на проспекте Революции, бывш. дом полицмейстера и лютеранская кирка на улице Карла Маркса, здание филармонии и много частных особняков, среди которых дом поэта Кольцова.

На самом видном месте, на обрыве к реке, обстраивается и разрабатывается заложенный еще при Петре Митрофаньевский монастырь с его высокой колокольней, в строительстве которой принимал участие Гваренги.

Воронеж развивался и рос на правом берегу, на высоте 50—60 метров, довольно круто обрывающемся к реке, живописно изрезанной здесь оврагами и отрогами между ними, представляющими очень выгодные и видные места для построек. Эти отроги были в свое время застроены главным образом церквями, которые и создали силуэт города. Если смотреть на город с левого берега, он представляет живописную картину восточного склона, застроенного по овра-

гам, главным образом, мелкими одно- и двухэтажными домами, утопающими в садах, где на наиболее выгодных местах равномерно разбросаны по склону белые пятна церквей, а шаверху, на плато, расположен центр города с крупной застройкой, над которой господствует силуэт Митрофаньевского монастыря с его семидесятиметровой колокольней.

Воронеж — один из красивейших русских городов — зверски разрушен немецкими вандалами.

Крупнейшие здания города взорваны (здание обкома ВКП(б), университет, вокзал и многие другие) или сильно пострадали от обстрела и сгорели (здания Сельскохозяйственного института, школы, заводы, фабрики, церкви и крупные жилые дома), стоят пустые каменные коробки целыми улицами, целыми кварталами. Из крупных каменных зданий не сохранилось целиком ни одно; есть менее пострадавшие, которые наспех восстановлены для жилья, но таких только десятки. Деревянная застройка в громадном большинстве выгорела, оставив после себя пустынные улицы с торчащими печами и трубами.

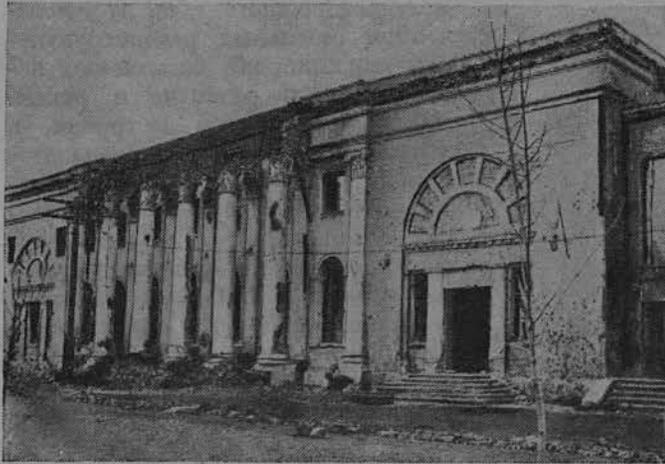
Город имел много улиц, обсаженных деревьями, большинство из которых погорело или было спилено и оставлено оккупантами на месте, — из непонятных для культурного человека побуждений.

Расположенный на живописном, изрезанном оврагами берегу, Воронеж обладает всеми данными для того, чтобы быть в ряду красивейших городов Союза. Однако в течение последних довоенных лет не все эти природные возможности

были использованы. Так, прекрасные перспективы на заречную часть, на левый берег, открывающиеся с края верхнего плато, на котором расположен центр города, использованы недостаточно. Этот край плато застроен домами, и только в отдельных точках его можно любоваться панорамой реки и левого берега. В городе недостаточно мест для отдыха, многие улицы узки и неудобны, отдельные части города архитектурно плохо решены.

Бурный рост города за последние 20 лет (в 1920 г. — 84 тыс., в 1940 — 340 тыс. жителей) настоятельно требовал разрешения всех этих вопросов в перспективном плане развития города.

Такой проект до войны был составлен местной проектной организацией — воронежским трестом «Облпроект». Проект в свое время в достаточной степени отвечал требованиям градостроительства. Город рассматривался как крупный областной индустриальный центр с населением в 660 тысяч человек. Промышленность развивалась на правом и левом берегах. Предусматривалась реконструкция железнодорожного узла с переносом левобережной магистрали (на Ростов н/Д.) к востоку, на 400—500 метров, с развитием на станции Отрожка сортировочной станции. Селитебные территории размещались на левом берегу, между рекой и отнесенной трассой железной дороги (на 220 тыс. чел.), на правом берегу город расширялся на север (по Задонскому шоссе) и запад (по Землянскому шоссе), с расчетом расселения в 430 тыс. чел. Пойма реки за-

Воронеж. Разрушенное здание филармонии

Разрушенный дом на Базарной площади

топлась устройством в первую очередь шлюза; через затопленную пойму проектировались три моста для связи обоих берегов. Промышленность развивалась главным образом на юг, по левому берегу. Архитектурная композиция города строилась по главной оси, которой являлось будущее водное зеркало реки Воронеж.

После освобождения города вопросы восстановления и перспективного развития города встали в ином разрезе; при восстановлении появилась возможность исправить многие недостатки и построить город лучше, чем он был.

В проекте планировки Воронежа, который составляется Академией Архитектуры СССР совместно с воронежским трестом «Облпроект», город существенно меняет свой первоначальный облик. Проект планировки города рассчитывает на расселение 450 тысяч человек: на левом берегу 70—80 тыс. чел. и на правом — 350 тыс. чел. Рост города намечается на запад, к реке Дон. Это даст возможность использовать эту реку для нужд города, что не учитывалось раньше. Через затопленную пойму реки оставляются два существующих моста, которые расширяются. Рост промышленных территорий также намечается на запад, к Дону, вдоль железной дороги, что даст возможность четко разделить промышленные и селитебные территории защитными зелеными зонами, не отделяя их в то же время одни от других. Железнодорожный узел реконструируется, причем на левом берегу станция Отрожка развивается, оставаясь на прежнем месте. Трасса

железнодорожного пути на Ростов-н/Д. не переносится, а остается там, где она проходит сейчас; на правом берегу станция Воронеж переносится к Улице 9-го января, улучшается путевое хозяйство, товарный двор и т. п.

Большие улучшения вносятся в планировку центра города. По бровке обрыва устраивается бульвар, начинающийся почти от железной дороги (у путепровода) и идущий вдоль главного проспекта Революции к Петровскому скверу. Этот сквер развивается вниз, спускаясь широкими парковыми лестницами и террасами до улицы Сакко и Ванцетти и открывая прекрасные перспективы на левый берег.

Памятник Петру Великому, увезенный оккупантами, восстанавливается и переносится на ось Потемкинского дворца, который раскрывается на проспекте путем переделки здания Правления железной дороги Москва—Донбасс. Бульвар от Петровского сквера проходит к спуску Помяловского, здание бывшей почты приспособляется под кинотеатр. «Сад учителя» является следующим звеном бульвара, — здесь он отходит от проспекта Революции, идет по краю Мясной горы, включая в себя здание музея (Покровская церковь), далее — по бровке к площади бывш. Митрофаньевского монастыря, которая расчищается от развалин. Здесь, на выгоднейшем месте города предполагается воздвигнуть памятник Отечественной войны. Бульвар продолжается и дальше, обходя Стрелецкий лог к улице 20-летия Октября. Городские сады и зеленые массивы уве-

личиваются также путем устройства в Стрелецком логу большого парка, который здесь будет развиваться постепенно, по мере амортизации мелкой застройки. Существующий парк культуры и отдыха имени Кагановича расширяется, благоустраивается и выводится к реке, где будет организована водная станция, но этот парк недостаточен по своей территории и не разрешает всех вопросов, связанных с отдыхом трудящихся, а потому намечается отвести крупные зеленые массивы выше по реке Воронеж и по левому берегу реки Дон, в районе Подклетного, Семилук и Мальшева.

Центральная городская Площадь 20-летия Октября получает новый архитектурный облик: здание Обкома ВКП(б) и Облисполкома предложено строить на месте школы на углу улицы Кирова; против этого здания Кольцовский сквер будет не треугольным, а прямоугольным за счет выравнивания стороны, где в настоящее время находится кино «Спартак»; в этом новом сквере предполагается поставить высокий памятник, который будет виден по оси проспекта Революции, тем самым завершая его и ряд других улиц.

Площадь Никитина также проектируется по-новому: она становится прямоугольной путем обработки углов по улицам Пушкинской и Карла Маркса, фасады здания театра и Госбанка переделываются в соответствии с общей архитектурой площади.

Место против спуска Помяловского расширяется в виде полукруглой площади, для чего корпус, так называемый «Десятки», не-

Эскиз памятника Отечественной войны в Воронеже
Акад. арх. А. Руднев

удачный по своей архитектуре, перерабатывается и превращается в полукруглое здание.

По спуску Помяловского от проспекта вниз будет вести широкая лестница; по несколько смещенной оси этого спуска (ось спуска совмещается с осью моста) предусмотрено построить новый Чернавский мост через затопленную пойму реки, используя существующую дамбу.

Совершенно изменяет свой облик Вокзальная площадь, сильно увеличиваясь и застраиваясь новым вокзалом, гостиницей и зданиями в четыре этажа.

Перед стадионом «Пищевик» по Студенческой улице развивается разгрузочная площадь.

У слияния двух улиц — Кольцовской и 20-летия Октября — организуется площадь — крупный узел развязки подходящих сюда шести транзитных магистралей.

Промышленные предприятия по возможности выводятся из центра города на новые участки периферии с резервными территориями для расширения. У промышленных площадок развиваются благоустроенные жилые кварталы с одноэтажной и двухэтажной застройкой и с защитными зелеными зонами.

Характер архитектуры этих кварталов и вообще всей застройки

ки периферии города, а также склонов к реке предполагается легкий, радостный, с большим количеством зелени (тополи, каштаны, фруктовые сады, цветники).

Для строительства предназначаются исключительно местные материалы — кирпич красный и силикатный, известь, черепица и другие. На фоне зелени белые и красные кирпичные коттеджи, перемежающиеся с деревянными домами, создадут нарядный характер застройки этих частей города. Кроме того, широко внедряется блочная застройка кварталов.

Схема планировки и восстановления Воронежа отводит 3 000 га селитебных территорий для размещения 2,7 млн. м² жилой площади против 1,3 млн. м² существовавших до войны. Как резерв, сверх этого для дальнейшего развития города к реке Дон предусматривается еще 1 200—1 300 га территории, которые могут быть использованы под городскую застройку с размещением дополнительно примерно 1 млн. м² площади. На всей этой жилой площади предполагается разместить около 150 тыс. жителей.

Воронежский железнодорожный узел остается почти в неизменном виде. Форпроект планировки исходит из максимального сохранения уже сложившихся элементов

железнодорожного узла, за исключением отдельных реконструктивных мероприятий, вызываемых необходимостью развития и реконструкции городской застройки, а также требованиями эксплуатации. К числу последних, в частности, относится вопрос о ликвидации тушиковского заезда пассажирских поездов на участке Отрожка-Воронеж I. Для этого на левом берегу проектируется новая пассажирская станция, связанная хорошим внутригородским транспортом с центром города. Таким образом город будет иметь два пассажирских вокзала на разных берегах. Правобережный вокзал, уничтоженный оккупантами, строится заново, и площадь перед ним значительно увеличивается.

Река Воронеж разделяет город на две части и имеет широкую пойму, достигающую местами километра и более ширины. Наличие в центре города значительных заболоченных территорий является серьезной угрозой для санитарного состояния города и здоровья населения. Схема планировки, составленная в 1939 году, учитывала затопление поймы и создание широкого зеркала реки между двумя частями города; это же положение остается и в проекте новой планировки. Затопление должно было произойти при сооружении на р. Дон Коротоякской плотины. Образующий ею подпор распространяется выше города, создавая необходимые для судоходства глубины, удовлетворяющие и санитарным требованиям.

Коротоякская плотина входила в число сооружений, необходимых для создания водного пути Дон—Ока, но так как создание этого пути не намечалось в ближайшие годы, а заболеваемость малярией в городе все росла, был поставлен вопрос о затоплении поймы у города при помощи специальной плотины местного значения, что и предусматривается в составляемом проекте планировки.

Для того, чтобы дать правильную направленность новой архитектуре Воронежа, следует глубоко изучать сохранившиеся прекрасные исторические памятники и выработать свой, воронежский архитектурный колорит. Для этого широко привлекаются к работе по восстановлению родного города местные архитектурные силы.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КВАРТАЛОВ ПРИ ИХ ВОССТАНОВЛЕНИИ

ИЗ ОПЫТА ПЛАНИРОВОЧНЫХ РАБОТ В ЛЕНИНГРАДЕ

В. Каменский

Великая Отечественная война внесла существенные изменения в застройку Ленинграда. В результате вражеских действий нанесен большой ущерб капитальному фонду города, его промышленности, транспорту, общественно-коммунальным сооружениям и великодушным архитектурным памятникам, имеющим уникальное художественно-историческое значение.

В связи с этими изменениями встает огромная, первоочередной важности задача восстановления Ленинграда.

Восстанавливая разрушения, причиненные отдельным жилым микрорайонам, необходимо стремиться к радикальному архитектурному улучшению отдельных магистралей и кварталов города. Новые возможности позволяют в значительной степени осуществить ряд важнейших мероприятий, реализация которых в условиях довоенного времени связывалась рядом факторов, переставших в настоящее время существовать или изменивших свое значение.

Для рационального использования изменений, внесенных в существующую планировочную схему города, необходимо детальное изучение повреждений, полученных как отдельными кварталами, так и целыми микрорайонами.

На примере реконструкции жилого микрорайона в Ленинграде, ограниченного Международным проспектом, Загородным проспектом, Обводным каналом и Звенигородской улицей, мы хотели бы выяснить методологию работ по восстановлению городских микрорайонов с сильно пораженной застройкой.

Вряд ли в Ленинграде можно было найти район, более густо населенный, чем район Международного проспекта и прилегающих улиц. Это особенно относится к району Рузовской, Можайской, Верейской, Подольской, Серпуховской и Бронницкой улиц, Дегосельского и Клинского проспектов. Район этих улиц и проспектов является типичным для петербургской застройки, сложившейся в конце XIX

и начале XX столетия. Каждый свободный клочок земли в пределах этих улиц застроен, каждый выстроенный дом — характерный образец петербургского «доходного дома», в котором вся площадь застройки должна была приносить доход.

Из 20 кварталов, составляющих рассматриваемый микрорайон, наименьший процент застройки равен 44, а наибольший — 80. Приводимый план одного из кварталов этого района дает наглядное представление о степени использования участка под застройку.

Средняя плотность населения по 16 кварталам микрорайона составляет 2 063 чел. на га, что является показателем крайней переулотности кварталов, приводящей, как следствие, к высокому проценту застройки, составляющему по тем же кварталам в среднем 63,4.

Плохие условия, в которых находилась жилая площадь в этом районе, усугубляются почти полным отсутствием зелени как на территории рассматриваемого района, так и в прилегающих кварталах.

Между тем положение района в системе генерального плана имеет немаловажное значение. Международный проспект является звеном, соединяющим в единый комплекс общегородской центр с проектируемым развитием его в новых районах Ленинграда. Таким образом Международный проспект является одним из элементов общегородского центра, а так как контуры развития последнего к 1941 году стали принимать реальные очертания, то естественно, вопрос реконструкции Международного проспекта стал принимать перед войной особое значение.

Война на некоторое время задержала осуществление Сталинского плана развития Ленинграда, но это обстоятельство не сняло вопроса о реконструкции Международного проспекта, а наоборот, делает эту задачу одной из первоочередных при восстановлении города.

Работы по восстановлению квар-

талов должны быть теснейшим образом увязаны с перспективной планировкой района. В частности необходимо теперь же решить вопрос о частичном укрупнении кварталов, уменьшении плотности населения на восстановительный и перспективный периоды и снижении процента застройки района. При проведении восстановительных работ необходимо создать в районе зеленые площади с доведением их в дальнейшем до 4—6 м² на человека. Создать районный зеленый массив на площади, занятой до войны Бегами, используя этот массив одновременно и для создания районной площади с постановкой здания районных организаций.

В системе реконструктивных мероприятий особое место занимает вопрос связи района с другими частями города, в частности Международного проспекта с Невским проспектом, а также создания выходящей магистрали, разгружающей Международный проспект.

В свете этих задач особое внимание должно быть уделено продолжению Клинского проспекта до Введенского канала, соединению проспекта тоннелем под полосой отчуждения Витебской железной дороги с площадью, занимаемой ныне Бегами, и продолжению его до улицы Марата. Таким образом Международный проспект получит новую связь с Невским проспектом, одновременно сняв часть транспорта с перегруженного в настоящее время Загородного проспекта. Второе мероприятие состоит в продолжении улицы Дзержинского через площадь Бегов и далее до Колпино. В этом случае создается новая транспортная магистраль, соединяющая существующий общегородской центр с созвездием площадей южной его части, развиваемой в новых районах Ленинграда.

Учитывая специфические особенности, в которых находился Ленинград в течение длительного времени, можно определить четыре основных фактора, послуживших причиной аварийного состояния значительного процента застройки.

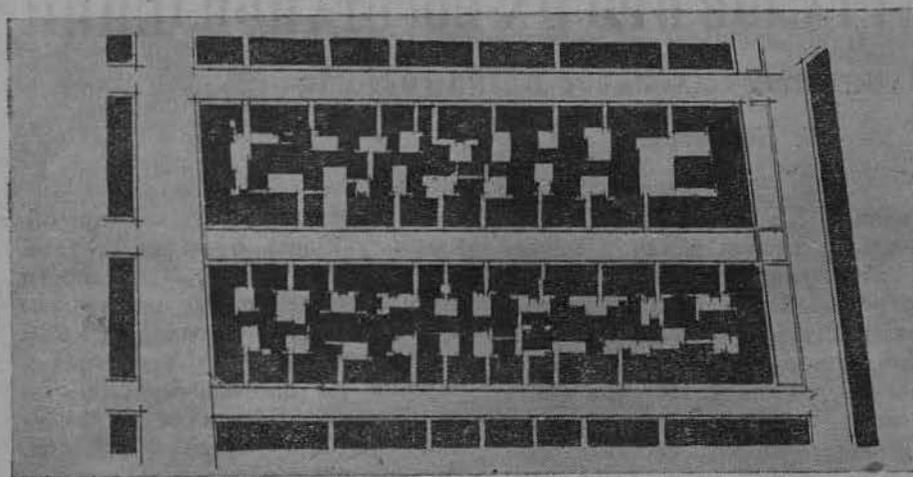
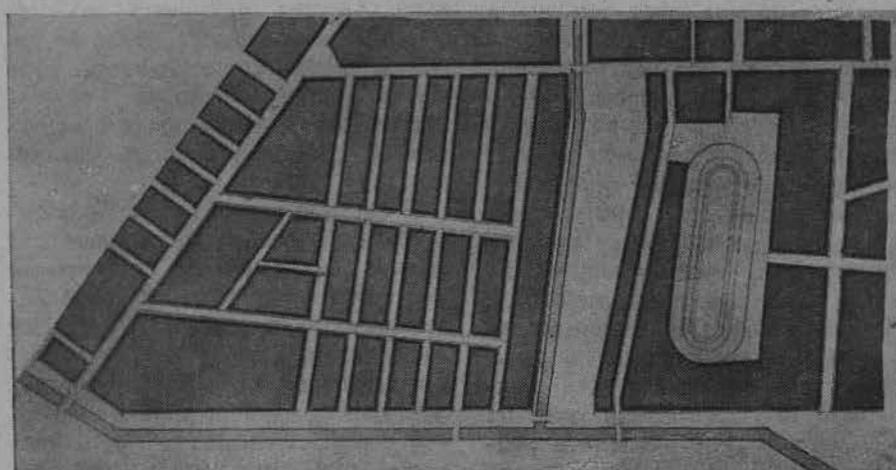
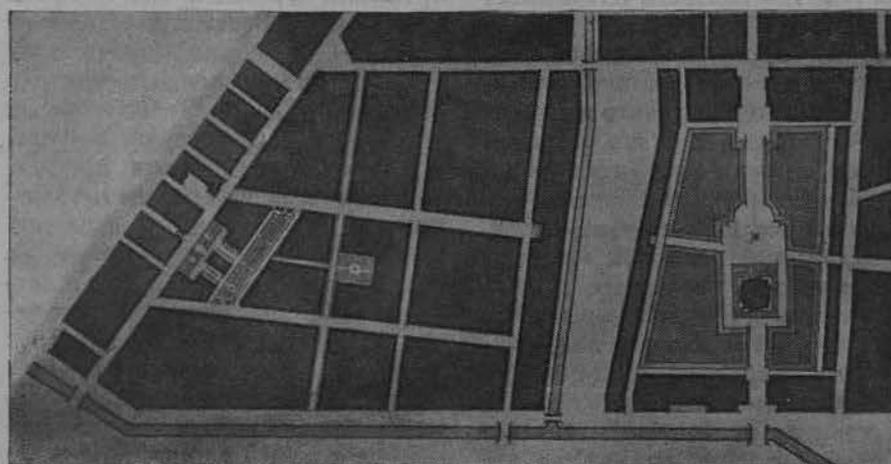

Схема застройки кварталов одного из микрорайонов Ленинграда до реконструкции

Существующая планировка микрорайона

Предлагаемая планировка микрорайона после восстановления

Поражения авиабомбами в большинстве случаев, если учесть очень плотную застройку рассматриваемого района и малые размеры жилых домов в плане, привели к значительному повреждению объектов,

очень часто требующему разборки строений, так как восстанавливать их нецелесообразно.

Поражения артиллерийскими снарядами, как правило, носят местный характер и в большин-

стве случаев могут быть ликвидированы.

Объекты, пораженные пожарами во время блокадной зимы 1941—42 гг., в силу целого ряда причин, не всегда могли быть потушены. В оставшихся после пожара частях зданий произошли также внутренние изменения, которые привели к последующему обрушению их.

Очень часто обнаженные конструктивные элементы зданий оставались длительное время подверженными атмосферным воздействиям, что усугубило полученные травмы и привело объекты к полному разрушению.

Необходимо установить объекты, предназначенные к сносу, так как в зависимости от количества освобождаемых участков и их распределения по территории кварталов зависит принцип принимаемого архитектурно-планировочного решения. Поэтому прежде чем приступить к проектированию каких-либо мероприятий по восстановлению и реконструкции жилых кварталов, необходимо определить количество застройки, подлежащей сносу. На восстановительный период важно освободить микрорайоны от развалин, расчистить участки, озеленить их и принять определенные решения о принципах восстановительной реконструкции районов. Поэтому определение объема работ по сносу первым приближением на определенном этапе восстановительного проектирования вполне допустимо (см. табл. 1 на стр. 10).

Общий процент застройки микрорайона, получившей те или иные внешне определяемые травмы, равен 30,7. В это количество не вошли здания, определение степени разрушения которых требует исследования. Из этой таблицы также следует, учитывая вышесказанное, что процент зданий, подлежащих сносу, равен 9,7. Следовательно, на восстановительный период процент застройки микрорайона снижается. Новое количество свободных площадей определится как сумма, состоящая из некоторого количества резервных площадей, имевшихся в кварталах до начала военных действий, и количества площадей, освобождаемых от застройки в результате сноса.

Для решения вопроса о принципе реконструкции кварталов при их восстановлении необходимо знать,

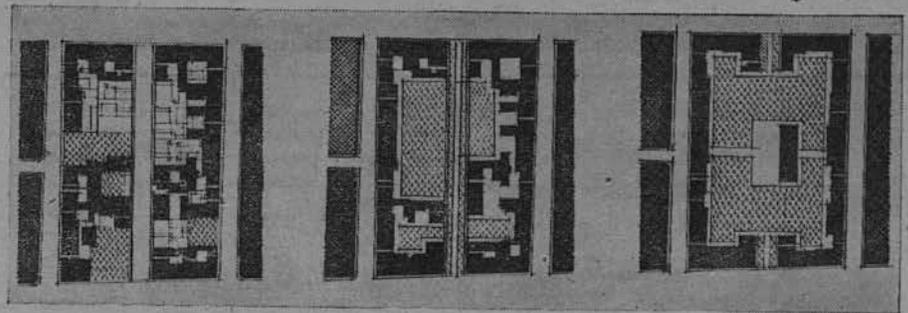
каким образом распределяется баланс освобождаемых площадей по кварталам. Освобождаемые территории могут быть сконцентрированы в одном участке микрорайона, и в этом случае принцип реконструкции может быть один, но может быть и другой случай, — когда баланс освобождаемых территорий распределяется равномерно по кварталам; в этом случае в основу должен быть положен отличный от первого принцип реконструкции кварталов.

Как показывает практика, распределение освобождаемых площадей происходит неравномерно между кварталами микрорайона; поэтому реконструкция должна подвергнуться лишь часть территории микрорайона. Сопоставляя показатели, характеризующие состояние микрорайона накануне войны, с нормативными данными, получим следующие цифры (см. табл. 2 на стр. 10).

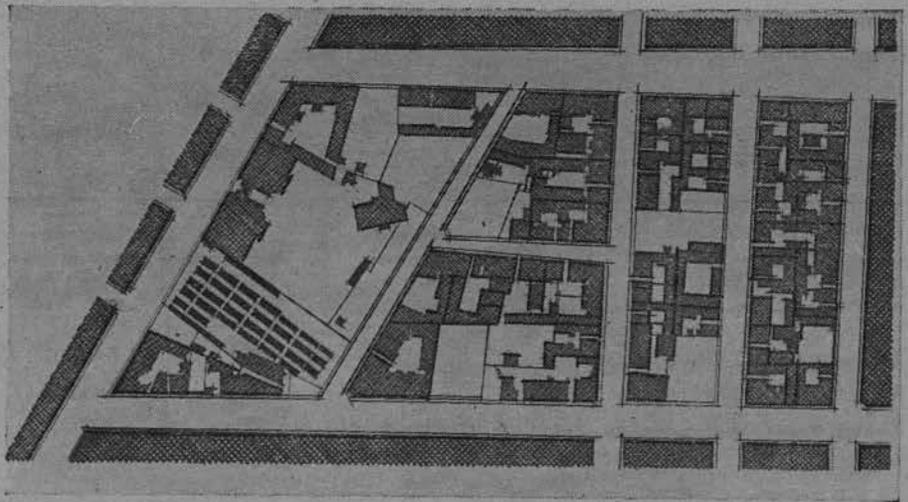
Исходя из этих данных, мы приходим к конкретному предложению о реконструкции кварталов на восстановительный и перспективный периоды, в котором цифры показателей на восстановительный период будут являться частным случаем, удовлетворяющим решению задачи на определенный отрезок времени (см. табл. 3 на стр. 10).

Как видно из рассмотрения этой таблицы, для того чтобы удовлетворить требованиям снижения плотности населения и увеличения площадей зеленых насаждений, необходимо укрупнить смежные кварталы, в которых, в результате военных действий, оказались большие свободные площади, путем объединения двух кварталов в один; в кварталах, не располагающих возможностями укрупнения, следует производить снижение плотности населения путем снижения процента застройки в пределах существующих периметров, освобождая внутриквартальные пространства от строений.

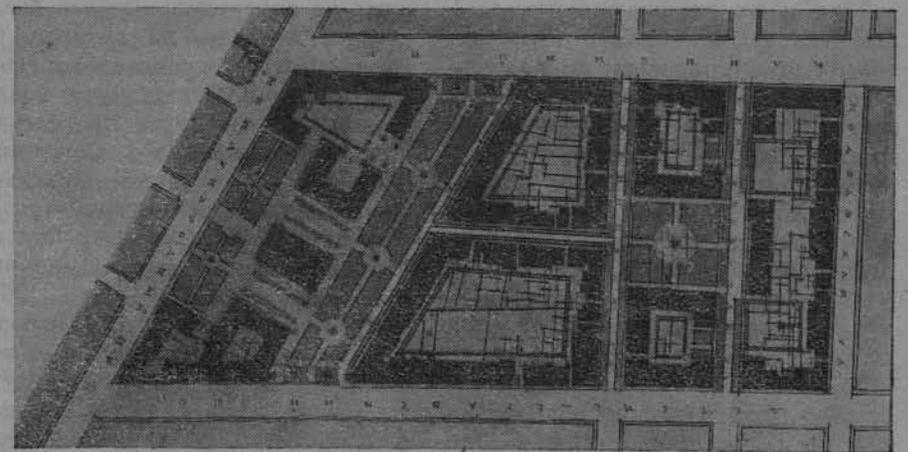
Основное снижение плотности населения и сокращение процента застройки на восстановительный период дадут пострадавшие во время военных действий строения, предназначаемые к сносу, а на перспективный период — строения, сносимые за истечением срока их амортизации. Освобождаемые площади подлежат благоустройству как внутриквартальные простран-

1 — план квартала в начале восстановительного периода; 2 — план квартала в конце восстановительного периода; 3 — план квартала в перспективном периоде.

Планировка и застройка части микрорайона до войны

Планировка и застройка части микрорайона после восстановления

ства. В результате восстановительных работ кварталы могут быть реконструированы, и их состояние приведено в соответствие с понятием социалистического жилого квартала.

В связи с реконструкцией кварталов немаловажное значение име-

ет вопрос о зеленых площадях. Этот вопрос требует исключительного внимания. Зелень в рассмотренном нами микрорайоне полностью отсутствует. По одной из границ микрорайона — Обводному каналу — расположен ряд промышленных предприятий, обильно вы-

Таблица 1

Поражение застройки микрорайона за время военных действий

Площадь застройки микрорайона (м ²)	% поражения авиабомбами	% поражения снарядами	% поражения пожарами
20 681	8,5	21,0	1,2

Таблица 2

Состояние района до войны по сравнению с нормативными показателями

	Плотность населения на 1 га	% застройки микрорайона	Средний размер квартала (га)	Показатели зеленой площади на 1 человека
Показатели по району на 1941 год	2 228	67,1	1,2	0
Нормативные показатели	700	35	6	6

Таблица 3

Показатели застройки микрорайона

	Плотность населения на 1 га	% застройки микрорайона	Количество жилой площади (м ²)
До войны	2 228	67,1	521 362
Начало восстановительного периода	2 085	57,4	488 062
Конец восстановительного периода	1 979	53,5	463 262

деляющих дым и газы, т. е. налицо причины, требующие повышения защитных зеленых площадей. При восстановлении кварталов микрорайона и их реконструкции зеленые площади должны быть не только предусмотрены, но количество этих площадей должно быть максимально увеличено. Помимо зеленых площадей, распределенных равномерно по территории микрорайона, вдоль набережной Обводного канала, как линии, наиболее приближенной к источникам, засоряющим воздух, должна быть предусмотрена защитная зеленая полоса.

Так как наибольшее количество освобождаемых площадей падает на кварталы, расположенные между Бронницкой и Подольской улицами, особенно на участке между Клиским и Детскосельским проспектами, то целесообразно названные кварталы объединить в один. Это объединение кварталов вытекает не только из желания их укрупнить, но и из их состояния на данный момент; объединение кварталов связано со степенью поражения

фронта застройки вдоль улицы. Наиболее пораженные улицы, не имеющие большого транспортного значения, целесообразно превращать во внутриквартальные озелененные проезды, на которые будет выходить сохранившаяся часть застройки. В последующем планировка квартала будет приведена в полное соответствие с намеченной по проекту за счет дополнительного освобождения внутриквартальных пространств от застройки после истечения амортизационного периода.

Восстанавливать кварталы в том виде, в котором они были до войны, в большинстве случаев нецелесообразно в силу очень высокого процента застройки, лишаящего кварталы элементарных санитарно-гигиенических условий (отсутствие проветривания, инсоляции, большая скученность населения). Одной из причин, препятствующих достижению кварталами нормальных санитарно-гигиенических условий, являются их малые размеры; поэтому первое мероприятие при реконструкции восстанавливаемых

кварталов — это объединение двух рассматриваемых кварталов в один.

Второе мероприятие состоит в определении площади застройки, подлежащей сносу, с последующим использованием освобождаемых площадей под озеленение и размещение устройств культурно-бытового обслуживания кварталов.

Средний процент застройки по двум анализируемым кварталам до войны составлял 62, средняя плотность населения по тем же кварталам на тот же срок составляла 2 089 чел. на 1 га. За период войны 6 548 м² застройки, по ориентировочным подсчетам, получили такие повреждения, что требуют разборки. Таким образом на восстановительный период процент застройки может быть снижен до 36,2, что даст плотность населения в 1 226 чел. на 1 га.

В перспективном периоде процент застройки будет доведен до 32, а плотность населения будет снижена ориентировочно до 1 000 чел. на 1 га.

Зеленые площади, ранее отсутствовавшие в кварталах, достигнут нормы в 4,8 м² на чел.

В результате реконструктивных мероприятий, проведение которых рассчитано на два срока — восстановительный и перспективный периоды, мы коренным образом изменяем характер кварталов, лишаем их особенностей, присущих старым петербургским кварталам «дходных домов», и превращаем их в жилые кварталы нового типа.

Исходя из условий большого города, должен быть сохранен принцип периметральной застройки кварталов; поэтому уменьшение процента застройки должно происходить главным образом за счет внутриквартальных строений. Освобождаемые площади должны быть использованы для увеличения зеленых насаждений и размещения устройств культурно-бытового обслуживания.

На конкретном примере мы пытались показать путь реконструкции перенаселенных жилых кварталов с сильно пораженной застройкой при наличии основной планировочной схемы. В зависимости от степени повреждения того или иного квартала определяется срок его окончательной реконструкции.

ПРИЕМЫ ПЛАНИРОВКИ ПОСЕЛКОВ

В. Семенов-Прозоровский

Поселковое строительство, осуществляющееся в нашей стране с начала реализации Сталинских пятилеток, имеет огромные перспективы в ближайшем будущем. Жилищное строительство во время войны сосредоточивалось главным образом в поселках при перебазированной на Восток вновь строящейся или восстанавливаемой промышленности. Предстоящее огромное строительство новых фабрик, заводов, железнодорожных станций, совхозов и т. п., а также восстановление разрушенного хозяйства в районах, освобождаемых героической Красной армией, будут вызывать к жизни сотни и тысячи новых поселков. Архитекторы, и в первую очередь градостроители, должны быть готовы сделать эти поселки гигиеничными, красивыми и экономичными.

Готовясь к предстоящему поселковому строительству, следует критически просмотреть все сделанное в этой области до сих пор как у нас, так и за рубежом и наметить основные пути, по которым следует направить это строительство.

Поселковое строительство в СССР неоднократно меняло свои формы, пройдя несколько этапов развития.

На первом этапе — от начала революции и до начала осуществления плана первой пятилетки — небольшой объем поселкового строительства и малое внимание, которое ему уделяли, не дали возможности кристаллизироваться каким-либо характерным приемам. Строительство велось часто по проектам, выполненным еще до революции, а если по вновь созданным, то не дающим каких-либо новых решений, хотя в творческих исканиях того времени новые приемы уже начали занимать большое место. Все же в этот период преобладают решения, трактующие поселок, как мадьянский город, или же копирующие, без сколько-нибудь заметной критики, зарубежные приемы.

Второй этап — период первой пятилетки — характерен большим объемом поселкового строительства и переносом в поселки приемов планировки, присущих городу. Застройка резко укрупняется, и основным типом жилья становится 4-этажный, многоквартирный дом или общежитие. Общественные здания в поселке своими объемами могут поспорить со многими столичными. Планировка кварталов, как правило, рассчитывается на полностью обобществленный быт. Конструктивизм, владевший в то время умами большинства архитекторов, наложил отпечаток и на планировочные решения. В работах этого этапа можно встретить отвеченные композиции, порою чисто графические (рис. 1).

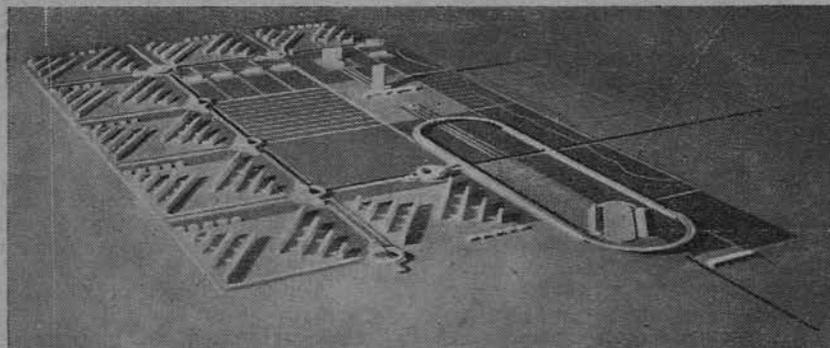
Третий этап начинается одновременно с общей перестройкой советской архитектуры, когда требование

высокого качества было выдвинуто со всей остротой. Освещенные классического наследия, переход к монументальным композициям, большим и сложным ансамблям, наметившимся в то время в городах, переносятся и в поселок. Застройка становится еще ближе плотной, дома исключительно многоэтажные, благоустройство — городского типа. План поселка в целом занимает ряд основных приемов городского плана: прямые линии и углы, симметрия, оторванность от естественных условий. В целом — специфически «поселковый» характер застройки теряется еще больше (рис. 2). В конце этого этапа наметилось новое понимание планировочных особенностей поселка, вызванное переходом к малоэтажным типам жилья. Стало ясно, что планировка в поселке должна иметь иные формы, следует иначе определять участок при доме, улицу, площадь, озеленение и прочее по сравнению с городом. Поиск планировочных методов, соответствующих характеру малоэтажного до-

ма и самого поселка, привели к изучению приемов поселкового строительства за рубежом (рис. 3).

Четвертый этап — от начала войны до наших дней. В начале войны все работы по поселковому строительству были направлены к выработке наиболее простых и доступных приемов, при которых скорость возможного осуществления, простота работы и минимальное количество затрачиваемых материалов являлись самыми важными требованиями. Застройка намечалась земляночного типа или сборными стандартными домами, благоустройство самое примитивное, план поселка простейший.

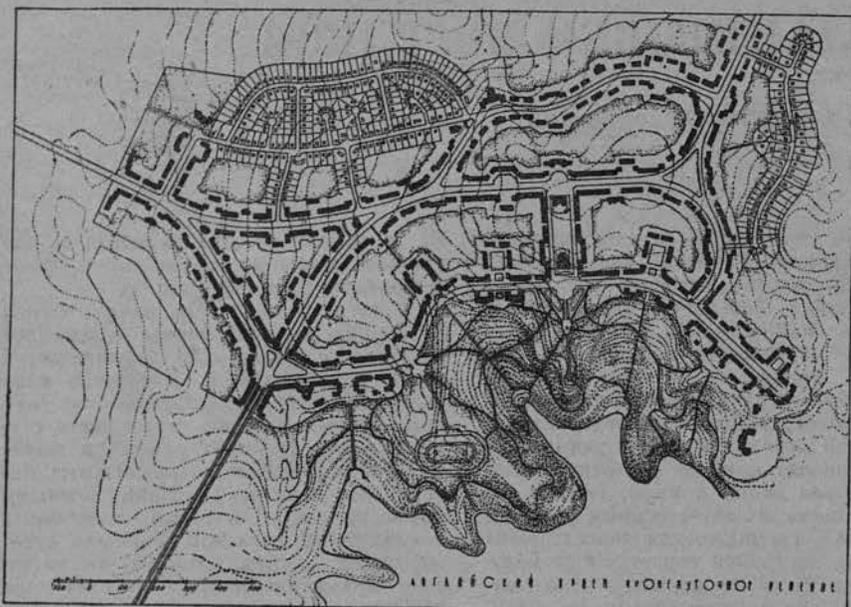
В дальнейшем критическая оценка прежней практики и необходимость обеспечить проектами не только временное, но и постоянное поселковое строительство заставили вернуться к начатым перед войной исканиям более совершенных, со всех точек зрения, решений проблем поселкового строительства.

1. Макет поселка «Автострой», 1930 г.

2. Перспектива к проекту планировки поселка «Чирникстрой»

3. Экспериментальный проект планировки поселка «Кенгур», 1910 г.

Основные особенности поселка можно определить следующим образом. В поселке человек, не теряя связи с природой, пользуется в то же время всеми благами, которые может дать город. Это обеспечивается предоставлением каждому жителю земельного участка для разведения сада или огорода, большим количеством зеленых и свободных территорий в поселке, близостью, в силу малых размеров поселка, природы или непосредственным внедрением ее в поселок (лес, пруд и т. п.).

В это же время благодаря интенсивной застройке, а также связи с благоустроенным предприятием поселок может иметь все или почти все виды благоустройства, а предприятие имеет возможность построить в поселке необходимые общественные здания (поселковый совет, клуб, больница, школы и пр.).

Следующая особенность поселка — его малая территориальная величина и отсутствие тенденции к постоянному

росту. В связи с этим композиция плана поселка может быть очень простой, так как она имеет дело всего лишь с одной функцией поселка — служить местом жилья, в отличие от города с его районами промышленности, транспорта и т. д.

Отделить генеральный план от проекта застройки в поселке невозможно, так как план без системы застройки неизбежно становится геометрической схемой, теряющей масштабность и связь с местом.

Проектирование и строительство поселка ведутся обычно одной и той же организацией и с относительно большими возможностями механизации благодаря использованию механизмов, имеющихся на строительной площадке предприятия.

Особыми чертами отличается и архитектурный образ поселка. Образ города строится на архитектуре зданий, монументов, улиц и площадей, организованных массивах зелени, на преобра-

зовании рельефа, создании новых водоемов и пр.

Архитектура деревни, малой по размерам, с редкой и мелкой застройкой, с большими садами и огородами, с простейшими приемами обработки улиц, с лесами и полями, окружающими строения, целиком подчиняется природе.

Образ поселка, занимающего промежуточное положение между городом и деревней, формируется сложнее. Поселок не должен подчинять себе природу, ибо для этого у него нет достаточно архитектурных средств, но и не должен раствориться в ней. Поселок должен создавать пространственную организацию населенного места архитектурными средствами в полной гармонии с природой. Особенно важно поэтому учитывать в планировке поселка естественные условия места. На первом месте здесь стоит увязка плана с рельефом, с каждой площадкой, склоном, холмом и т. п., с существующей зеленью, оберегая каждое красивое дерево и используя все другие возможности, предоставляемые местностью: берега рек, пруды, овраги и пр.

Все эти особенности поселка позволяют сказать, что простота и законченность композиции, особые черты архитектурного образа, гармонично связанные с природой, характерные типы жилья и увязка их с земельным участком, возможность благоустройства поселка и обслуживания населения выдвигают поселок как самостоятельную отрасль искусства градостроительства.

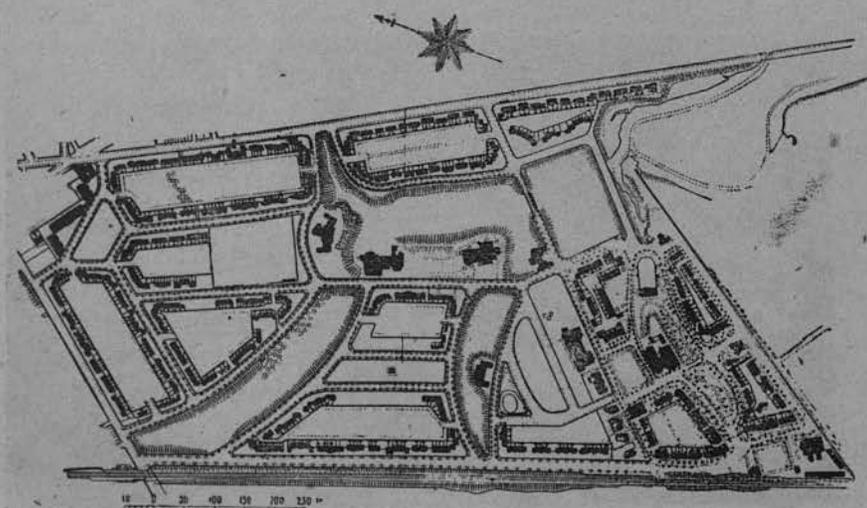
Наша практика выработала основной прием планировки, который можно определить как прямоугольный, прямоугольный, квартальный.

Основными недостатками этого приема являются: ограниченные возможности применения его по условиям рельефа, так как прием требует совершенно ровной территории, дороговизна благоустройства, монотонный невыразительный рисунок плана, не увязывающийся с природными условиями.

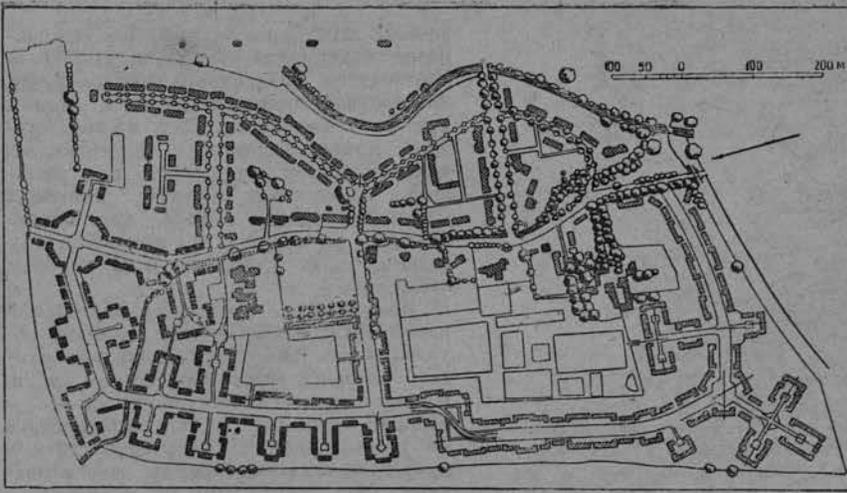
Начало серьезных поисков типов плана и застройки малых населенных мест поселкового типа относится к началу нашего столетия в Англии — в форме так называемых городов-садов (рис. 4 и 5). Решение оказалось настолько удачным, что его стали применять почти во всех других странах Европы и в Америке. В ряде стран этот тип поселка применяется без значительных изменений (Франция, Бельгия, Норвегия, Швеция и др.), но в других странах он сильно трансформировался под влиянием местных вкусов, типов жилья, природных особенностей, уклада жизни (рис. 6, 7, 8 и 9).

Планировочные типы городов-садов в Англии в свою очередь также эволюционировали.

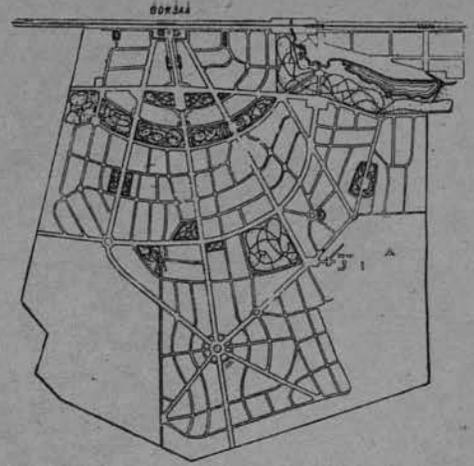
Установив различные приемы планировки поселков, мы составили эскизы планировок, выразив в них наиболее характерные особенности каждого приема. Положив в основу этих эскизов совершенно одинаковое задание (по количеству населения, типу застройки, видам благоустройства, окружающим

4. Английский поселок конца XIX столетия «Port Sunlight»

5. Английский поселок 20-х годов «Earswick». Автор W. Parker

6. Поселок при платформе «Прозоровской», 1912 г.

7. Немецкий прием «строчной застройки»

сти расселения и озелененность поселка; второй — интенсивность использования улицы, т. е. экономичность решения, и оба показателя позволяют сравнивать генеральные планы, выполненные в любых приемах.

1. Планировка квартальная прямоугольная, прямолинейная (рис. 10). План — «сетка», лишенная архитектурного замысла и выразительности; зелень, как органический элемент плана, отсутствует (парк примыкает к жилью механически); центр не организует всего плана, улицы проходят по отношению к нему безразлично, хотя расположение центра на магистральной улице закономерно. Застройка, повторяя геометрию планировки, монотонная. Прием пригоден лишь для ровного (с равномерным уклоном) рельефа. Поселок очень компактен, с высо-

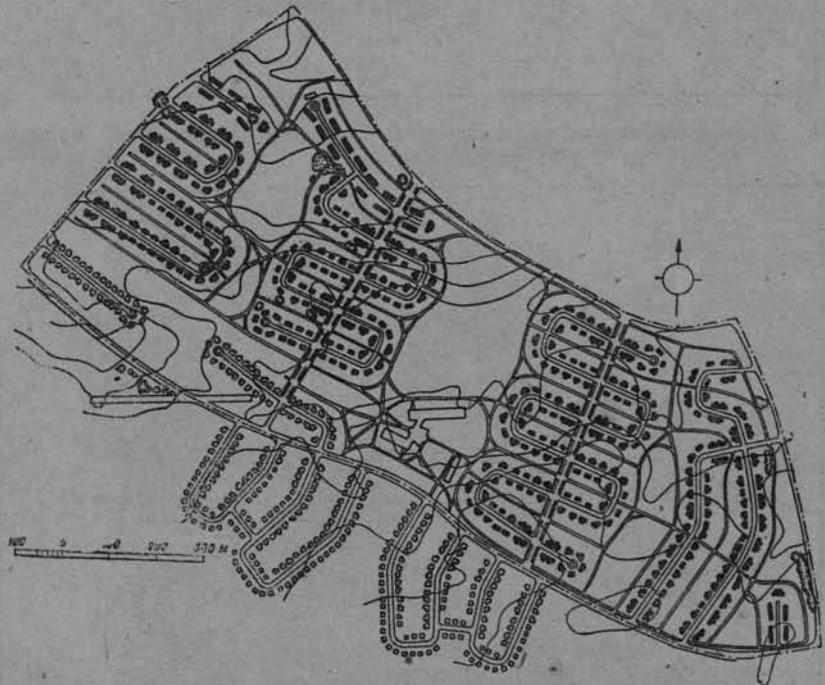
кой плотностью бруто. В отличие от обычных для нашей практики решений план сделан без окраинных и односторонних застроенных улиц, что резко повышает его экономичность — линейная плотность высокая.

2. Планировка большими кварталами, со сплошной периметральной застройкой (голландский тип).

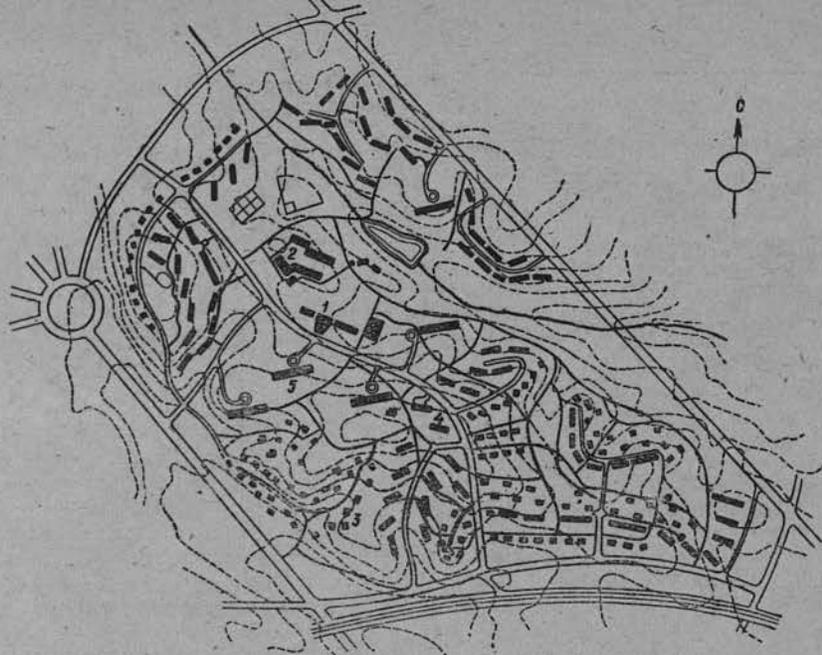
Планировка развивает в основном тему предыдущего приема. Рисунок плана более разнообразный за счет отказа от обязательной прямоугольной формы кварталов и прямолинейности улиц. Композиционный скелет (магистраль «крестом») делает план более ясным. Пересечение магистралей органически выделяет центр. Вследствие плотности застройки внутри поселка почти нет зелени. Прием планировки и в особенности застройки характерен для ис-

поселок условиям и т. п.), можно, очевидно, получить сравнимые показатели. Наиболее выразительными и характерными можно считать следующие типы планировки поселков: наша предвоенная практика, английские типы разных периодов, голландский, немецкий и ряд американских типов. Задачей для проектирования принят поселок на 10 000 человек (при 9-метровой норме жилой площади) с застройкой двухэтажными блочными домами несгораемой конструкции, с индивидуальными садами при каждой квартире и общими сараями и огородами. Благоустройство — водопровод и канализация. Общая ситуация (расположение предприятия, водоема, зелени и пр.) одинаковая — рельеф, наиболее благоприятный для каждого приема.

Для сравнительной оценки тех или иных планировочных приемов мы применим следующие основные показатели: плотность бруто, выраженную в количестве жилой площади, приходящейся на гектар поселка в целом, и линейную плотность — размеры жилой площади, приходящейся на погонный метр улицы. Эти два показателя определяют: первый — степень простран-

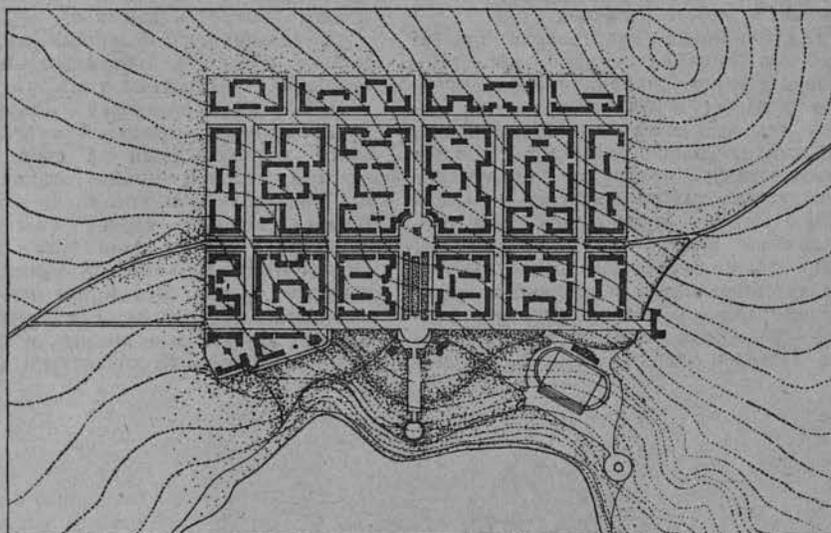

8. Американский поселок «Willow Run»

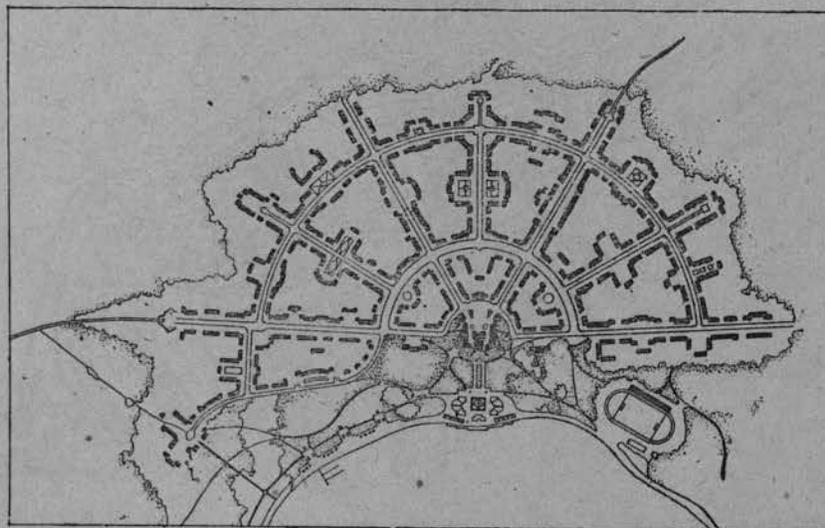

9. Американский проект района смешанной застройки (Mixed Neighbourhood), 1943 г.

1 — магазины, ресторан, кино; 2 — начальная школа; 3 — одноквартирные дома; 4 — блочные малоэтажные; 5 — блочные многоэтажные

10. Экспериментальный проект 1943 г. Прием квартальной прямоугольной планировки

11. Экспериментальный проект 1943 г. Английский ранний прием

ключительно ровного рельефа. Однообразие начертания застройки несколько нарушается введенными курдонерами, но широкое применение их в данном приеме невозможно. Как и предыдущий, прием характерен интенсивным использованием территории, т. е. большой плотностью брутто; линейная плотность также велика, что объясняется размещением застройки не только вдоль улиц, но и в глубине кварталов.

Квартальная, но не прямоугольная планировка, с обстройкой главным образом вдоль улиц (английский тип раннего периода, рис. 11). Прием, отражающий постепенный отход от квартальной системы. Часть улиц делается не прямолинейной. Кварталы, хотя и имеют правильные формы, застраиваются лишь вдоль улиц, на композицию которых обращено внимание. Вся планировка подчиняется крупному элементу природных условий, в данном случае парку у пруда. Значение главной магистральной улицы становится меньше, что правильнее в условиях поселка, где все улицы обстроены жилыми домами. Зеленых насаждений внутри застройки мало, так как хотя кварталы в середине не застроены, они не настолько велики, чтобы для зелени в них можно было бы отвести много места. Центр поселка объединяет весь план, направление многих улиц подчинено центру. Такой прием может применяться не только на ровном, но и на несильно пересеченном рельефе. Плотность брутто и линейная плотность достаточно высоки.

3. «Свободный план» (английский тип, рис. 3). Этот тип характеризуется отказом от квартальной системы, причем не все возможности фронтальной (вдоль улиц) застройки использованы. Застройка сделана лишь в один ряд, по фронту улицы, не развиваясь вглубь. Общий рисунок плана обусловлен особенностями местности. Некоторые точки, в соответствии с условиями рельефа, выделяются как главные; на них размещены центр поселка и ряд общественных зданий. Благодаря большому озелененным пространствам между линиями застройки поселок насыщен зеленью. Каждый жилой дом одной стороной ориентирован на зеленый массив. Композиция плана вытекает из рельефа местности и поэтому может быть применена к любому рельефу. Плотность брутто при таком приеме очень невысока. Вследствие малой интенсивности застройки улиц линейная плотность ниже средней, что говорит о недостаточной экономичности приема.

4. Английский «свободный план» в его законченном выражении (рис. 12) характеризуется интенсивной фронтальной застройкой. Вся полоса земли, прилегающая к каждой стороне улицы и обслуженная сетями благоустройства, застроена. В рисунок застройки вносится большое разнообразие путем применения курдонеров, малых тупиков и пр. Композиция плана упрощается, сокращается общая протяженность улиц. Поселок насыщен зелеными территориями настолько, что даже парк частично переносится в середину застройки. Прием может быть применен к любому рельефу, даже в усло-

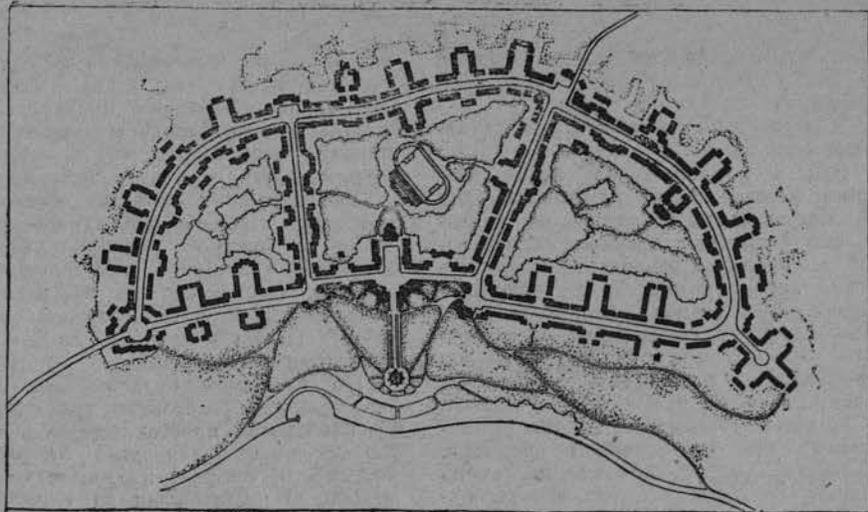
виях сильно пересеченной местности. При низкой плотности брутто (что говорит о хороших гигиенических качествах планировки), очень высока линейная плотность, т. е. планировка весьма экономична.

5. «Строчная застройка» (немецкий тип, получивший распространение после первой мировой войны.

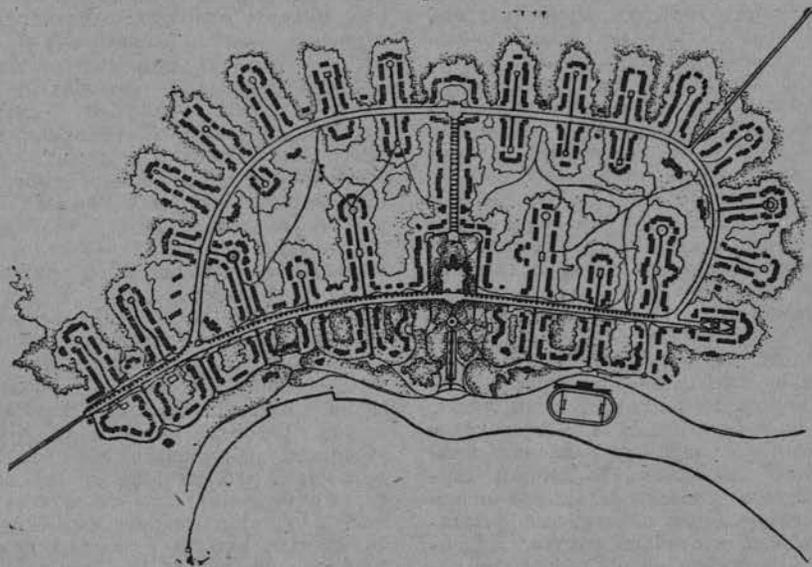
Прием не столько планировки, сколько застройки. Примененный в послевоенное время, он сводит на-нет значение генерального плана, так как улиц в нем, собственно, нет, за исключением двух-трех. Остальные проезды имеют характер скорее внутриквартальных. Построение плана в целом — механическое, композиция весьма примитивна. Центр поселка никак не влияет на построение всего плана и не вытекает из него. Зелени внутри поселка нет. Застройка исключительно однообразна и скучна. В силу большой протяженности ее и прямолинейности плана в целом застройка требует очень ровной площадки. Вопреки распространенному в свое время мнению, что «строчная застройка» очень экономична (во имя чего нередко мирились с ее монотонностью, а иногда и просто безобразием), оказывается, что этот прием неэкономичен. При очень высокой цифре плотности брутто, т. е. большой затесненности, линейная плотность очень низка, ниже, чем во всех других типах планировки; таким образом «строчная застройка» представляет собой наименее экономичный тип планировки поселка.

6. Свободный план в прямых линиях и с фронтальной застройкой. Особенности плана: прямые улицы, примыкающие одна к другой, под самыми разнообразными углами. Застройка лишь вдоль улиц, большие свободные пространства между линиями застройки. Монументальное решение центра, на который ориентированы главные улицы поселка. Для максимального использования фронта улиц, без тупиков и курдюперов, жилые дома приняты блочной системы, предельной протяженности. Композиция плана — ясная и простая — строится на осях, ведущих к центру. Поселок может быть интенсивно озеленен. Планировка пригодна и для ровных, и для сильно пересеченных площадок. Плотность брутто невысока настолько, что застройка может считаться просторной. Линейная плотность достаточна для того, чтобы считать этот тип планировки экономичным.

7. Планировка поселка, рассчитанного на широкое распространение автомобиля (американский тип, рис. 13). Основная идея заключается в четком разделении улиц на транспортные, куда не выходит жилая застройка, и жилые, где не может быть транзитного движения. Жилые дома размещаются в небольших тупиках, окружены зеленью и полностью изолированы от пыли и шума, возникающих на транспортной улице, являющейся дорогой в чистом виде. Показатели схемы: очень низкие плотности брутто и линейная, просторное расселение и неэкономичность застройки. Эта последняя черта объясняется наложением одной на другую двух систем улиц, в то

12. Экспериментальный проект 1943 г. Английский поздний прием планировки

13. Экспериментальный проект 1943 г. Американский «автомобильный» прием планировки

14. Экспериментальный проект 1943 г. Американский «петельный» прием планировки

время как в других схемах одни и те же улицы выполняют функции и транспортных улиц и жилых.

8. Предельно развитые тушки (американский прием).

Как и в предыдущей схеме, этот прием решает задачу разделения улиц на жилые и транспортные, но максимально сокращает протяжение последних и превращает жилые тушки в тушковые улицы. Композиция ясно ориентирована на центральный парк, с свободным начертанием улиц. Застройка фронтальная, с большим количеством зелени. В целом прием можно отнести к приемам свободного плана, применимым на пересеченном рельефе. Плотность брутто, естественно, очень низка, что говорит в его пользу, однако низкая линейная плотность указывает на недостаточную экономичность схемы.

9. Схема «петель» (американский прием, рис. 14). Основная особенность построения плана — отказ от тушек и замена их так называемыми «петлями», которые считаются американскими градостроителями более дорогими, но более удобными. Общее начертание плана свободное, хотя в некоторой части, в центре, сделан четкий рисунок, подчеркивающий значение этого места. Застройка при таком приеме, в основном фронтальная, может быть сильно развита в глубину применением курдонеров. Схема в целом может быть применена и на ровном и на пересеченном рельефе, однако на сильно пересеченном ее рекомендовать не следует. Зелень может быть и в большом и в малом количестве, что зависит от размеров, придаваемых кварталам. В данном случае места под зелень выделены достаточно скупо. Этим объясняется довольно высокая плотность брутто. Линейная плотность не очень высока, и показатели экономичности такого приема занимают среднее место среди остальных схем.

Перечисленные типичные приемы планировки поселков полностью сравнимы, что позволяет сделать выводы о целесообразности применения того или иного приема в различных условиях.

Дать оценку архитектурно-планировочного качества приема в объективных, выражающихся в цифрах, показателях невозможно. Предполагается лишь общая оценка, учитывающая: а) выразительность плана, б) большие или меньшие возможности, открывающиеся для застройки, в) степень возможной увязки плана с местностью, г) качество архитектурной схемы центра поселка.

Понимая всю условность такой оценки, мы все же можем отметить высокие качества английских приемов «свободного плана» (рис. 3 и 12), хорошее качество приемов голландского, английского раннего периода и амери-

канского «автомобильного» и «петельного» (рис. 11, 13 и 14). Удовлетворительными следует признать прямоугольно-квартальную и развитую тушковую схемы (рис. 10) и неудовлетворительной — строчную застройку.

Гигиенические качества различных приемов наиболее объективно определяются цифрой плотности брутто. Наиболее просторное расселение, естественно, сопровождается большим количеством зелени, более легкой ориентацией зданий в нужном для хорошей инсоляции направлении.

По плотности брутто приводимые схемы можно разбить на три группы: а) расселение просторное — от 550 до 750 м² жилплощади на 1 га (60—80 чел/га), б) средней плотности — от 750 до 900 м² жилплощади на 1 га (80—100 чел/га) и в) тесное расселение — свыше 900 м² жилплощади на 1 га (100 чел/га). К группе «а» относятся все приемы свободного плана, кроме американского «петельного» (рис. 3, 12, 13), к группе «б» относятся английский раннего периода и «петельный» (рис. 11 и 14) и к группе «в» — кварталный прямоугольный, голландский и «строчный» (рис. 10).

Экономичность приемов определена стоимостью основных видов благоустройства (водопровод, канализация и улицы) в тех своих частях, где она изменяется под влиянием различных схем генерального плана, т. е. стоимостью уличных и дворовых сетей. На основании составленных инженерных схем и сметных соображений, определивших стоимость указанных видов благоустройства, все схемы можно разбить на четыре группы: а) весьма экономичные со стоимостью до 20 тыс. руб. на 1000 м² жилплощади, б) экономичные — от 20 до 22,5 тыс. руб., в) неэкономичные — от 22,5 до 25 тыс. руб. и г) весьма неэкономичные — свыше 25 тыс. руб. К группе «а» относится поздний английский прием (рис. 12), к группе «б» — кварталный прямоугольный, голландский, английский ранний и примененный в Германии и американский «петельный» (рис. 10, 14), к группе «в» — английский промежуточный и американский «автомобильный» и развитых тушек (рис. 3 и 13) и к группе «г» — «строчный».

В целом по сумме всех качеств можно сделать вывод, что к лучшим приемам следует отнести приемы свободного плана, в частности английские, кроме раннего (рис. 3, 12 и 14).

Рассматривая все приведенные приемы не как образцы решений задачи, а лишь как основания для определения композиционных осев, которые следует принять в поселковом строительстве, можно сделать ряд выводов.

Поселки должны решаться просторно. Во всех случаях, когда территориальные условия этому не препятствуют, надо стремиться к минимальной плотности брутто. Сейчас, когда

доказано, что экономичность планировки не зависит от плотности брутто, обычное возражение против просторного плана, именно его дороговизна, отпадает. Для экономичности плана важна высокая линейная плотность, которая может быть достигнута при низкой плотности брутто. Просторный план — самый гигиеничный, он лучше и легче всего приспосабливается к месту, в наибольшей степени использует природные условия, дает наибольшие возможности для хорошего архитектурного решения и разнообразия застройки.

Свободный план при фронтальной застройке дает лучшие схемы планировки поселка. Четкая композиция свободного плана легко воспринимается в натуре, органически вписывается в рельеф и сливается с природой. Формы плана и застройки разнообразны, живописны и выразительны; достигаются экономичные показатели в части земляных работ, уклонов улиц, протяжения улиц и сетей благоустройства.

Фронтальная (т. е. только вдоль улиц) застройка имеет ряд архитектурных преимуществ. Композиция строится по линии улицы, т. е. по линии передвижения зрителя. Средства архитектурной выразительности у фронтальной системы очень богаты: рисунок улицы легко развивается в застройке применением отступов, курдонеров, тушек и т. п. Фронтальная застройка легко приспосабливается к любому рельефу и очень экономична.

Следует отметить, что применение нового показателя — линейной плотности — целиком себя оправдало. Линейная плотность, кроме определения абсолютного количества застройки, является показателем экономичности плана и, как показатель, годится при любых приемах планировки.

Наконец, по-новому встает вопрос выбора территории для строительства поселка. Располагая не одним, а несколькими приемами планировки, можно выбирать площадки самого различного характера. Квартальная прямоугольная схема требовала обязательно ровной территории; другие приемы позволяют использовать разнообразный рельеф. В ряде случаев это позволит осуществить поселок ближе к предприятию, водному бассейну или существующей зелени, в более красивом месте. Выбирая территорию, надо одновременно выбирать и прием планировки.

Однако приводимые схемы лишь вскрывают все многообразие возможностей и приемов и определяют основные принципы планировки, которые целесообразно положить в основу композиции поселка. Дать же планировочный рецет на все случаи невозможно.

Каждое место имеет свой план. Это должно стать законом для градостроителя.

АРХИТЕКТУРА ГОРОДА И ТИПИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Аркадий Аркин

Красота города—это прежде всего городской пейзаж, сочетающий различные типы сооружений, органически сложившиеся и определившиеся жизнью города, потребностями людей. Органичность строений создает красоту города. Городской пейзаж является не результатом создания искусственных ансамблей или «регулярности», навязанной городу, а результатом органически созданных строений, в которых внутреннее, жизненное содержание нашло выражение в архитектурных объемах и формах.

Греческий периптер, помпейский жилой дом, русская изба, средневековые башни—во всех этих типах построек мы видим ведущий принцип их объемно-пространственного построения, органически определившийся внутренним содержанием. Сочетание их в пространстве, в системе города создавало красоту его пейзажа.

Традиции и национальные особенности русского зодчества развивались по пути этой органической красоты архитектуры: она прежде всего определялась «пейзажностью», сочетанием объемов в пространстве, восприятием их с далеких расстояний, простором окружающего ландшафта, в котором архитектура выступает, как часть природы, прежде всего своей объемно-пространственной основой. Это определило все остальные элементы архитектуры, характер деталей и декора.

Стилевые влияния Запада (барокко, ампир) получали свое преломление в русской архитектуре, подчиняясь именно этой ее основной черте.

Города Западной Европы, сложившиеся еще в средние века как большие населенные центры, с многоэтажной застройкой улиц, уже тогда создались преимущественно на противоположном принципе—отрыве человека от природы, от далеких пространств. Готика, стремящаяся из тесноты и скученности средневековой застройки ввысь, отражала этот характер средневекового города, в то время как раскинувшийся силуэт русских

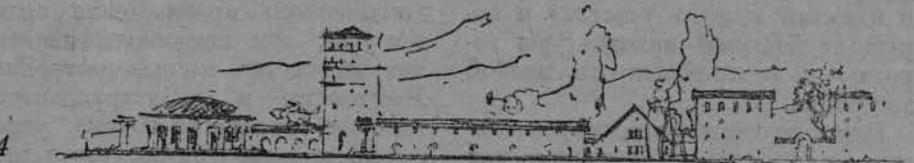
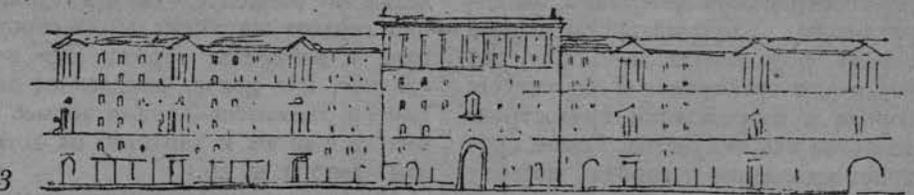
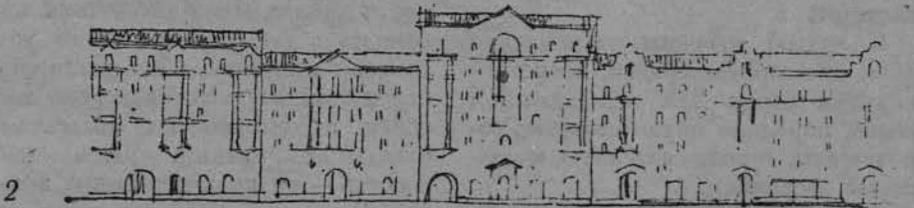
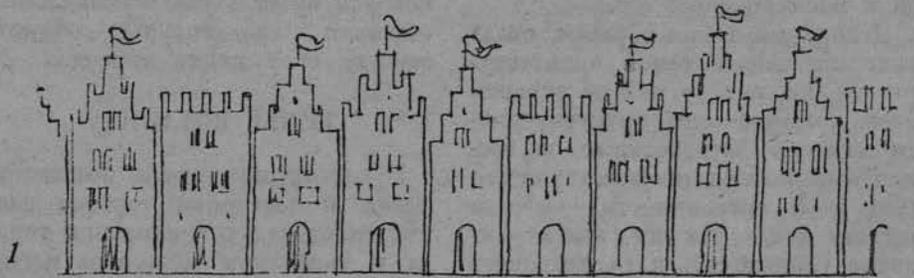
монастырских и церковных ансамблей определялся просторами природного пейзажа.

Все последующее развитие европейской архитектуры, пронесшей традиции античного Рима через тесноту и замкнутость средневековых городов, создало «архитектуру близких расстояний»: такова преимущественно архитектура городов Ренессанса, архитектура «интерьерных» ансамблей городов, архитектура, работающая не экстерьерной пластикой объемов, а деко-

ративным «интерьерным» убранством стены.

В европейских городах большая архитектурная форма принадлежит городу, в русской архитектуре она—часть природного ландшафта.

Унаследовав от средневековья систему улиц-коридоров, оторвавших человека от пространства, капиталистический город в своем механическом росте довел до гипертрофии размеры улиц, площадей, этажность—утратил масштабность

Эволюция многоэтажной застройки улицы:

1—«дома-башни» средневековой улицы; 2—«лоскутная» застройка улицы доходными домами, 3—ансамблевая застройка многосекционно-многоэтажными домами; 4—сочетание объемов жилых, общественных и административных зданий в застройке города

ансамблей средневековых городов. Человек оказался затерянным в гигантских лабиринтах и коридорах улиц города, лишеном свободы ландшафта и масштабности интерьера.

Дома-башни, теснящиеся друг к другу в средневековом городе, превратились в механические отрезки домов-ящиков, в «доскутную» систему многоэтажно-многосекционной жилой застройки «доходных домов».

Пространство пейзажа исчезло, скрылось за стенами бесчисленных коридоров-улиц. Сохранившиеся пейзажные ансамбли старины остались оазисами в этой обезличенной застройке, ставшей законом города. Эта система отвела архитектору место «украшателя уродства» города и маскировщика его.

Декорация, таким образом, стала исчерпывающей темой архитектуры здания, ибо за ней не скрывалось органического архитектурного объема. Мучительные и бесплодные поиски несуществующего (без этой органичности) «образа жилого дома» так же, как стремление упорядочить и регулировать в ансамбли застройку улицы, оставляли незабываемой порочность этой многоэтажно-многосекционной системы.

С другой стороны, стремление уйти от «города-спрута», воспетого поэтами конца XIX и начала XX веков, породило иную реакцию: города-сады, города-сателлиты, поселковые застройки.

Однако ни регулирование застройки города, оставлявшее незабываемой систему многоэтажно-многосекционной застройки, ни города-сады, противопоставлявшие городу поселковую застройку, не создавали органической структуры города и возрождения градостроительства как искусства. Самое противопоставление города поселку ставит перед человеком дилемму: или оторванность от природы в системе регулярной многоэтажной застройки, или близость к природе, к идиллии «своего участка» и отрыв от большой архитектуры города — к раздробленности мелкой застройки.

Развитие нашего градостроительства, пути его возрождения, как искусства, должны вновь вернуться к традициям русского зодчества: это не противопоставление городской «регулярной» архитекту-

ры — раздробленности поселка, это путь сочетания большой архитектуры с природой, с пейзажем.

Город должен вновь наполниться органическими архитектурными объемами, отвечающими его жизненным функциям.

Красота города должна стать не плодом регулирования и упорядочения сложившейся системы застройки, а результатом создания органических по своему строению типов построек. Тогда гармония будет органически присуща городу так же, как она присуща русским селам или горным селениям Грузии, образ пейзажа которых складывается из органических типов построек.

Такие типы должна выработать жилая застройка города, на фоне которой будут звучать уникальные создания архитектуры — общественные сооружения города.

ТИПЫ ЖИЛИЩА

Предстоящие задачи восстановления и застройки городов складываются из задач планировки города и типизации массового жилища. Однако лицо города, его пейзаж не знают раздельности этих двух проблем. В противоположность производству автомашин или самолетов (чему у нас часто уподобляют индустриальное жилищное строительство), выпускающему массовую продукцию как количество отдельных единиц, здесь массовость — не количественное понятие. Результат его — застройка города — создает новое синтезирующее качество, не раскрытое в отдельном элементе — жилом доме: оно создает не уникальные строения, а элементы города. Это последнее, как целое, определяет характер элементов — типов жилья, а вместе с ними и характер их деталей, декора и пр.

Массовость и индустриальность жилищного строительства ломают привычное представление архитектора об уникальности дома, как законченного произведения архитектуры; дом становится элементом множества, частью застройки. Массовость и индустриальность требуют упрощения объема, упрощения деталей. Против того и другого восстает архитектор, стремящийся к неповторимости и многообразию в пределах отдельного дома.

Таким образом, массовость и индустриальность рассматриваются как зло, которое нужно преодолеть и замаскировать, подделав под уникальность. Неповторимость народного узора переносится на заводский штамп, превращаясь в изделие «для народа».

Так неизбежно получается, если массовое жилище решать с позиций создания уникального дома.

В действительности же именно массовость застройки является основой возрождения градостроительства как искусства. Она переносит центр тяжести архитектуры в сочетание типов-объемов строений в системе города. Архитектор из украшателя и декоратора превращается в создателя пейзажа города. Для этого нужно, чтобы архитектор работал над массовым жилищем не как над отдельным домом, а над типами домов (рассматривая последние как элементы, составляющие архитектуру города) и над органическим сочетанием этих типов в системе застройки.

Город, объединяющий людей, различных по роду занятий, потребностям, индивидуальным стремлениям и по характеру семьи, должен сочетать типы жилища, отвечающие этим различиям. Выработав эти типы жилища не только в решении плана квартиры, но найдя им органическое архитектурно-объемное выражение и место в застройке города, мы создадим многообразие массовой жилой застройки города. Это многообразие будет достигнуто не паллиативными средствами декорации, прикрывающими обезличенные повторяющиеся дома-коробки, а будет многообразием, исходящим из внутреннего строения жилища.

Это органическое строение типов жилища должно изменить унаследованный нами от сложившейся застройки города подход к жилищу только с точки зрения жилой ячейки и фасада, подход к жилому дому как к количественному, механическому сочетанию секций.

В создании органического типа жилища раскрывается его архитектурный образ, ибо по существу эти понятия идентичны. Образ русской избы существует независимо от того, украшена ли она искусной резьбой или сделана

лишь топором плотника, образ уже создан самим типом жилища. Однако это положение постоянно нарушается. Принимая за основу унаследованный нами тип жилища, лишённого качества организма и являющегося лишь механическим соединением ячеек квартир или секций, мы пытаемся средствами архитектурного декора создать образ жилья вместо того, чтобы начинать с органического построения жилища и его объемного выражения.

Попытаемся наметить схему решения основных типов жилища, принцип его объемного построения, определяемого его внутренней структурой и характером, принцип сочетания жилых домов в системе застройки. Можно различить три основных типа жилища:

- 1) «малый жилой дом», условно «поселковый дом» (в данном случае парный дом);
- 2) блочный дом;
- 3) многоэтажно-многоквартирный дом.

1. Основной принцип малого дома — замкнутость, законченность организма, ограниченность объема, определяемая его назначением.

В системе застройки этот тип дома становится элементом множества. Это — «повторяемый дом», этим качеством определяется его образ. Тем самым лаконичность, упрощенность его объема становится не только требованием строительной индустрии, но и архитектурным.

Русская изба дает нам пример такого типа жилища, повторяемого в системе застройки улицы села, в противоположность уникальной постройке дачи или загородного дома, существующего изолированно от застройки. Однако это — не повторяемость механических отрезков домов-бараков, характерная для многих поселков у нас и на Западе.

Русская изба, всегда расположенная фронтоном на улицу, дает образ законченного организма, являясь в то же время звеном в цепи

ритмического целого и застройки улицы. Было бы странно нарушать это единообразие, этот порядок, — наоборот, именно в результате его создается восприятие единства в застройке.

Сравнивая распространенный у нас тип поселковой застройки с застройкой русских сел, мы видим, что в первом случае горизонтальная протяженность застройки механически «нарублена» отрезками домов-бараков. Во втором застройка выступает как ритмический ряд, как цепочка, в которой каждое звено имеет свой закон построения. Этот тип застройки можно определить как повторяемость простейших организмов. На этом принципе построено решение парного дома и схемы застройки улицы.

2. Блочный дом, объединяющий ряд квартир, строится по принципу протяженности, дает «горизонтальный» тип дома. Объединяя группу квартир и участков в комплекс двора, он становится ча-

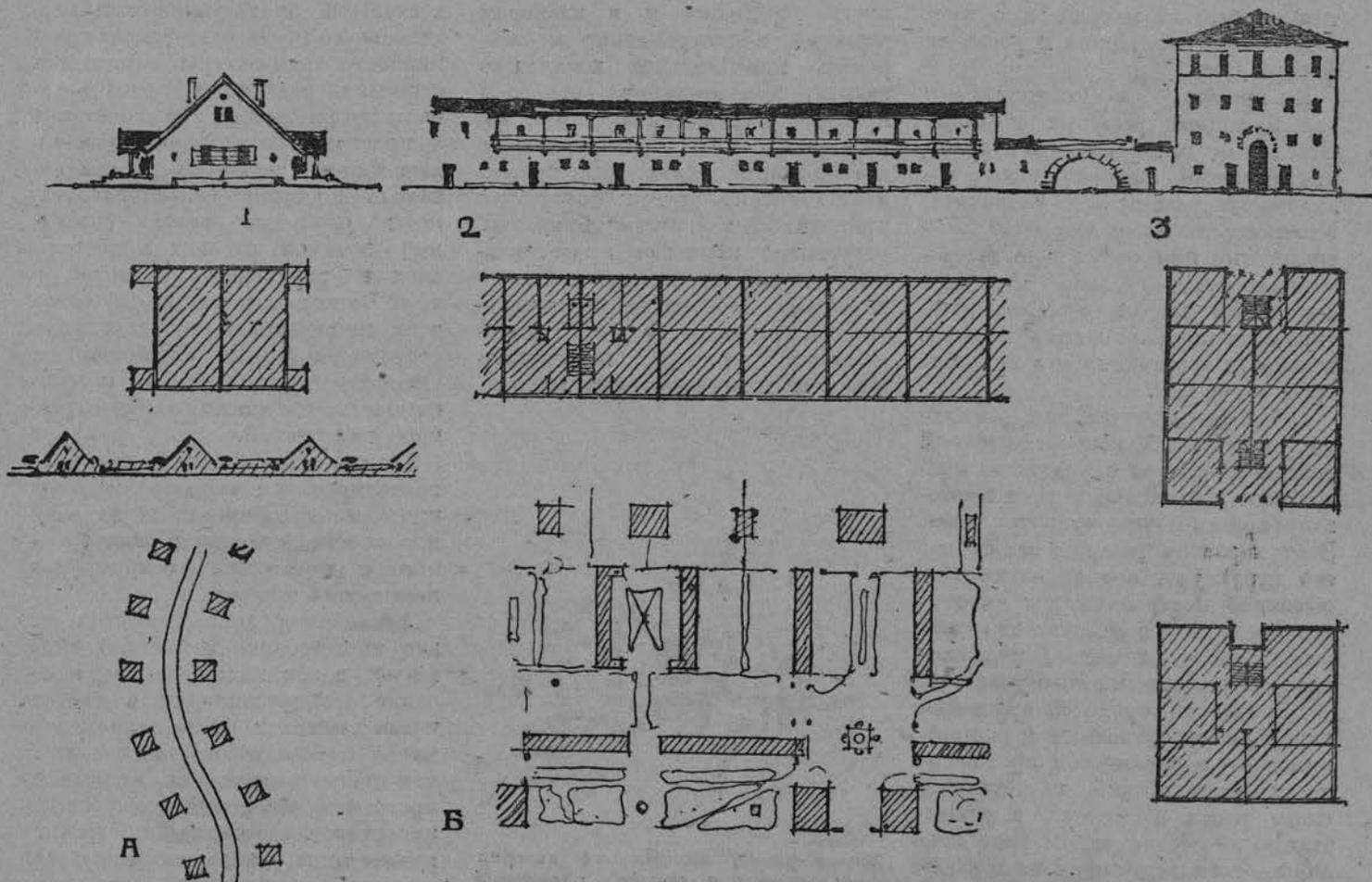

Схема трех типов жилища и их объемного решения
 1 — парный коттедж; 2 — блочная застройка — «горизонтальный» тип; 3 — многоквартирный дом с лестничной клеткой — вертикальный тип.
 А — принцип застройки жилой улицы однотипными домами; Б — принцип застройки городской улицы, сочетающий различные типы жилища

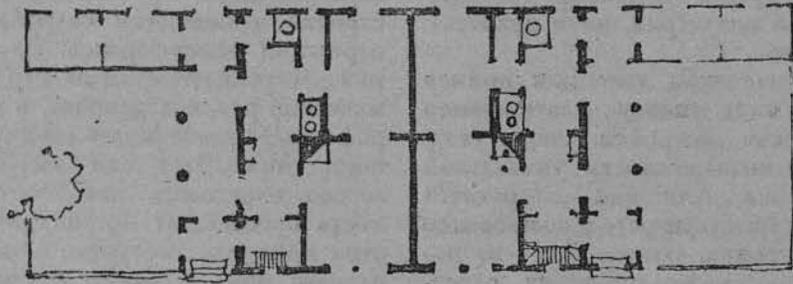
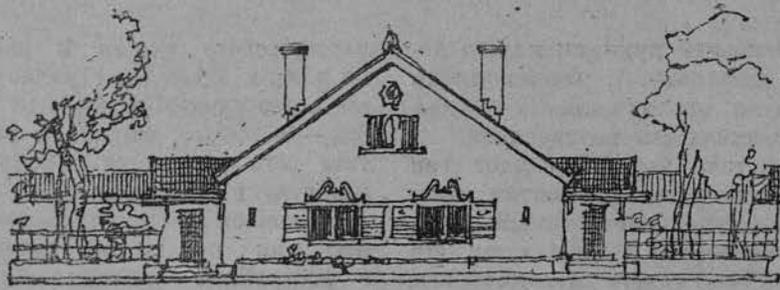

Схема парного дома

стью организма. Его высота в 2—2,5 этажа определяется близостью, доступностью жилища к участку. Метрическая повторяемость квартир определяет метрическую протяженность построения и решения фасада дома.

На практике мы смешиваем эти два принципа решения жилища. Отдельный дом решается как дом протяженный, который можно механически удлинить и укоротить. Блочному же дому декоративными средствами придаются качества завершенности отдельно стоящего дома. Тем самым решения этих типов жилища лишаются выразительности и органичности архитектурного образа.

3. Наконец, третий тип — жилище, не связанное непосредственной связью квартиры с участком, найдет свое выражение в типе многоквартирного-многоэтажного дома. Этот характер жилища определит его структуру, его архитектурно-объемное построение как «вертикального» дома в отличие от «горизонтального» блочного дома, непосредственно связанного с участком.

Порочность городской застройки определялась смешением двух принципов — механической протяженности ряда секций и механического роста этажности в многоэтажно-многосекционном типе жилища, — господствующем типе в системе застройки города. Одновременный рост этих двух качеств привел к утере масштабности, ме-

ханическому росту величин, к гигантским домам-ящикам, к неорганичности строения жилища, к неорганическим объемам. Эта порочность отразилась и в плановом решении, ибо стремление группировать максимальное количество квартир при лестнице, — основной принцип вертикальной секции дома, — вступал в противоречие с принципом протяженности, примыканию секций друг к другу, что приводило к излишним коридорам, отсутствию сквозного проветривания, ухудшению планировки квартиры. Ограничение же двумя квартирами при лестнице давало неэкономичное решение, незагруженность излишних объемов лестниц.

Жилая улица, застроенная коттеджами, вводит в систему смешанной застройки города как парковая улица. «Повторяемость» типа жилища создает архитектуру улицы

В «вертикальном» типе дома-секции, или спаренных секций, основной принцип получает чистоту и органичность планового решения, дает органический объем вертикального, отдельно стоящего дома.

В перечисленных трех типах жилища их органичность определяется единством основного принципа построения.

В первом случае — дом-особняк, как законченный организм, определяемый ограниченностью количества живущих в нем 1—2 семей.

Во втором случае — протяженный дом объединен комплексом двора, что дает ему законченность организма.

В третьем случае — «вертикальный дом», «дом-башня»: вертикальный рост является основным принципом построения.

Проследив формирование различных типов архитектурных организмов, их объемно-пространственного построения на всем протяжении развития архитектуры, мы можем убедиться, что именно эти три принципа, — центричности, горизонтальной протяженности и вертикального роста, отвечающие трехмерности архитектуры, определяли строения различных архитектурных организмов, а их сочетание в пространстве создавало различные формы ансамблей. Таков ансамбль площади св. Марка, таковы основные типы сочетаний объемов русских монастырских и церковных ансамблей и т. д. Четкое выражение одного из этих принципов в том или ином сооружении, а не смешение их, создавало выразительность и органичность построения архитектурных сооружений.

Однако мы в нашей практике проектирования типового жилища продолжаем базироваться на этой порочности смешения вертикального и протяженного принципов построения жилища.

Увеличение дома решается не как качественное изменение типа жилья, а как механическое увеличение его размерности с ростом числа этажей и числа секций, начиная с поселкового дома и кончая многоэтажным (так, например, программа последнего конкурса на проектирование жилища предусматривает типы: двухэтажный двухсекционный, трехэтажный трехсекционный и т. д.). В результате получается механическая прогрессия

размеров дома в высоту и в протяженности, механически прогрессирующий в своих размерах домишек.

Этот тип жилища не является законченным организмом, ибо может быть механически продлен прибавлением к нему следующих секций. Вместе с тем он и не является частью организма, ибо трактуется как отдельно стоящий дом.

Отсюда и архитектурные средства решения жилища, призванные скрыть отсутствие его органичности, превратились в своего рода «склад бутафории и реквизита», откуда вытаскивается и навешивается на обезличенные объемы жилых домов одежда чужих организмов — то палатко ренессанса, то ордер; бесчисленные ложные приемы «украшения архитектурой» — фронтоны, «композиционные пятна», подчеркивание композиционных «осей», являющихся лишь геометрическими осями симметрии, а не осью построения организма; «акценты», призванные придать несуществующую законченность этому типу жилого дома, и т. д. и т. д.

СОЧЕТАНИЕ ТИПОВ ЖИЛИЩА В СИСТЕМЕ ГОРОДА

Должны ли указанные типы жилища быть принадлежностью взаимно исключаящих зон, или типов городов, или город и многообразие потребностей его населения диктуют их сочетание в системе застройки одного и того же района? Нам представляется, что именно последний принцип смешанной, а не взаимно исключаящей застройки будет отвечать характеру города и создаст многообразие его архитектурного пейзажа.

В существующих городах застройка, переставшая быть сочетанием объемов, целиком подчинена улице; понятия «улица» и «застройка» недифференцированы, ибо застройка образует стены улицы. Возрождение органического пейзажа города, как сочетания объемов, высвобождает объемную архитектуру из-под власти улицы. Оба эти понятия дифференцируются в соответствии со своими функциями: улицы — как трассы движения в городе, застройки — как сочетания объемов.

В существующих городах есть улицы уродливые и красивые; об-

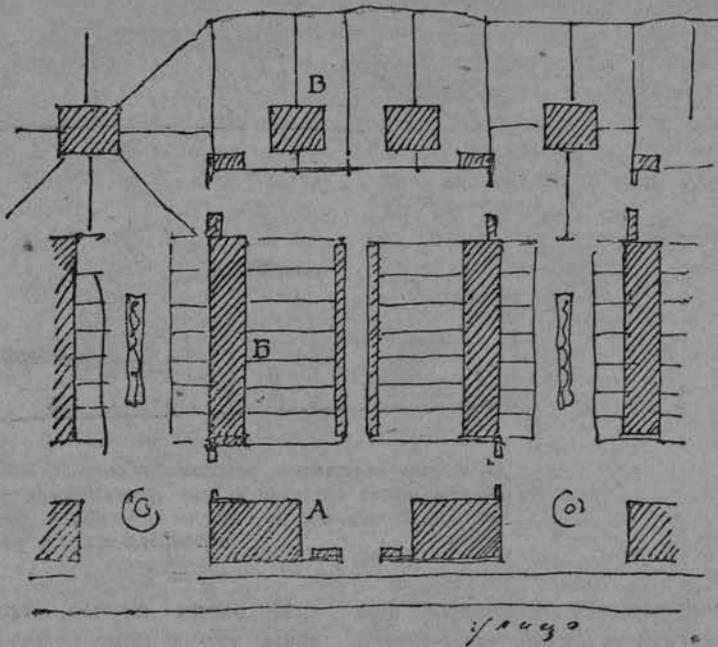

Схема городской застройки, сочетающей три типа жилища А — многоквартирный дом (многоэтажный); Б — блочный дом с квартирами коттеджного типа, с индивидуальными участками; В — коттеджи в 2, 4 и 8 квартир

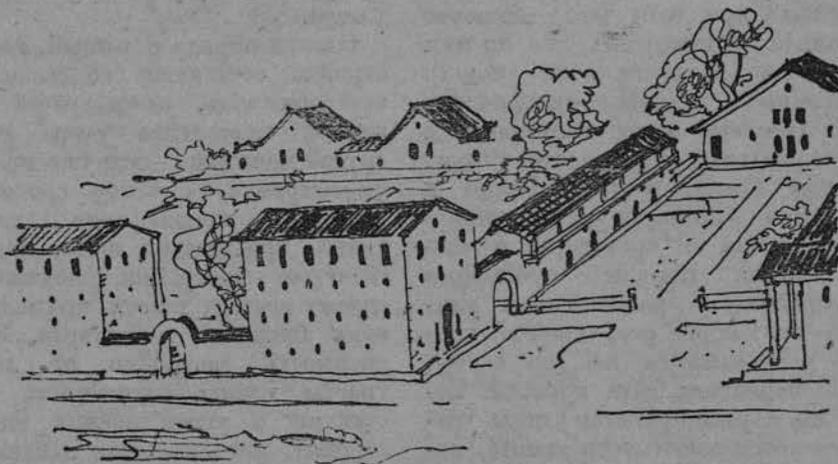
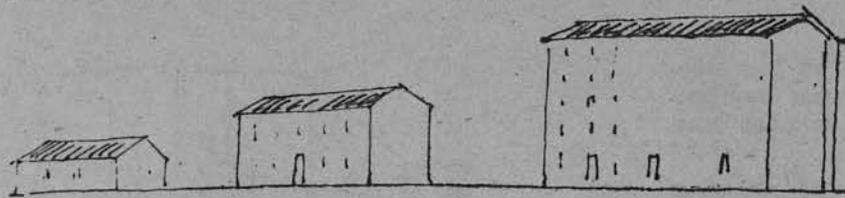

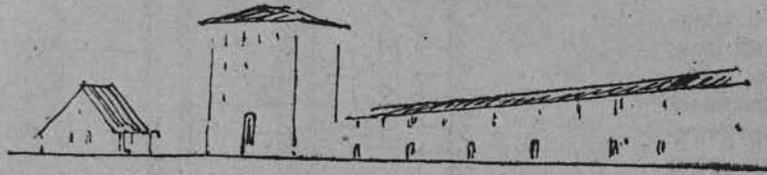
Схема объемного решения квартала смешанной застройки

Контрастное сочетание объемов многоэтажного и «горизонтального» жилища в системе застройки улицы

А

Б

А — схема объемного решения обычных типов жилых домов; с изменением типа жилища и его укрупнением механически увеличиваются габариты объема; Б — схема объемного решения, отвечающая трем основным типам жилища

раз их не зависит от качества фасадов отдельных домов — он определяется принципом (намеренным или случайным) построения улицы, создающим ее образ или, наоборот, отсутствием этого принципа и отсутствием образа («красивые фасады» при этом часто остаются «напрасной красотой», ибо не ими определяется восприятие улицы).

Принцип «улицы-коридора» нашел наиболее яркое выражение в замечательных по красоте улицах (улица Росси, улица Уфиджи и др.). Это — принцип улицы-интерьера, отсюда ее пропорции и масштабность. Нарушая пропорции интерьера — с расширением улицы, — этот образ разрушается, улица разваливается на две стены, небо перестает быть крышей. Если же с расширением улицы увеличивается высотность зданий, нарушается интерьерная масштабность улицы, человек оказывается затерянным в огромности ее размеров. Пропорции и масштабность являются законом для «интерьерной» улицы, которая может быть одним из элементов города. Увеличение улицы должно привести к иному принципу ее строения — к ландшафтному построению улицы. Величина построек, в первом случае направляющая и подчиняющая человека, подавляет его, однако она не может дать ощущения величественности, оставляя человека свободным в ландшафте так же, как восприятие горного пейзажа, купола собора или пирамид не подавляет человека, оставляя его свободным.

В одном случае, если улица, двор, тупик непосредственно связаны с интимностью жилища или с интерьером общественных зданий, «интерьерное» решение улицы отвечает ее значению. Здесь застройка недифференцирована от улицы.

Однако наряду с улицей, где застройка составляет ее законченный ансамбль, улица-трасса движения, транзитная улица имеет другой принцип: — это уже не улица-застройка, а улица среди застройки — ландшафтная улица, улица, проходящая мимо, независимо от застройки, подчиняясь своему закону, закону прямой, закону движения транспорта. Независимость застройки от линии трассы улицы, случайность перспектив и углов зрения на застройку подчеркивают ландшафтный характер этой улицы. Жилая улица характерна однородностью своей застройки. В противоположность магистральной, строящейся по принципу прямой, извилистое очертание жилой улицы, парковый характер ее планировки ответит ее содержанию и придаст монотонности повторяющихся объемов «малого» жилища живописность и смену ракурсов и перспектив.

Наконец, движение пешеходов должно найти свое выражение в сети улиц-аллей. Подобно тому, как улица-трасса движения, подчиняясь закону прямой, проходит независимо от застройки, улица-аллея подчиняется естественному движению человека, проходит среди застройки, сокращая расстоя-

ние, подобно тропинке, протоптанной человеком среди природы. Такая улица-аллея, пересекая магистрали и площади, огибая строения, вливаясь в парки и скверы города, проходя мимо дворов, площадок и садов города, будет создавать перед человеком, идущим по ней, смену перспектив, раскрывающих многообразие города, его внутреннюю жизнь.

Таким образом, обезличенная сеть улиц заменяется многообразием их построения, как частей живого организма города. Типизация жилища становится не необходимостью, с которой архитектору приходится мириться или стараться ее преодолеть, — она становится средством раскрытия архитектуры города, в которой дом является элементом застройки, а сочетания типов домов подчиняются закономерностям искусства. В одном случае (жилая улица) принцип сродства, повторяемости однородных организмов делает дом звеном целого. В другом случае типы домов сочетаются по закону контрастных соотношений (высотные и протяженные дома), опять-таки создавая застройку как единство (улица-ансамбль).

Построение архитектуры города в многочисленных теоретических и практических предложениях обычно мыслится только как упорядочение и регулирование сложившейся системы застройки города и объединение ее в целостные ансамбли. При этом в основу регулирования кладется принцип зонирования городской застройки —

от мелкой, малоэтажной застройки на окраине к повышенной этажности и чисто городской застройке по мере приближения к центру. В городе таким образом вступает в силу закон улицы, закон городской застройки с ее оторванностью от природы, от пространства, пейзажа.

Между тем, городской пейзаж может быть не результатом «регулярности» и упорядочения городской застройки, а естественным проявлением органичности слагающих город сооружений.

Город обретает при этом единую горизонталь протяженных строений и разновысотность вертикальных объемов. Основной фон его пейзажа — протяженная двухэтажная застройка домов-комплексов — сочетается с силуэтом объемов домов-коттеджей в парковой его части. Высота их органически связана с потребностями живущих в них семей, в близости и связи с землей, с садом. Эта потребность не заставляет человека вырваться из пределов города и не является принадлежностью лишь «человека предместья», а находит свое осуществление в самом построении города.

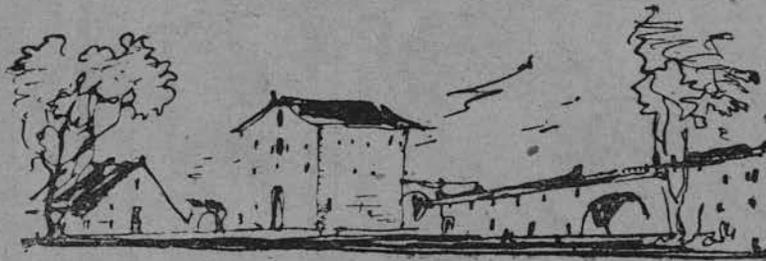
На фоне этой горизонтали возвышаются объемы многоквартирных домов в 3—4—5 этажей, создающие переход к домам-башням административных, деловых учреждений города. Горизонтальный уровень основной жилой застройки, сочетаясь с разновысотностью вертикальных объемов, создает силуэт города и сочетает высотность застройки с свободой ландшафта. Общественные сооружения города вырисовываются благодаря уникальности своих форм, центричности своих объемов, ротонд, куполов, развивая в противоположность стенам, ограждающим жилище, тему колоннад, тему ордера.

* * *

Говорить о городе, об ансамбле стало общим местом и необходимым предисловием при рассмотрении любого проекта городского здания. Однако эти разговоры не получали достаточной конкретизации ни в нашей практике, ни в теории. Наша практика все еще исходит из отдельного уникального дома, а не дома как элемента

города; градостроительные задачи, за исключением отдельных ансамблей, разрешаются разобщающей их специализацией «планировщиков», «жилищников», «фасадчиков». Принципы единой архитектуры города, рождающегося из органичности его строений, не стали предметом ни теории архитектуры города, ни повседневной практики, в частности проектирования массовых типовых построек, определяющих застройку города. Оттого усилились споры архитекторов и споры направлены на поиски стиливых декоративных элементов архитектуры, оставляя неорганичным объемное построение жилища. Средства, которыми оперирует архитектор, создавая только фасад отдельного дома, оказываются непригодными для разрешения монументальной градостроительной архитектуры так же, как непригодны средства станковой живописи для разрешения монументальной фрески.

Становление большой архитектуры города лежит вне проблемы того или иного «стиля», — оно должно быть обусловлено органичностью строений и их сочетаний, возрождающих архитектурный пейзаж города.

НЕОТЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

В. Лавров

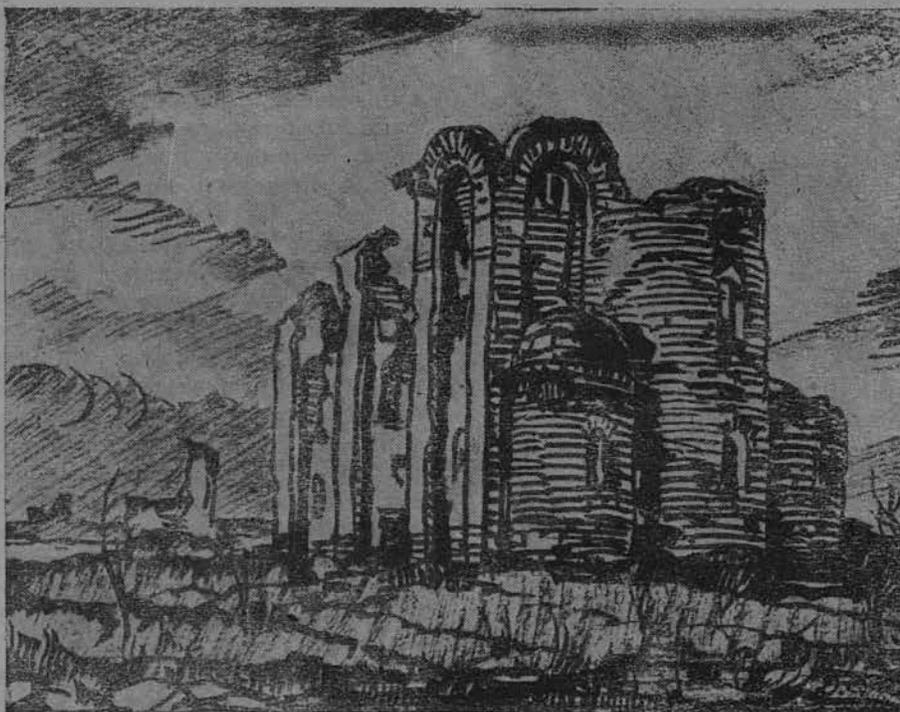
Каждый день приносит нам известия о новых победах доблестной Красной армии. Чем больше освобождается древних русских городов, тем длиннее становится список разрушений историко-художественных и архитектурных памятников. Эти разрушения — преднамеренные и сознательные действия немецких захватчиков, направленные на уничтожение культурных

ценностей великого русского народа. В свое время, когда только начали появляться слухи о разрушенных городах, когда впервые стала известна трагическая судьба Истры и Волоколамска, у нас еще могла теплиться надежда, что это лишь трагическая случайность военного времени. По заслуживший геростратову славу приказ гитлеровского фельдмаршала, объ-

явившего все культурные ценности на Востоке «не имеющими значения» и призывавшего к их уничтожению, рассеял все иллюзии. Это было не пустое бахвальство зазнавшегося невежды. Повреждения, произведенные немецкими захватчиками, носят массовый и планомерный характер. Ими сознательно истреблены целые группы сооружений, формировавших ан-

Новгород.
Абсиды Софийского собора. Рис.
Д. Савицкого

Новгород. Руины Спас-Нередицы. Рис. Д. Савицкого

самбль наших городов, украшавших их, занимавших значительное место в их плане, определявших их архитектурное лицо.

Вполне естественно стремление восстановить их немедленно вместе с реконструкцией всего города, может быть в первую очередь, чтобы поскорее залечить зияющие раны, нанесенные войной, вернуть в кратчайший срок городам их прежний привлекательный вид, их привычный, столетиями формировавшийся, облик.

После окончания войны, а может быть еще и в дни войны, должна будет начаться крупная реставрация памятников, различных по времени, по величине, по стилистическому характеру, по назначению, по степени разрушений.

Каковы же будут задачи, методы, приемы, сроки, способы и правила этих работ при новых обстоятельствах послевоенного времени? Каковы возможности восстановления не только отдельных сооружений, но и целых исторически сложившихся ансамблей?

До сих пор охрана и реставрация архитектурных памятников обычно относились к отдельно взятым сооружениям и заключались в их консервации, расчистке и освобождении от позднейших наслоений и переделок. Работы тща-

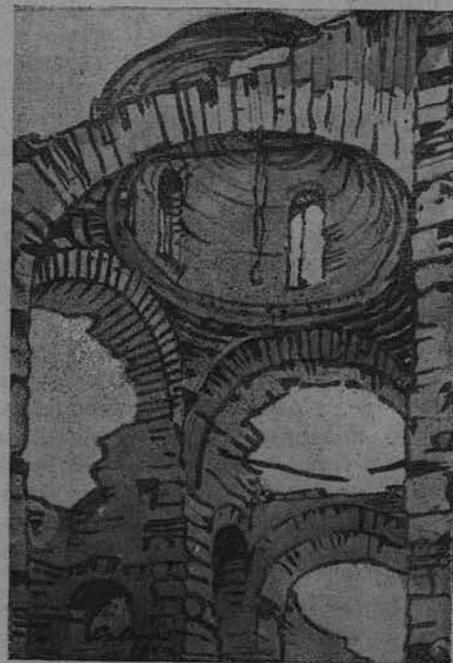
тельно и длительно готовились, всесторонне обдумывались. Иные специалисты, подчеркивая сложность реставрационных работ, советовали вообще ограничиваться простым поддержанием памятников в том виде, в котором они дошли до нашего времени. «Многие неудачные опыты реставрации памятников старины и искусства», писал в свое время маститый археолог П. Покрышкин, «привели, наконец, специалистов к выводу, что следует всемерно избегать «реставрирования» и ограничиваться лишь простым осторожным ремонтом», так как реставрация... «сталкивается с непреодолимыми техническими трудностями» (см. «Известия археологической комиссии», вып. 57, и журнал «Зодчий» № 42 за 1915 г., «Советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства»).

Эту же мысль сформулировал несколько позже архитектор Б. П. Засыпкин, указывая на «сложность архитектурно-археологических методов исследования памятников древнего зодчества, требующих строгой научной постановки и значительных материальных средств. Сильные разрушения памятника, часто фрагментарного, и невозвратимые утраты очень редко допускают какую-либо ре-

конструкцию, а тем более полную реставрацию, и обычно приходится ограничиваться выяснением и необходимым укреплением уцелевших частей, а в некоторых случаях простым раскрытием, т. е. освобождением от позднейших наслоений» («Вопросы реставрации», т. II, стр. 207).

Теперь при восстановлении городов, разрушенных немецкими оккупантами, уже одни масштабы разрушений должны ставить вопрос о реставрации исторических памятников несколько иначе. Прежде применявшиеся методы могут оказаться недостаточными, так как придется иметь дело с катастрофическими разрушениями большого количества как отдельных памятников, так и целых их групп, определяющих лицо города и поэтому требующих первоочередного капитального восстановления.

Очередность в иных случаях должна будет решаться не историко-художественным значением отдельно взятого памятника, а интересами восстановления архитектурно-планировочного образа всего города, и основное внимание нужно будет уделять не историко-археологической стороне дела, а положению памятника в городе, его участию в формировании городского ансамбля. Это повлечет

Новгород. Руины храма Рождества Богородицы на «Молоткове»

Новгород. Храм Спас-Преображение и Знаменский собор. Рис. Д. Савицкого

за собой необходимость восстановления всего ансамбля, включая и второстепенные сооружения, чтобы не нарушить его цельности.

При восстановлении памятников можно столкнуться с несколькими историческими наслоениями в одном сооружении.

Какому периоду отдать предпочтение? Вернуться ли к первоначальному виду памятника или сохранить всю сумму позднейших построек?

Часто разрушены отдельные части памятника при сохранении общего массива. Как произвести их восстановление? Насколько допустима их свободная трактовка, в каких случаях целесообразнее оставить памятник в виде руины, в каких можно позволить реконструкцию отдельных частей с заведомо неточным их восстановлением?

Наконец, помимо чистой научной реконструкции, преследующей цели раскрытия первоначального подлинного вида памятника, потребуется иногда в еще большей степени учитывать требования, предъявляемые к эксплуатации здания в современных условиях.

Поэтому сроки и характер восстановительных работ для некоторых исторически и художественно значимых зданий могут диктоваться не только интересами

точного восстановления памятника как исторического сооружения, но и как сооружения, нужного для сегодняшних практических потребностей.

Как же решить вопрос об использовании памятника без ущерба для исторически сложившихся форм и с сохранением практических удобств?

Вот основные неотложные вопросы восстановления памятников русского зодчества в городах, разрушенных немецкими захватчиками.

Прежде чем дать на них ясный ответ, нужно определить роль отдельных сооружений или их групп в общем ансамбле города, степень разрушений здания, историко-археологическую и художественную значимость сооружения, наконец, возможное практическое использование сооружения для нужд настоящего времени.

Только тогда можно уточнить характер, программу и метод восстановительных работ в каждом отдельном случае.

* * *

Лучшие древние русские города, созданные многими поколениями зодчих, имели до их разрушения немецкими захватчиками целостный художественный облик. Они росли, их лицо менялось. Города приобретали в своем разви-

тии новые черты, но неизменно сохраняли единство архитектурного построения. Исторически сформировавшийся ансамбль первичного ядра определял лицо всего города. Например, представление о центре Новгорода Великого тесно связано с Софией и группой сооружений Ярославова дворища. Архитектурным фоном Смоленска являются его крепостные стены, возведенные в XVI веке, которые современники любовно называли «каменным ожерельем Московского государства». Силуэт Старицы немислим без Успенского монастыря (XVI в.). Строгое карре правительственных зданий в сочетании с причудливыми «готическими» формами гостиницы и монументальным мостом характеризуют «классическую» Калугу. Архитектурное лицо Твери-Калинина создали лучевая планировка центральных улиц, застройка площадей и Волжской набережной конца XVIII века.

Отечественная война необычайно обострила внимание, интерес и любовь к русской национальной культуре, к величию и своеобразию памятников русского зодчества. Мы поняли, насколько обеднела архитектура наших городов в тех случаях, когда при реконструктивных работах не считались с их исторически сложившимся обликом, пренебрегали памятниками материальной культуры прошлого, относились без достаточной бережливости к архитектурному наследию, не умели достойным образом оценить и продолжить архитектурно-планировочные традиции русского градостроительства.

Нам нет нужды отказываться от восстановления исторически сложившегося лица лучших городов, сумевших сохранить в веках облик для всех этапов своего развития неповторимые черты, придающие им своеобразие и красоту, особенно, если нет разрыва между масштабами исторически сложившегося ансамбля с предполагаемым будущим развитием города.

Когда восстанавливается исторически сложившийся ансамбль города в своем прежнем виде, могут стать вопросы о воссоздании таких сооружений, подлинность отдельных частей которых трудно установить с достоверностью, о возобновлении прежних форм не только первоклассных сооружений, но и

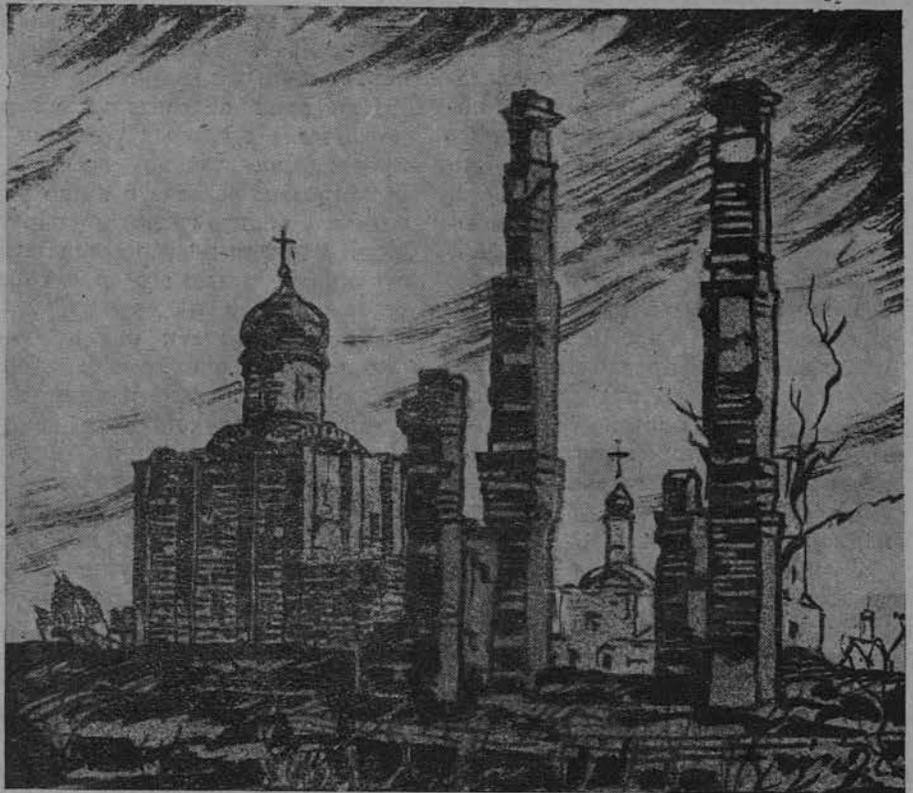
некоторых других, которые не представляли самостоятельной художественной ценности, но необходимы для сохранения целостности ансамбля.

Для них необязательно кропотливое и тщательное воспроизведение деталей в точном соответствии с исторически сложившимися формами. Допустима их вольная, свободная трактовка. Необходимо лишь сохранение общих стилистических черт, размеров и высот, определяющих силуэтность всего комплекса, соразмерность с ведущими главными зданиями ансамбля. В строительных правилах таких городов должны быть введены ограничения для застройки районов с исторически сложившимися, представляющими художественную ценность, зданиями.

Когда восстанавливаемая часть города переделывается заново и ее планировке придается характер, отличный от прошлого плана, в связи с предполагаемым развитием города, превосходящим его исторически сложившиеся рамки, то намеченные к восстановлению исторические сооружения вкрапливаются в заново формирующийся ансамбль по принципу контраста как фрагменты, не определяющие, а влияющие на формирование архитектурного лица города или района. Степень значимости исторических сооружений может быть различна. Иногда они подчинены новому строительству, играя роль местных акцентов, иногда они своей величиной и силуэтом господствуют среди других строений, определяя облик города, придавая ему свое собственное художественное лицо (например крепостные стены, башни и собор Смоленска, Кремль и Ярославово дворище в Новгороде и др.).

По мало предоставить памятникам исторической архитектуры почетное место в системе нового плана города. Нужно также позаботиться и об их окружении.

Для зданий первостепенных в художественно-историческом отношении надо создать условия наилучшей обзорности, исключить из числа восстанавливаемых те здания, которые своим соседством нарушают целостность реконструируемого ансамбля. Как и отдельное здание, ансамбль нуждается в освобождении от позднейших достроек, искажающих облик цело-

Новгород. Храм Рождества Богородицы на «Молоткове»
Рис. Д. Савицкого

го, с тем чтобы архитектурно-исторические сооружения органически вросли в живую ткань развивающегося нового города.

Обращаясь к лучшим русским городам, мы найдем немало примеров продуманного и художественно тактичного включения старых зданий в новый, складывающийся ансамбль. В центре Петербурга — Ленинграда органически сливаются в мощный художественный аккорд стилистически разнообразные здания середины XVIII — начала XIX вв. В Ярославле храм Ильи пророка, возникший в XVII веке, остался центром большой площади, обстроенной правительственными зданиями начала XIX века. Неосуществленная реконструкция московского Кремля, предложенная в конце XVIII века В. Баженовым, включала в качестве равноправных участников ансамбля древние соборы. Примеры можно значительно умножить. Они показывают, что бережное отношение к архитектурному наследству было одной из основных традиций русского национального градостроительства. Исторические сооружения активно участвовали в форми-

ровании художественного лица русского города.

Исходным пунктом для определения характера восстановительных работ следует принять степень разрушений памятника. При малых разрушениях естественно стремление к возвращению ему первоначального вида, к восстановлению небольших утраченных частей по аналогии с оставшимися неповрежденными, к укреплению тех, которые угрожают обрушением.

Дискуссионным может быть лишь вопрос о том, следует ли имитировать восстанавливаемые части, или выделить их.

С историко-археологической стороны предпочтительно могло бы быть второе решение, позволяющее сразу же безошибочно распознать подлинные куски здания. Имитация может быть допустима, если по положению здания в ансамбле города желательно сохранить его целостный внешний вид.

Примеры такого рода восстановительных работ были обычны в нашей довоенной практике. В Москве проводились реставрационные

работы храма Василия Блаженного. Возобновлены древние фрагменты и профили, возвращен первоначальный вид наружным крыльцам, поновлена орнаментальная живопись стен и сводов и т. д. В Новгороде еще в 80-х годах XIX в. было произведено восстановление посводных перекрытий Софийского собора, а несколько позже возобновлены первоначальные закомары храма Спас-Нередица. В последнее время предполагалась подобная же реконструкция Успенского храма в Волокове (близ Новгорода), для которой были составлены тщательно продуманные проекты. Война помешала этому начинанию.

Лучшие произведения русского зодчества освобождались от позднейших пристроек, искажающих их внешний вид, например Георгиевский собор в Старой Ладобе, храм св. Духа и Никоневский придел Троице-Сергиевской лавры (последняя работа была прервана войной) и т. д.

Восстановительные работы более или менее крупного масштаба осуществлялись и в национальных республиках.

В 1940 году в Азербайджане в связи с юбилеем Низами реставрировались некоторые памятники, относящиеся к его эпохе (Крепостные башни — донжоны — в Мардакянах, Нардаране и др.).

В Бухаре был освобожден от культурных наслоений и окружения многорусских могил мавзолеев Измаила Саманида. Здесь переложены и частью восстановлены пострадавшие от времени участки узорной кладки кирпичных стен.

Этот случайный и далеко не полный перечень характеризует направленность восстановительных работ довоенного времени. Такое отношение к делу тогда было вполне понятно и естественно. Но эта практика и опыт реконструктивных работ недостаточны для условий послевоенного периода.

Почти каждый отвоеванный у фашистских оккупантов город представляет груды развалин. В первую очередь уничтожались наиболее значительные здания и памятники культуры. Малые разрушения исторических памятников — счастливое исключение, гораздо чаще они превращены в руины.

Вопрос о восстановлении этих остатков чрезвычайно осложняет-

ся: тут и крупные масштабы разрушений, и большое количество поврежденных зданий.

При этих обстоятельствах возможны два основных решения вопроса: или здание остается в руинированном виде и лишь укрепляются части, грозящие обрушением, или оно подвергается реконструкции с целью его полного восстановления.

Можно привести ряд примеров сильно разрушенных исторических зданий, для реконструкции которых нет почти никаких данных. Оставалась единственная возможность включить их как «живописную руину» в общий архитектурный пейзаж города. Вспомним храм Баграта на окраине Кутаиси, обломки «Золотых ворот» на одном из киевских скверов, наконец, грандиозную самаркандскую руину «Биби-Ханым», создающую столь величественный силуэт бывшей среднеазиатской столицы.

Возможно, что некоторые сильно пострадавшие исторические памятники разрушенных городов придется оставить руинами, увязав их с каким-либо озелененным участком города. Но не следует спешить с разборкой остатков. Тщательное изучение и обследование руин на месте, понимание художественной и строительной сущности погибшего памятника могут дать достаточно данных для реконструкции его облика с большой научной точностью и позволят осуществить затем его восстановление в натуре.

Работа по воссозданию подлинного вида сильно разрушенных исторических памятников сложна и трудна. Каждый памятник требует своего индивидуального подхода. Нужно уметь разобраться в оставшихся частях, по незначительным следам догадаться о целом, с тем чтобы реконструктивные предположения были достаточно надежны. Это предполагает широкое знание исторической эпохи, стилевых особенностей, умение найти и привлечь нужные подсобные материалы, провести сравнительный анализ с однотипными сооружениями, наконец, разгадать авторскую манеру и индивидуальные отклонения от общепринятых приемов.

Такого рода работа была проделана Отделом фиксации и восстановления архитектурных па-

мятников Академии Архитектуры СССР. Составлен проект восстановления колокольни в Никольском-Гагарине (под Москвой), построенной выдающимся зодчим конца XVIII века И. Старовым. Состояние памятника, взорванного немцами при отступлении, казалось, было безнадежным, но тщательное исследование строительных остатков дало в руки автору реконструкции архитектору П. Максиму руководящие нити для полного и убедительного восстановления, казалось бы навсегда утраченного сооружения.

Опыт этой работы заставляет с сожалением вспомнить о слишком поспешной разборке остатков дома Книжной палаты (арх. Бове), сгоревшего осенью 1941 года в результате воздушного налета на Москву. Если бы эти руины сохранились, может быть и здесь обнаружили бы достаточно надежные материалы для восстановления чудесного особняка начала XIX века.

* * *

Масштабы восстановительных работ отчасти будут диктоваться не только художественно-историческим значением сооружения, но также и характером его возможного практического назначения. Несомненно, использование исторического памятника для нужд современности может представить некоторые практические неудобства. Старый план здания лишь по счастливой случайности может соответствовать потребностям настоящего времени.

Появляется желание приспособить его к нуждам современности, может быть за счет некоторого искажения исторической подлинности.

Вопрос этот, видимо, возникнет не раз в послевоенной восстановительной практике. Он будет решаться сравнительно бесспорно в пользу современности для второстепенных в историческом отношении зданий, но для художественно-уникальных нужны будут какие-то особо весомые доводы для того, чтобы решиться на их модернизацию. Это относится в особенности к первоклассным архитектурным сооружениям прошлого и прежде всего к пригородам Ленинграда, которые подверглись большому, частью катастрофическим разруше-

ниям и разграблениям. Их восстановление перерастает в сложную и многостороннюю проблему. Будет ли достаточно данных для реконструкции утраченных частей? Удастся ли подобрать в достаточном количестве и нужного качества мастеров, чтобы должным образом воспроизвести многочисленные и многодельные, складывавшиеся десятилетиями дворцовые интерьеры? Как определить будущее практическое использование восстановленных дворцов? Грандиозные и кропотливые восстановительные работы вряд ли будут предприняты лишь для того, чтобы обратить восстанавливаемые объекты только в архитектурные «раритеты».

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о разрушениях дворцов дают основание предполагать, что их внешний вид может быть восстановлен. Гораздо труднее дело обстоит с интерьерами. Видимо, не все из них можно полностью реконструировать в прежнем виде.

Для ленинградских дворцов решения поставленных вопросов более трудны и ответственны из-за большой исторической ценности и художественной значимости сооружений, из-за их масштабов. В других случаях, когда усадьбы меньше в размерах и художественная уникальность зданий не столь значительна, дело решится проще и легче.

Восстановление дворцовых и усадебных сооружений нельзя оторвать от восстановления окружающих их парков. Этот вопрос должен решаться во взаимосвязи.

Незадолго до войны был сделан опыт восстановления сильно разрушенного дворца-усадьбы с целью размещения в нем одного из научно-исследовательских учреждений столицы. Мы имеем в виду подмосковный Царицынский дворец. Были составлены проекты реконструкции. Дальше дело было приостановлено. Оценивая этот опыт, нужно отметить излишне свободное обращение авторов реконструкции с историческим материалом. Имевшиеся в их распоряжении подлинные проектные материалы Баженова—Казакова и рисунки современников давали возможность более тщательной реконструкции. «Деловые» соображения, «практические» потребности

настоящего дня заслонили задачу восстановления подлинного художественного замысла. Реконструкцией не были затронуты (может быть не по вине авторов) парковые сооружения — неотъемлемая часть Царицынского ансамбля.

Мы думаем, что при кардинальной реконструкции сильно разрушенного здания или комплекса зданий нужно исходить из задачи возможно полного восстановления его подлинного художественного лица, идя на произвольные дополнения и свободную интерпретацию, а тем более модернизацию лишь в крайнем случае, при полном отсутствии достоверных материалов или при настоятельной потребности практического приспособления к современным нуждам.

* * *

Вопрос об отношении к историческим наслоениям следует выделить особо, так как он будет возникать, вероятно, довольно часто в предстоящей реконструктивной и реставрационной практике.

Достройки и пристройки к основному зданию появляются часто в эпохи с различными художественными вкусами. Как отнестись к этим наслоениям? Следует ли при реставрации памятника стремиться к восстановлению его первоначального облика или сохранить всю сумму последовательных исторических наслоений?

Например, Павловский, Екатерининский, Гатчинский дворцы получили свой окончательный архитектурно-планировочный облик, дошедший до нашего времени в результате больших достроек и переделок. Они пережили несколько этапов строительства. Б. Екатерининский дворец в г. Пушкине (Детское село) начинал М. Земцов, продолжал Квасов, закончил Растрелли. Павловский дворец осуществляли последовательно Камерон и Бренна, а затем Воронихин. Гатчинский дворец, воздвигнутый Ринальди, был в конце XVIII века значительно увеличен пристройкой двух больших квадратных симметричных дворов — кухонного и конюшенного.

Кому же отдать предпочтение при их будущей реконструкции? Камерону или Бренна, Растрелли или Квасову? Какую эпоху предпочесть? Какую стадию строитель-

ства считать основной и наиболее характерной?

Для правильного ответа нужно установить степень сохранности отдельных разновременных частей сооружения и их относительную художественную ценность.

До войны, например, подобные вопросы возникли при реставрации Василия Блаженного. Чему нужно было отдать предпочтение — первоначальному образу сооружения, с его изолированно поставленными девятью столпами, с его сдержанной двуцветностью (белый камень и красный кирпич), или последующему — с крытыми ходовыми галереями, объединившими всю группу, с подчеркнутой цветистостью и т. д.? Вопрос был решен в пользу XVII века, так как сами по себе позднейшие изменения высокого качества и органичности связались с первоначальными формами храма, а отдельные существенные части XVI века не поддавались надежному восстановлению.

Другое дело, если позднейшие изменения и переделки явно ухудшают или даже искажают формы памятника, а таких случаев встретится немало. Например, храмы Новгорода и Пскова имеют искаженные верха (вместо древних позаконмарных или трехлопастных покрытий позднее были сделаны четырехскатные крыши с прямыми карнизами). Киевскому Софийскому собору, надвратной церкви и собору Киево-Печерской лавры приданы барочные формы невысокого качества, совершенно несвойственные строгой и сдержанной архитектуре XI—XII веков. В древних смоленских храмах XII века (Петропавловский, Свирьский и т. д.) под сплошным слоем новой штукатурки скрыты остатки кирпичных стен первоначального времени. Во всех этих случаях может быть поставлено, как обязательное требование, возвращение памятнику его первоначального облика. Но стремление к его обязательному восстановлению, отменяя последующие наслоения, таит в себе большие опасности. Возможны случайные определения и поспешные выводы, основанные на общем впечатлении от памятника. Например, оценивая архитектурные качества Екатерининского Царскосельского дворца, такой его авторитетный знаток, как Александр Бенуа, ста-

вил в художественном отношении выше проекта Растрелли предшествующий, более скромный по размерам вариант А. Квасова, сохранившийся в виде модели. Это мнение А. Бенуа интересно главным образом как свидетельство об его личном вкусе. Основываясь на нем, не следует делать вывода, что, восстанавливая дворец, мы должны стремиться к воспроизведению до-растреллиевских форм. Но если вопрос о восстановлении Екатерининского дворца решается, конечно, в пользу Растрелли, то для Павловского и Гатчинского дворцов все преимущества на стороне Камерона и Ринальди, творчество которых желательно насколько возможно освободить от позднейших наслоений, тем более, что последние, значительно увеличивая размеры дворцовых комплексов, усложняя их общий облик, вряд ли улучшили художественные качества первоначально задуманного ансамбля, являясь скорее механическим добавлением к основному объему.

Перечисленные выше и многие другие вопросы могут быть правильно разрешены лишь в каждом отдельном случае, учитывая всю сумму особенностей каждого исторического памятника.

Окончательно решить эти вопросы с необходимой точностью и ответственностью можно лишь подойдя вплотную к восстановительным работам, после тщательного учета разрушений, произведенных немецкими оккупантами. Но уже и сейчас должны быть поставлены и обсуждены коренные, наиболее дискуссионные вопросы восстановления разрушенных памятников, чтобы к началу реконструктивных работ быть во всеоружии и чтобы иметь к этому времени общие мнения по основным наиболее спорным вопросам.

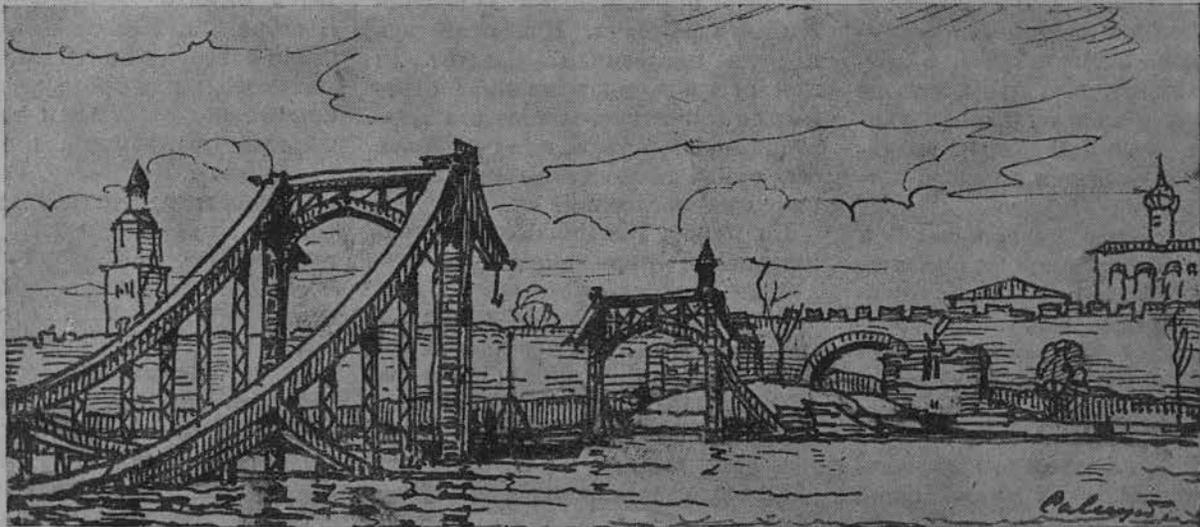
Своевременное и авторитетное их разрешение устраним недопустимые искажения, ненужную поспешность, примитивную и одностороннюю реконструкцию зданий,

рассчитанную лишь на скорейшее удовлетворение узких практических нужд, не учитывающих всю сумму интересов историко-археологического и архитектурно-художественного порядка.

Дело реконструкции исторических памятников должно быть выведено за пределы узкого круга специалистов.

Успешность мероприятий по охране и восстановлению памятников зодчества, разрушенных немецкими захватчиками, бесконечно увеличится, если в их проведении будут заинтересованы широкие круги населения, если это дело превратится из узкой технической задачи в широкое общественное движение.

Каждый советский гражданин должен знать и любить выдающиеся исторические памятники своего города, гордиться ими, быть заинтересованными в их восстановлении, охранять их, как материальное доказательство величия и непреходящего значения культуры русского народа.

Новгород. Разрушенный мост через Волхов. Рис. Д. Савицкого

ОТДЕЛОЧНЫЕ И ДЕКОРАТИВНЫЕ РАБОТЫ НА СТАНЦИЯХ МОСКОВСКОГО МЕТРО

М. Зеленин

Законченные в этом году новые линии Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича «Московская» и «Покровская» и семь новых вестибюлей и подземных станций, выполненных в дни Отечественной войны, отличаются высоким архитектурным качеством и повышенной культурой архитектурно-отделочных работ.

С открытием новых линий Московское метро располагает 29 станциями и 34 наземными вестибюлями.

Объем отделочных работ, осуществленных при постройке трех очередей метро, характеризуется следующими цифрами: мрамора уложено около 100 000 м², гранита около 20 000 м², штукатурки сделано около 300 000 м².

Большому коллективу авторов-архитекторов удалось достигнуть значительного разнообразия форм, пространственных схем и архитектурного выражения.

Мастерам отделочных работ удалось освоить применение различных отделочных материалов, значительно расширить их ассортимент и добиться высокого качества производства работ и высокого уровня обработки материалов.

Накопленный опыт позволяет сделать некоторые выводы и наметить пути дальнейшего направления творческой работы архитекторов.

Весьма существенную роль играют определение и выявление подходящих материалов для отделочных работ строительства метро в расчете на один объект в среднем.

Данные этой таблицы позволяют сделать интересные выводы.

Первый вывод — это неуклонный рост применения мрамора. Это обстоятельство само по себе конечно должно быть отнесено к положительным факторам, так как мрамор отвечает высоким эксплуатационным требованиям и в то же время является богатейшим декоративным материалом.

Однако если мы проследим, за счет каких элементов в архитектуре произошло увеличение объема мраморных работ, то придется признать, что не во всех случаях стремление к увеличению объема мраморных работ является целесообразным.

В качестве положительного примера приведем прием, принятый арх. Л. М. Поляковым при распределении материалов для облицовки подземных залов станции «Курская». Пилоны проходов и глухие платформенные стены арх. Поляков облицовывает сизо-серым мрамором «уфалей», а путевую стену — полевой глазурованной плитой. В данном случае архитектурное выражение более значимых элементов выиграло от такого распределения материалов. Кроме того, бурный рисунок мрамора «уфалей» на фоне спокойной глади керамической плитки очень хорошо воспринимается, и применение здесь этой плитки значительно усилило архитектурное качество проекта, а также его светотехнические достоинства, так как сравнительно темный мрамор «уфалей» имеет ма-

ло удовлетворительный коэффициент отражения.

Такие же удачные примеры применения керамической плитки мы видим на путевой стене станции «Киевская» и в вестибюле этой же станции (облицовка стены лестничного марша).

С другой стороны, пилоны и путевая стена станции «Бауманская» облицованы мрамором «газган». Прекрасный мрамор, гладко установленный по всей длине путевой стены, выглядит скучно, и даже очень хорошая подборка этого мрамора не улучшает однообразного впечатления. Невольно возникает вопрос: целесообразно ли было в данном случае авторам остановить свой выбор на этом мраморе для путевой стены?

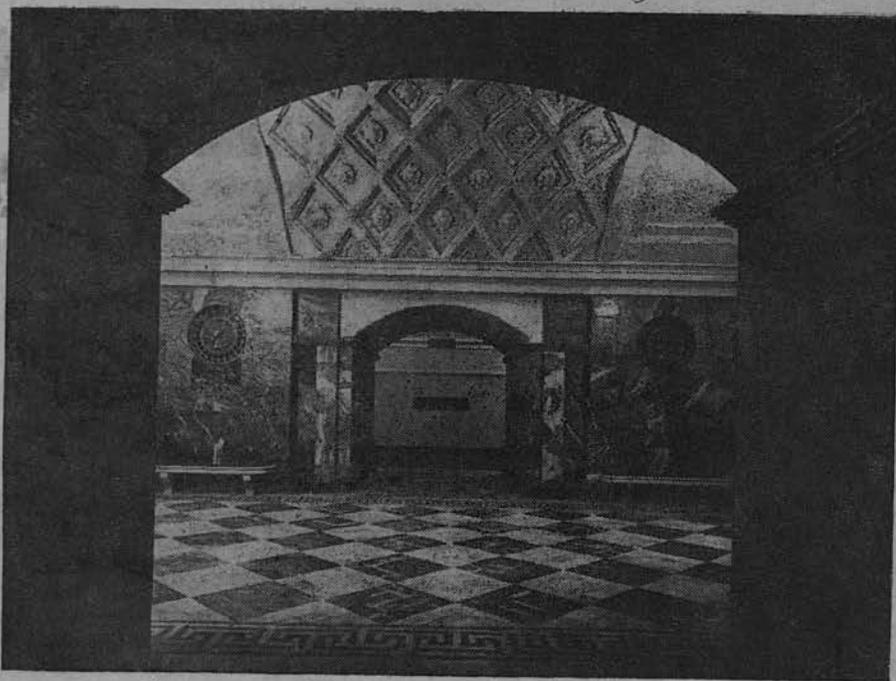
Очень хороший образец применения художественной керамики мы имеем на станциях «Площадь Свердлова», «Динамо» (работы завода им. Ломоносова в Ленинграде) и на станции «Измайловская» (работы завода им. Булганина в Москве).

Керамика, как материал прочный, водостойчивый и сравнительно недорогой, должна занять выдающееся место в строительстве метро.

К сожалению, по данным нашей таблицы выявляется некоторое снижение применения керамики на строительстве 3-й очереди. В чем здесь дело? Ответ весьма прост: если мраморное производство у нас все время прогрессирует, то керамическое, наоборот, в последнее время значительно ухудшило выпускаемую продукцию.

Это обстоятельство не позволило нам широко применять неполноценную керамическую продукцию. Здесь нелишним будет отметить, что «керамическая установка» Академии Архитектуры, где проводится замечательная экспериментальная работа по керамике, до сих пор не могла притти на по-

Наименование	Расход материала (м ²)		
	На 1-й очереди	На 2-й очереди	На 3-й очереди
Мрамор	1 700	2 440	3 300
Гранит и известняк	не было	90	98
Художественная мозаика	"	не было	40
Керамическая плитка	1 300	430	не было
Мраморно-мозаичные полы	14	722	150
Гранитные полы	не было	не было	380

Подземный зал станции «Курская». Арх. Л. М. Поллюк

мощь Метрострою и выслать его заказы.

На станциях 3-й очереди следует отметить ряд новых предложений. Так на станции «Сталинская» (проект арх. С. М. Кравец) и на станции «Электрозаводская» (проект проф. В. Г. Гельфрейх и арх. И. Е. Рожина) обработка путевых стен служит как бы фоном для лучшего восприятия архитек-

туры основных конструкций столбов платформенного зала.

В первом случае колоннада белого мрамора очень эффектно выделяется на фоне сизо-серо-зеленой мраморной облицовки путевой стены. Во втором случае в проходах между пилонами белого мрамора, очень выгодно их оттеняя, проектируется красный тон путевой стены. Кстати надо отметить, что

здесь применен впервые красно-малиновый декоративный грузинский мрамор месторождения салиети. Эти примеры следует отнести безусловно к положительным образцам применения мрамора на путевой стене. Оригинально и ново дает облицовку путевой стены арх. Б. С. Виленский на станции «Измайловский парк».

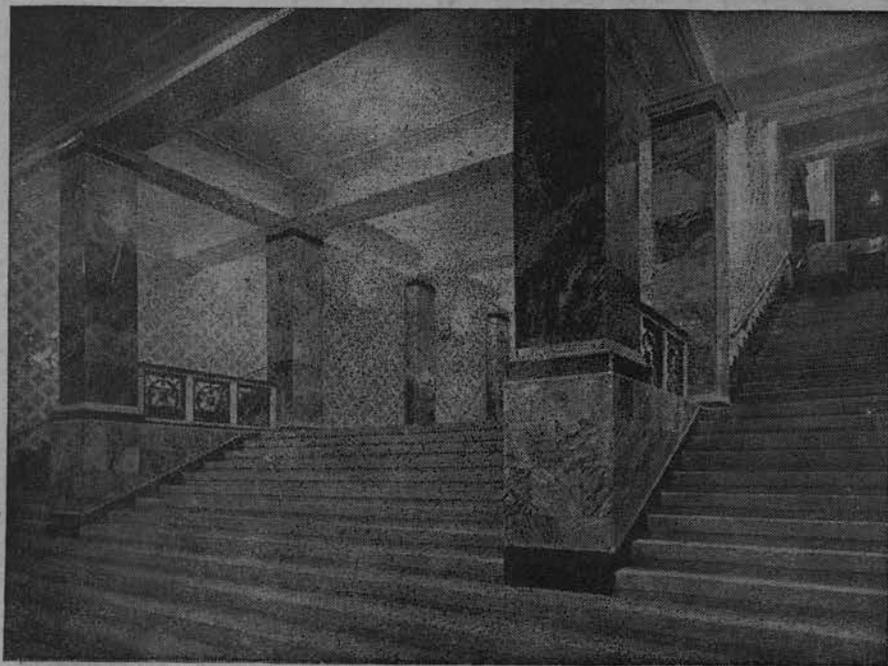
На путевой стене, облицованной сизо-розовым мрамором «газган», автор располагает ряд квадратных вставок скульптурных барельефов.

Модели этих барельефов работы скульптора С. Л. Рабиновича временно выполнены в гипсе, но уже сейчас керамический завод имени Булганина отливает аналогичные модели в керамике, и вскоре они будут установлены.

Этот новый прием объединения мрамора и керамики следует безусловно приветствовать, как отвечающий задачам художественного оформления станций метро, при высоких эксплуатационных качествах обоих материалов.

На двух станциях Замоскворецкого радиуса — «Ново-Кузнецкой» и «Павелецкой» — принято совершенно новое решение для оформления путевых тоннелей. Здесь в обоих случаях авторы отказались от обычного приема устройства в круглом тоннеле вертикальных путевых стен и оставляют кривую свода без всякой декоративной обработки до уровня путевого потолка. Этот прием заслуживает особого внимания потому, что на 3-й очереди впервые на строительстве метро применены для отделки тубинговых сводов вместо железобетонных заполнений азбошиферные подвесные плиты, которые являются одновременно и изоляционным зонтом и внешней обработкой поверхности тубингов. Ввиду того, что внедрение этого нового типа зонта было сделано очень быстро, в процессе полного развертывания отделочных работ, авторы архитектуры были застигнуты несколько врасплох и не имели возможности тщательно продумать архитектурное оформление азбошиферных конструкций.

Между тем этот материал имеет громадное будущее в сооружениях метро, так как гарантирует полную водонепроницаемость свода. Поэтому архитекторам следует внимательно изучить все свойства и особенности этого материала и дать

Вестибюль станции «Киевская». Арх. Д. Н. Чечулин

ряд своих предложений о сочетании архитектурных форм с новой конструкцией сводов.

Обработка основных конструкций — колонн, столбов и пилонов — на всех станциях 3-й очереди метро осуществлена на значительно повышенном качественном уровне мраморных облицовок, что свидетельствует о неуклонном росте культуры отделочных работ.

По проекту лауреата Сталинской

Фарфоровый барельеф станции «Площадь Свердлова». Скульптор Е. Я. Данило

премии архитектора А. Н. Душкина, на станции «ЗИС» выполнены фасонные мраморные плиты для облицовки колоннады платформенного зала из великолепного декоративного алтайского мрамора «ороктурой». Сложная установка мрамора с раструбом кверху колонны и фасонным профилем в поперечном сечении доски выполнена совершенно точно.

На станции «Ново-Кузнецкая» (авторы арх. Н. А. Быкова и И. Г. Тарханов) замечательные порталы из белого мрамора «прохоро-баландино» выполнены из цельных блоков, сложенных в порталной балке по всем правилам каменной кладки.

Академик архитектуры Б. М. Иофан предложил все углы ниш вестибюля и пилонов станции «Бау-

манская» оформить полукруглыми двойными уступами. Такой прием надо признать весьма удачным, так как значительно расширяется внутреннее пространство и удобно обтекаются углы пилона.

Облицовка высокого цоколя пилонов центрального зала станции «Электрозаводская» заканчивается фасонной полочкой; над этой полочкой по углам каждого пилона устанавливаются массивные мраморные триглыфы и перекрываются мощным мраморным карнизом в виде большого гуська.

Все колонны станции «Сталинская», имеющие сложный ступенчатый профиль, с успехом выполнены также из цельных блоков мрамора «коелга».

Наряду с фасонными профильными изделиями впервые на станциях 3-й очереди появляются камнерезные работы.

На станции «Ново-Кузнецкая» в промежутках между порталами установлены 22 большие мраморные скамьи. Подлокотники и волоты этих скамеек сделаны из белого уральского мрамора, имеют рельефный высеченный из мрамора орнамент акантовых листьев, веток винограда и др.

Эти примеры показывают, какой значительный объем фасонных мраморных работ выполнен на строительстве 3-й очереди метро. Качество этих работ стоит на достаточно высоком уровне, и вполне по заслугам начальник фасонного отделения мраморного завода Метростроя мастер Петрунин награжден Правительством орденом Ленина.

Чтобы закончить раздел применения естественных камней на строительстве 3-й очереди, следует отметить значительный рост работ, выполненных из гранитного камня.

Вполне логично порою твердого камня нашла свое применение там, где по законам тектоники надо дать более мощное выражение архитектурной формы. Цоколи путевых стен станции «ЗИС» сделаны из черного габбро, станции «Павелецкая» и «Бауманская» и частично «Сталинская» — из лабрадора.

Наряду с гранитной облицовкой не следует забывать о применении в условиях Москвы белого подмосковного известняка. Прекрасный образчик облицовки фасада и изготовления всех деталей из

Плафонная роспись подземного зала станции «Измайловская». Художник А. Д. Гончаров

белого известняка мы видим на вестибюле станции «Сокол».

Большим достижением следует признать значительное увеличение площади гранитных полов. Платформа станции «ЗИС» выложена квадратами из габбро, основным камнем для пола среднего зала станции «Ново-Кузнецкая» принят индеевский гранит, коврики перед скамьями и квадраты у основания торшеров сделаны на этой станции из мрамора. Полы среднего

Подземный зал станции «Сталинская». Арх. С. М. Кравец

Вестибюль станции «Бауманская». Арх. Б. М. Иофан

зала станций «Бауманская», «Электроводская» и «Сталинская» сделаны из гранита.

Основное преимущество применения гранита для полов (несмотря на значительную стоимость) являются долговечность и хорошая сопротивляемость на истирание.

Укладку гранитного пола на платформе станции «ЗИС» большими квадратами однородного камня надо признать наиболее целесообразной и отметить, как ничем не оправданное, увлечение разно-

цветностью камня, смешение гранитных и мраморных плит на станции «Ново-Кузнецкая». При неодинаковом коэффициенте истирания эти полы потребуют в скором времени ремонта мраморных плит.

Также нельзя согласиться с приемом вписывания в рисунок полов небольших квадратиков и треугольников гранита на станциях «Бауманская» и «Сталинская».

Все эти элементы значительно затрудняют работу, увеличивают сетку швов, что отрицательно влия-

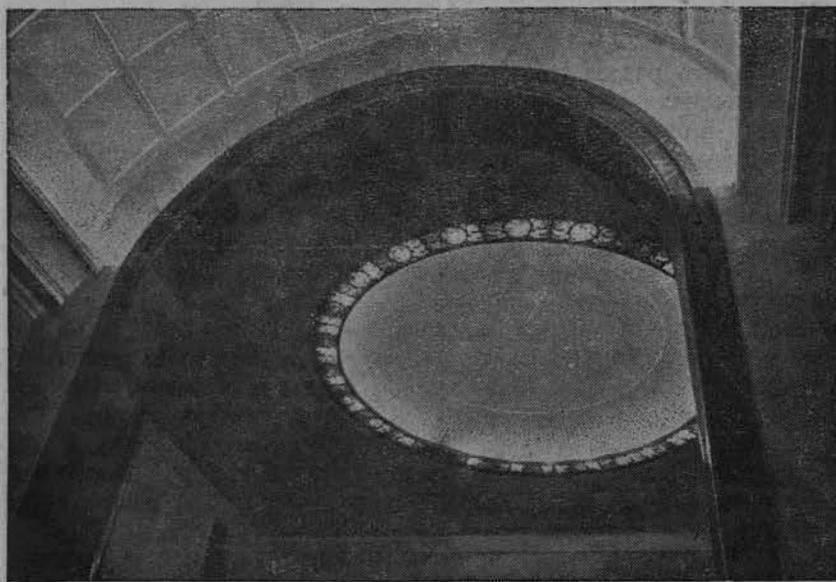
ет на качество полов, неизбежно вызывает наличие острых углов, удержать которые в целости в гранитном камне почти невозможно; все эти трудности не оправдываются сомнительным повышением декоративно-художественного качества полов.

Большой опыт накопился в области производства различного вида мраморно-мозаичных работ. На станциях и в вестибюлях метро мы видим облицовку стен из крупных сбломков мрамора, собранных на цементе в плиты стандартного размера (этот вид изделий получил название «брекчия» по своей схожести с натуральными брекчиевидными мраморами).

Такие же брекчиевидные полы изготавливаются или отдельными плитами на цементе, или же набираются на месте производства работ, с последующей шлифовкой на месте передвижными волчками.

В кассовом зале станции «Измайловская» были сделаны брекчиевидные полы набором на месте производства работ, а полы верхней площадки на той же станции уложены из мраморных брекчиевидных плит, изготовленных заводским путем. На второй очереди подобного рода полов было значительно больше. Некоторые дефекты, которые получились в результате первого опыта с производством таких полов, должны быть тщательно изучены и устранены. В частности необходимо подбирать мраморные породы с одинаковым коэффициентом на истирание. Это не было учтено при изготовлении первых образцовых полов на платформе станции «Киевская», и там уже достаточно ощутимо значительно большее истирание белых мраморовидных известняков «бюк-янкюй» (желтый), «шроша» (красный), «садахло» и «давалу» (черный).

При соблюдении правил подборки материала мраморно-мозаичные полы имеют большие положительные качества. Прежде всего брекчиевидные мраморные доски, изготовленные из отходов мелких кусков мрамора, очень дешевы. В декоративном отношении этот вид настила позволяет получать самые различные рисунки, цветовые подборки, а также различные сочетания крупных кусков мрамора с мелкими или с крошкой, сочета-

Деталь отделки станции «Электроводская». Арх. В. Г. Гельфрейнд и арх. И. Е. Рожин

ния брекчиевидного рисунка с шашкой и полоской и т. д.

Само собой разумеется, что все сказанное о подборе мраморных пород для изготовления ковровой половой мозаики относится также и для того случая, когда для настилки полов применяются целые большие плиты мрамора.

Здесь нелишним будет указать, что примерная стоимость изготовления и укладки 1 м² брекчиевидных плит колеблется в пределах 60—80—120 руб., а стоимость гранитных полов колеблется от 450 до 800 руб. за 1 м².

Таким образом замена дефектных мозаичных полов через 10 лет соответствует долговечности гранитных полов на 50 лет. К сожалению, мы не располагаем пока такими опытными данными и не можем установить сейчас, каково будет состояние гранитных полов через 50 лет.

По предложению автора настоящей статьи, в 1939 году на мраморном заводе Метростроя начались экспериментальные работы по изготовлению художественных мраморных картин. Эти картины делались не по принципу набора мелких разноцветных кусочков мрамора, которые, как мазки кисти, составляют нужный оттенок в данном месте картины, а путем подбора тонов больших кусков мрамора, где иной раз естественные переливы мрамора входят в цветное оформление данной детали панно.

Вскоре опыт этих экспериментальных работ был перенесен на производство, и в вестибюле станции «ЗИС» появляется большое мраморное панно «Русские богатыри, охраняющие свою родину» (художники В. Ф. Бордиченко и Б. В. Покровский). В вестибюле станции «Павелецкая» устанавливается по рисункам В. Ф. Бордиченко и Г. Л. Машковцевой панно на тему «Салют доблестным нашим войскам», а на торцовой стене среднего зала станции «Ново-Кузнецкая» выполнено панно на тему «Фронт и тыл в борьбе против немецких захватчиков» по рисункам художника Б. В. Покровского.

Не останавливаясь пока на сравнительных достоинствах этих монументальных работ, следует признать, что выбор материала и способа производства этих мраморных панно сделан правильно. При

сравнительно низкой стоимости самого материала (так как в дело идут многие отходы мрамора) и при значительно упрощенном методе производства мраморного набора, что сокращает сроки исполнения работ, мы добились в условиях эксплуатации метро весьма целесообразного применения живописного монументального искусства.

Вследствие новизны этого вида мраморной мозаики, техническое выполнение имеет еще погрешности. Так, например, на одном и том же панно (станция «Павелецкая») фигуры красноармейцев, силуэт Кремля и другие детали картины выполнены в швах по кривым линиям рисунка, пространство же, отведенное для неба, выполнено по системе обыкновенной каменной кладки в перевязку швов, а потому легкость и воздушность облаков и ощущение неба исчезли.

Одновременно с этим на станциях 3-й очереди были продолжены работы по живописному оформлению стен и сводов смальтовой мозаикой.

Много писалось о неудачном расположении мозаик в куполах станции «Маяковская». Плохо рассматриваются мозаики фриза путевой стены станции «ЗИС». Здесь полная длина картины не охватывается зрителем, к тому же тип арматуры и его светотехнические качества не помогают мозаике, а отражением отдельных точек даже мешают восприятию.

Наилучшее расположение мозаик (худ. А. А. Дейнека) пока достигнуто на своде центрального зала станции «Ново-Кузнецкая».

Впервые на станциях метро 3-й очереди сделан опыт плафонной росписи. В вестибюлях станции «Павелецкая» плафон расписан маслом (работа бригады художника В. Ф. Бордиченко), на станции «Измайловская» сделана фресковая живопись бригадой художника А. Д. Гончарова.

Для нас особенно интересно, на сколь длительный срок сохраняются эти работы в условиях метро. Пока надо признать, что выбор способа росписи сделан правильно: в помещении наземного вестибюля — маслом, в подземном помещении — фреской.

Выше мы отмечали удачное применение художественной орнаментальной керамики (медальоны из

фарфора на станции «Динамо», надписи и электроарматура на станции «Киевская» и др.).

Но не везде мы добились полного применения этого наилучшего материала, отвечающего требованиям чистоты, удобства и ухода за сооружением.

Наблюдается излишнее увлечение некоторыми авторами гипсовыми орнаментами и гипсовыми скульптурными барельефами. В условиях эксплуатации метро это должно быть отнесено к отрицательным приемам декоративного оформления станций (фриз свода центрального зала станции «Ново-Кузнецкая»).

Следует вдумчиво изучить вопрос о наилучшем использовании материалов и иметь мужество ограничивать себя известными пределами парадности и декоративности.

Здесь мы не имеем в виду, конечно, те скульптуры и горельефы, которые предназначены к выполнению в мраморе или бронзе (горельефы скульптора Г. И. Мотовилова на пилонах станции «Электрозаводская» скульптурная группа на станции «Измайловская» работы скульптора М. Г. Манизер) и временно выполнены из гипса.

Наряду с гипсовыми орнаментальными украшениями следует также в наземных залах сдержанно применять цементные и штукатурные лепные изделия, тяги, карнизы и кессоны.

В этом отношении есть много поучительных примеров из практики отделочных работ на строительстве метро.

Кессоны сводов путевых тоннелей станции «Площадь Свердлова» были выполнены в железобетоне и опалубке и затем только была произведена затирка цементным раствором углов и неровностей. В данном случае архитектурная форма кессонов вполне допускала применение этого целесообразного метода работ.

На станции «Курская» ромбовидные кессоны и розетки, изготовленные из цемента, подвешивались к бетонной оболочке свода. Работа чрезвычайно многодельная и не дает гарантии полной безопасности подвески кессонов.

Легкие орнаментальные украшения, тяги небольшого профиля вполне допустимы для установки и крепления на бетонном своде стап-

ций («Аэропорт», «Площадь Революции», «Ново-Кузнецкая», «Сталинская»).

Совсем иного порядка советы можно дать для обработки сводов и куполов наземных вестибюлей. Так, например, в интерьере вестибюля станции «Ново-Кузнецкая», который очень хорошо защищен от проникновения наружного воздуха, можно допустить гипсовую орнаментку.

Удачное освоение асбошиферных щитов для изготовления зонтов в тубинговых тоннелях потребует от авторов новых архитектурных приемов оформления этой замечательной по своим эксплуатационным качествам водонепроницаемой защиты тоннелей.

Как первые шаги в этом направлении, появились тяги по эскалаторным сводам на станциях «Ново-Кузнецкая» и «Электрозаводская», которые закрывают конструктивные швы соединения асбошиферных щитов.

Можно допустить также обработку асбошиферных зонтов фанерованным деревом ценных пород в сочетании с раскладками из массива дерева.

Опыт показал, что деревянные части барьеров эскалаторов очень устойчиво выдерживают уже почти десятилетний срок существования. Там, где отсутствует водонепроницаемость, применение деревянной облицовки вполне возможно.

Объем краснодеревных работ в

условиях строительства метрополитена вообще невелик. В основном — это входные и выходные двери, тамбуры, кассовые устройства, диспетчерские кабины и скамьи. Качество этих работ, изготавливаемых краснодеревным заводом Метростроя, стоит на достаточно высоком уровне.

Остается сказать несколько слов о металлоизделиях.

Бронзовые отливки с хорошей чеканкой мы видим на многих станциях метро. Люстры и торшеры станций «Ново-Кузнецкая», «Электрозаводская» могут служить прекрасными образцами подобного рода изделий. Большая люстра под куполом вестибюля станции «Электрозаводская» смонтирована впервые с применением газосветовых трубок дневного света. Это новшество удалось осуществить при помощи электрозавода.

В отношении этих изделий можно сделать только одно замечание. Если массивная бронза очень хорошо смотрится на фусте торшера (станция «Ново-Кузнецкая»), то рисунок обода люстры (станции «Ново-Кузнецкая», «Павелецкая») работает только на просвет силуэтом, и в этом случае для изображения выпуклого орнамента, в целях экономии цветных металлов, более целесообразным было бы применение штампованных тонких листов латуни.

В тех же целях экономии цветных металлов очень хорошо выполнен из алюминия металличе-

ский карнизный круг в куполообразном плафоне эскалаторного зала станции «Сталинская».

Следует отметить, что очень много предметов осветительной аппаратуры, в частности люстры путейских тоннелей станций «Измайловская», «Сталинская», «Бауманская», «Павелецкая», пока еще не осуществлены по рисункам авторов, а заменены временными подвесными шарами.

Безусловно следует применять, где это возможно и целесообразно, художественное чугунное литье. Вентиляционные решетки на станциях «ЗИС» и «Павелецкая» изготавливались на заводе Метростроя, не приспособленном для художественного литья; тем не менее они выполнены достаточно удовлетворительно и неплохо воспринимаются.

Эти краткие замечания об отдельных достоинствах и недостатках отделочных и художественно-декоративных работ на строительстве Московского метро должны, по нашему мнению, помочь тем авторам, которые будут продолжать работу над станциями 4-й очереди.

В этой новой творческой работе необходимо стремиться к созданию наибольших удобств для пассажиров и в то же время развивать и совершенствовать художественное содержание Московского метрополитена — замечательного сооружения нашей эпохи.

СТАНЦИЯ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА «ЭЛЕКТРОЗАВОДСКАЯ» (1944 г.)

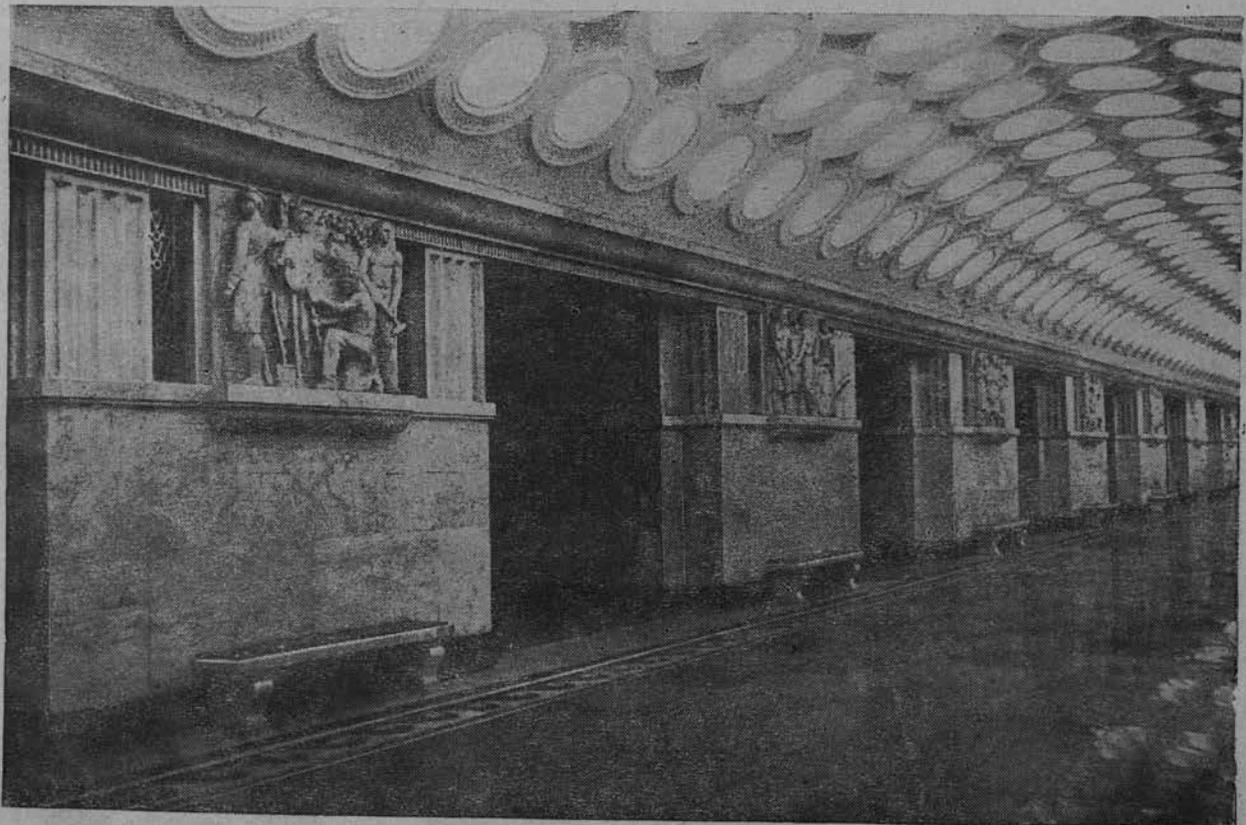
Наружный павильон. Арх. В. Г. Гельфрейх и арх. И. Е. Рожин

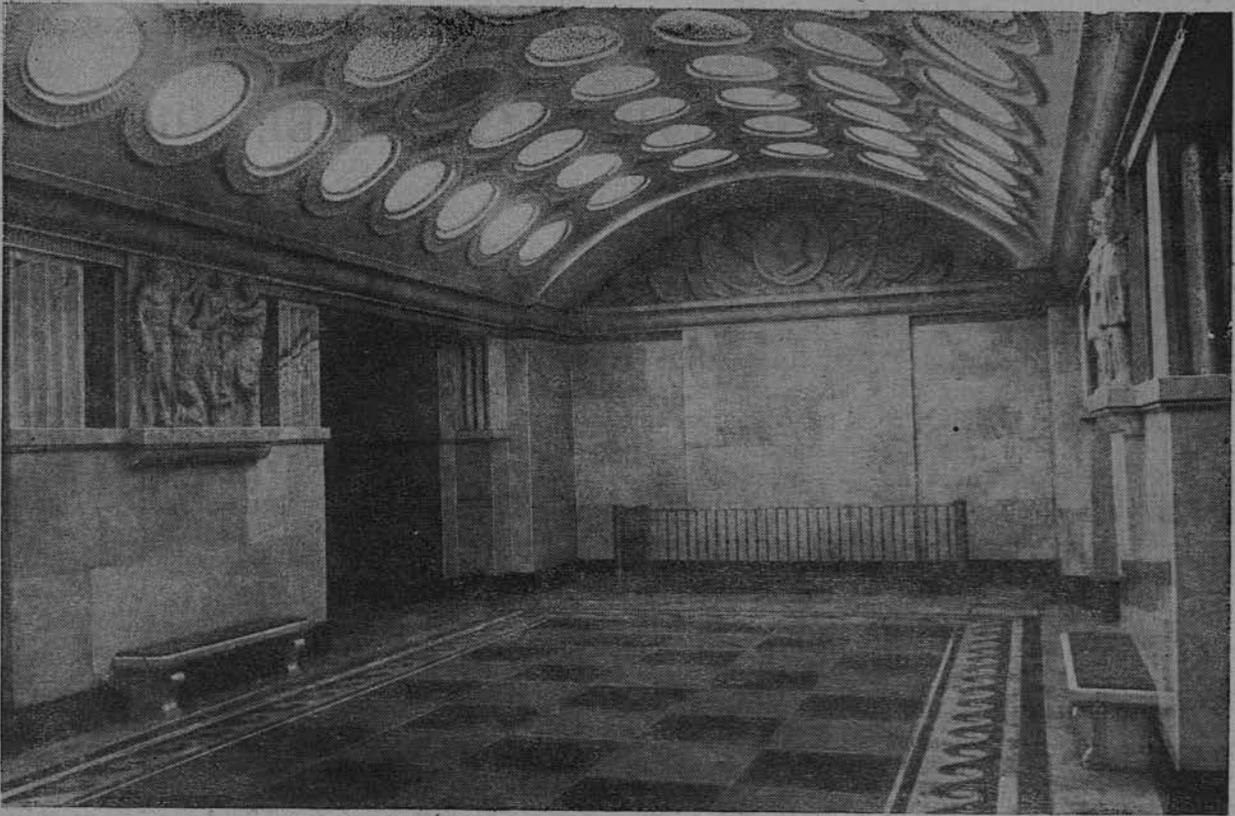
Наружный вестибюль (деталь интерьера)

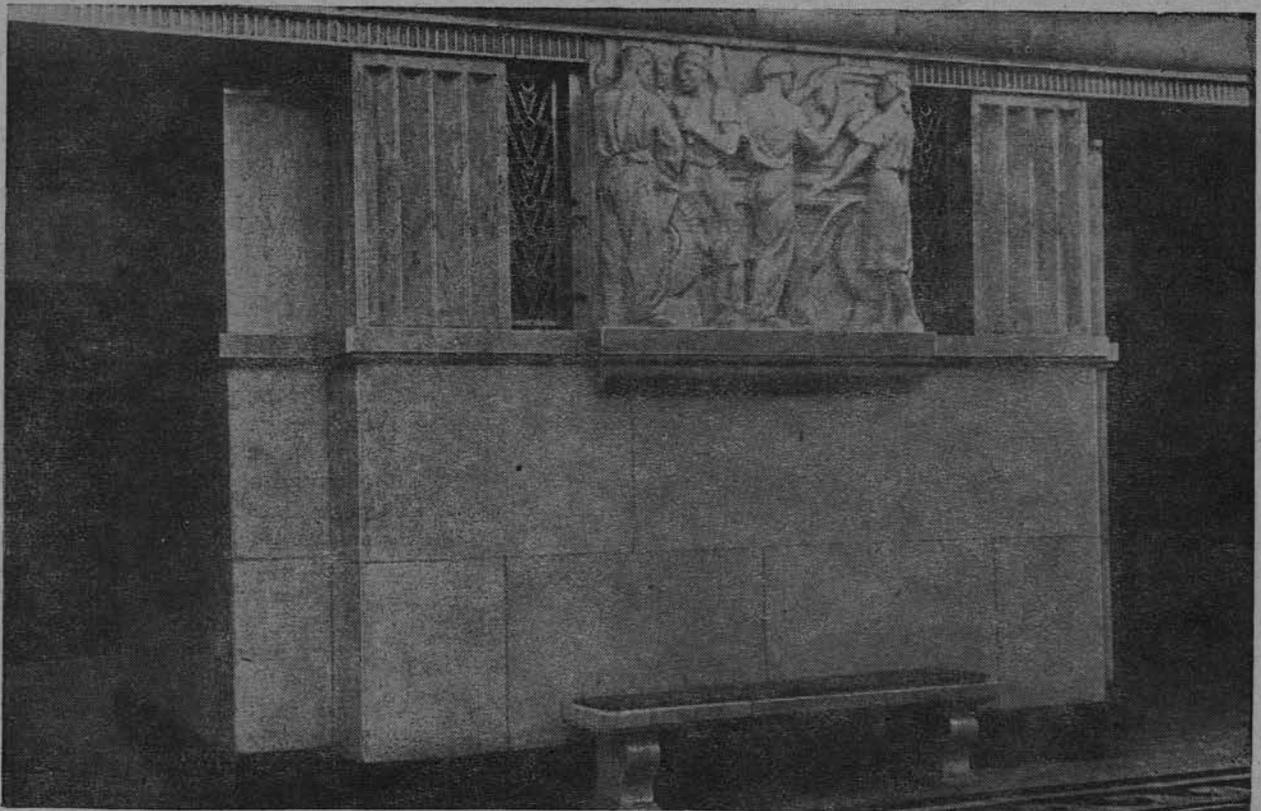
Станция «Электрозаводская». Общий вид центральной галереи подземного зала. Арх. В. Г. Гейльфрейх и арх. И. Е. Рожин

Центральная галерея подземного зала (деталь)

Центральная галерея подземного зала (деталь)

Барельеф на пилоне центральной галереи. Скульптор Г. И. Молотиллов

ТОНКОСТЕННЫЕ КИРПИЧНЫЕ СВОДЫ БЕЗ ОПАЛУБКИ

М. Туполев

Безопалубочный метод возведения тонких сводов из штучных материалов (кирпича) на быстрохватывающемся растворе (гипсе), уже внедренный в практику восстановительных работ в Донбассе, основан на применении разработанного автором передвижного полумеханического производственного оборудования, поддерживающего кирпичи при выкладывании сводов.

Дальнейшая разработка проблемы показала возможность применить рассматриваемый метод кладки для возведения сводов иных пространственных форм и более рационально использовать сомкнуто-вспарушенную форму свода.

Возведение малопроектных сводов постоянного профиля производится с помощью предложенного автором верхнего передвижного шаблона, состоящего из легкого кружала, к которому на железных краях-поддержках прикреплена железная полоса сечением в 3×120 мм, выгнутая в соответствии с запроектированным профилем свода и выполняющая роль опалубки при его выкладывании (черт. 1).

Концы шаблона опираются на ползунки, передвигаемые по опор-

ным планкам, уложенным на стены или балки, на которые опирается свод.

Процесс кладки свода состоит из следующих операций: 1) установки оборудования, 2) выкладывания первой элементарной арки, прижимаемой к тордовой стене, 3) опускания шаблона с помощью ползунков, его передвижки по опорным планкам, 4) выкладывания второй элементарной арки свода и т. д.

Выкладывание свода с помощью верхнего передвижного шаблона внедрено в практику восстановительного строительства в Донбассе (Пантелеймоновка), где по этому методу уже построено до 130 пог. м коробовых сводов пролетом 2,2 м (фото 1).

Передвигая два прямых шаблона по криволинейным верхним границам стен малопроектного помещения, над ним можно возвести свод цилиндрического типа с любой стрелой подъема. Расстояние между щекowymi стенами перекрываемого помещения в этом случае не должно превышать 1,2 — 2,5 м (черт. 2, фиг. 1). Применив шаблон с подъемом в $\frac{1}{50}$ — $\frac{1}{20}$ пролета, получаем более жесткий свод двойной кривизны вспарушенного

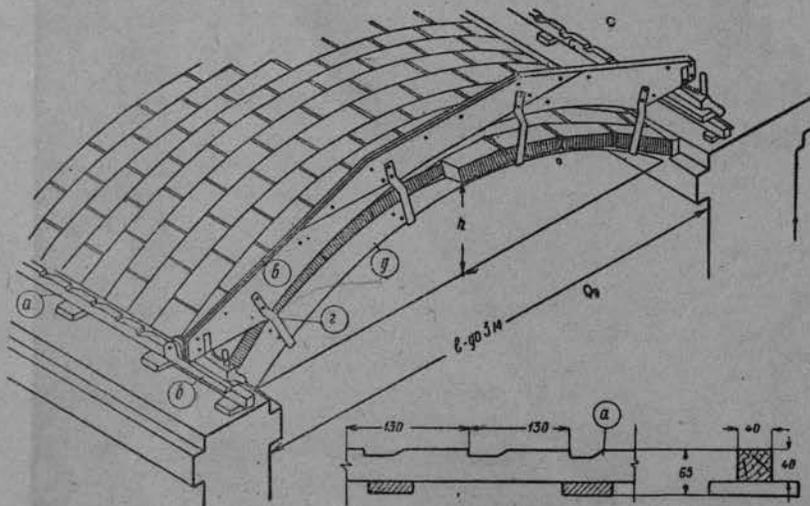
типа любого пролета, но малой длины (до 2,5 — 3 м) (черт. 2, фиг. 2). Во всех рассмотренных случаях концы направляющих реек (через ползунки) опирались на опорные рейки или опорные «гусеницы», укладываемые на верхние грани стен перекладываемых помещений (черт. 3, фиг. 2). Гусеница, состоящая из гибкой доски со звеньями длиной в 12,5 см, удобна в том отношении, что она может быть уложена на верхней грани стены, имеющей любую кривизну, и поэтому является универсальным приспособлением.

Если допустить применение легких переносных кружал для возведения несущих арок-нервюр (черт. 3, фиг. 5), то сфера применения рассматриваемого метода возведения сводов значительно расширяется.

Выложив по легким переносным кружалам ряд легких арок (черт. 2, фиг. 4—5), расположенных друг от друга на расстоянии 1,5—2 м, и возведя по ним (с помощью прямого верхнего передвижного шаблона) отдельные отсеки цилиндрического свода, можно получить тонкий свод с подпружными арками пролетом до 6 и более метров и неограниченной длины.

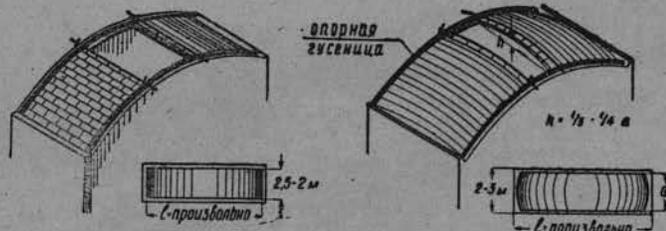
При возведении сводов, распадубки которых обладают контуром более сложного очертания, следует пользоваться комплектом передвижного оборудования, состоящего из: 1) ползунков (аналогичных рассмотренным выше); 2) направляющих реек с железным стержнем сбоку, на который навешиваются железные крюки-поддержки; 3) подержек; 4) линеек из фанеры сечением 5×80 мм, заменяющих опалубку при кладке свода (черт. 3, фиг. 3, 4).

В нашей статье «Тонкие сомкнуто-вспарушенные кирпичные своды для малоэтажных зданий» («Строительная промышленность» № 5—6, 1944 г.) подробно рассмотрен порядок возведения сводов с помощью указанного оборудования. Этот метод возведения сво-

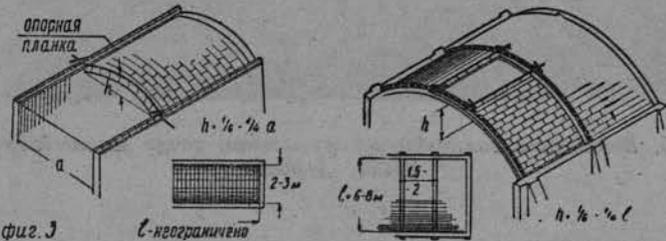
1. Кладка цилиндрического свода с помощью верхнего передвижного шаблона:

а — опорные планки; б — ползунки (приспособления для осаживания и передвижки шаблона); в — кружало; г — железные крюки-поддержки; д — железная линейка

Фиг. 1

Фиг. 2

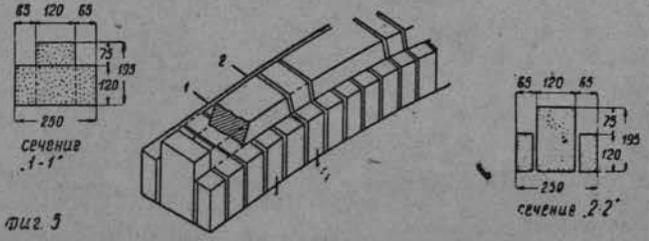

Фиг. 3

с неограничено

с 6-8м

h = 1/8 * a

Фиг. 5

2. Возведение тонкостенных кирпичных сводов:

фиг. 1. Цилиндрического, короткого, но большого пролета; фиг. 2. Бочарного свода; фиг. 3. Малопроектного цилиндрического (осуществлен в Донбассе); фиг. 4. Цилиндрического с подружными арками; фиг. 5. Примерная конструкция подружных арок (первур)

дов внедрен в практику восстановительных работ в Донбассе (Пантелеймоновка), где в течение апреля и мая текущего года под руководством автора выложено 32 сомкнуто-вспарушенных свода.

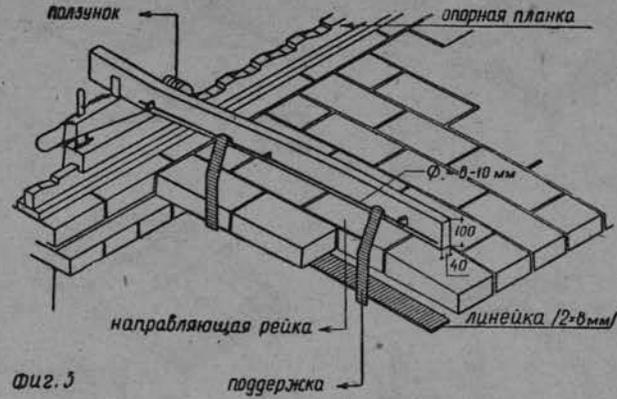
Установив по стенам 2 пары легких (направляющих) переносных кружал, определяющих форму свода и поддерживающих при его кладке направляющие рейки, мы получаем возможность возводить своды сомкнутого типа.

Применив прямые направляющие рейки, выкладывают простые сомкнутые своды с цилиндрическими распалубками (черт. 4, Фиг. 1). Сообщив направляющим рейкам подъем в $\frac{1}{30}$ — $\frac{1}{20}$ перекрываемого пролета, с их помощью можно выложить (предложенный автором) тонкий, сомкнуто-вспарушенный кирпичный свод, рассчитанный на

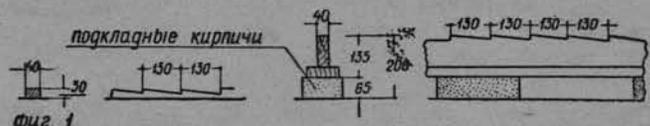
перекрытие помещений площадью до 25 м² с отношением сторон от 1:1 до 1:2, подробно описанный в указанной выше статье (черт. 4, фиг. 2 и 3). Сомкнуто-вспарушенный кирпичный свод представляет собой частный случай сводов, возводимых по безопалубочному методу автора (фото 5).

Основным преимуществом сомкнуто-вспарушенного свода является его пространственная жесткость.

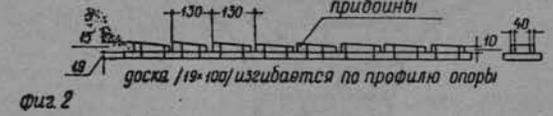
В случае покрытия сомкнуто-вспарушенными сводами двух или нескольких соприкасающихся помещений между ними, получаются ендовы, образуемые нижними (относительно крупно поднимающимися) рядами кладки соседних сводов и опорным поясом. Кирпичная ендова описанного профиля представляет собой жесткую складку, которую, при условии введения

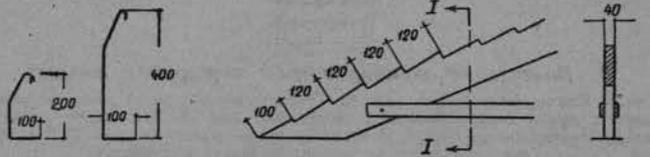
Фиг. 3

Фиг. 4

Фиг. 2

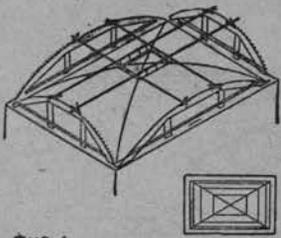

3. Выкладывание сомкнуто-вспарушенных и нервюрных сводов с помощью инвентарного производственного оборудования:

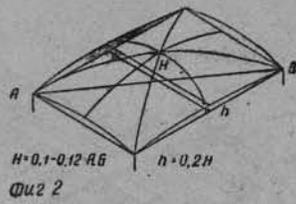
фиг. 1. Опорные планки: — при коротких supports, — при длинных supports; фиг. 2. Опорная гусеница, укладываемая по аркам; фиг. 3. Выкладывание тонкостенного свода; фиг. 4. Поддержки; фиг. 5. Опорные кружала

арматуры в нижние (растянутые) ряды кладки опорного пояса, можно заставить работать, как железобетонную балку сложного пространственного профиля (черт. 4, фиг. 5). В этом случае устраняется необходимость в несущих стенах между соседними ячейками плана, перекрытыми сомкнуто-вспарушенными сводами, и открывается возможность установки сводов на столбы, что весьма расширяет рамки их применения. В Пантелеймоновке построено 8 ендов-перемычек пролетом в 5,2 м (фото 6).

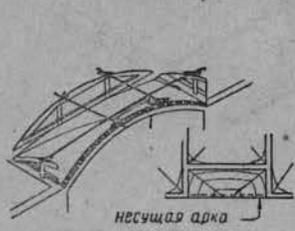
В ряде случаев возможно возведение половины сомкнуто-вспарушенного свода, опирая его на три стены (черт. 4, фиг. 4). Этим способом мы получаем новую архитектурную форму — раковину, напоминающую перекрытия порталов среднеазиатских мечетей и

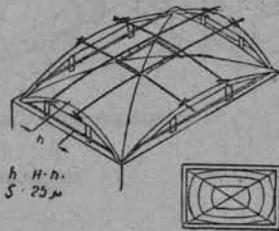
Фиг. 1

Фиг. 2

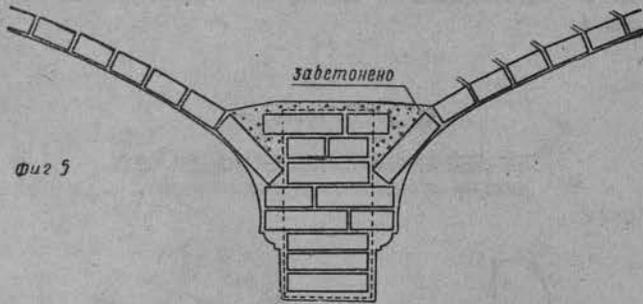
Фиг. 4

Фиг. 3

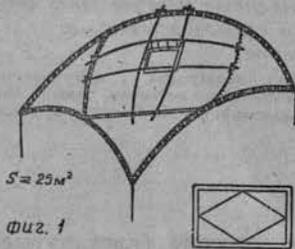
5. Возведение сомкнуто-вспарушенного свода Пантелеймоновка, Донбасс

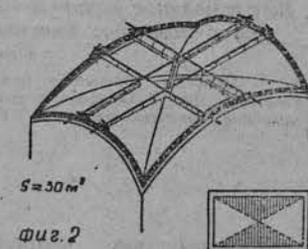
Фиг. 5

4. Возведение тонкостенных кирпичных сводов:

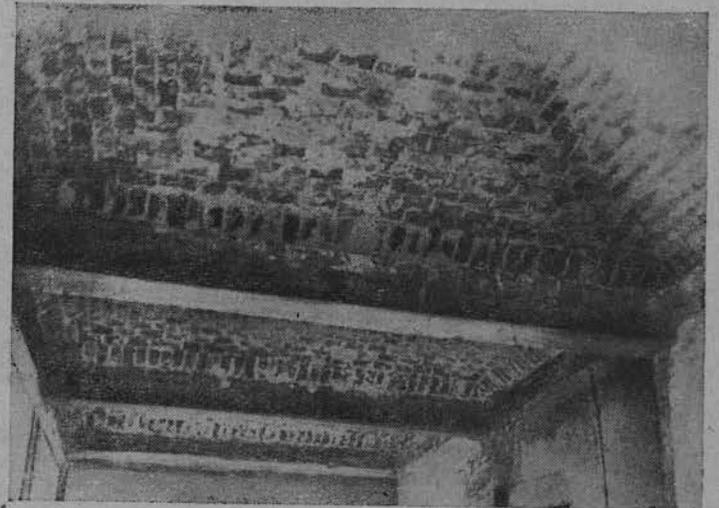
фиг. 1. Сомкнутого свода; фиг. 2. Геометрическая форма сомкнуто-вспарушенного свода (осуществлены в Донбассе); фиг. 3. Возведение сомкнуто-вспарушенного свода; фиг. 4. Возведение свода-раковины; фиг. 5. Конструкция ендовы-перемычки (осуществлена в Донбассе)

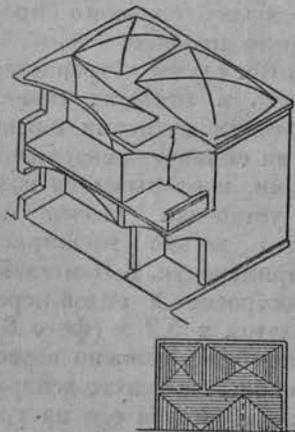
Фиг. 1

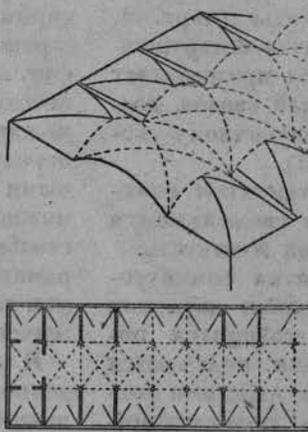
Фиг. 2

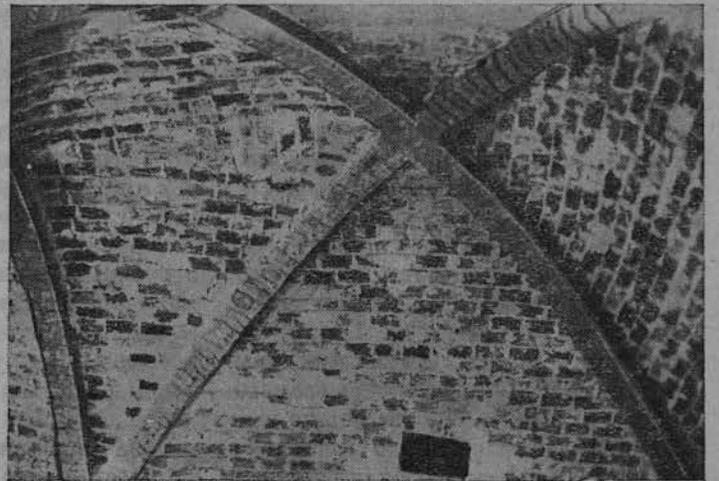
6. Внутренний вид ряда сомкнуто-вспарушенных сводов с железо-кирпичными ендовами-перемычками между ними

Фиг. 3

Фиг. 4

8. Донбасс. Пантелеймоновка. Внутренний вид кирпичного каркасного свода с тонкостенными распалубками:

7. Возведение тонкостенных кирпичных сводов парусно-сомкнутого типа (фиг. 1) и крестового типа (фиг. 2). Примеры применения безопалубочных тонкостенных кирпичных сводов в перекрытиях 2-этажного жилого дома (фиг. 3) и в покрытиях большепролетного общественного здания (фиг. 4)

могущую найти применение, например, при устройстве лоджий. При возведении раковины прежде всего нужно выложить арку, поддерживающую раскрытую половину свода (на фасаде). Затем выкладывают раковину, пользуясь тремя направляющими рейками, одним полным кружалом, установленным на задней стене, двумя полукружалами (или свешивающимися цельными кружалами) на боковых стенах и гусеницей, уложенной на переднюю арку. Задний край раковины может быть установлен на несущую стену или решен в виде несущей пространственной енды-перемычки.

Если верхние грани сомкнуто-вспарушенных сводов и раковин могут быть использованы как в покрытиях, так и в междуэтажных перекрытиях (черт. 7, фиг. 3), если стенам, ограждающим квадратное или прямоугольное помещение, придать арочное очертание (или заменить системой арок, опирающихся на столбы), а направляющие рейки, передвигаемые по гусеницам, расположить параллельно диагоналям помещения, то можно возвести свод парусного типа (черт. 7, фиг. 1); однако ввиду сложности его осуществления этот тип к широкому применению не рекомендуется.

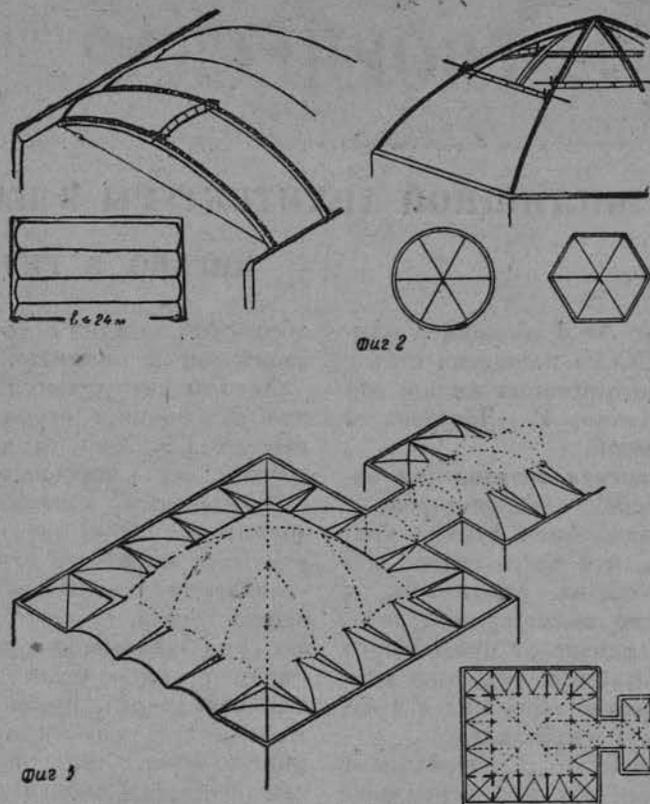
Если по диагоналям перекрывается помещение с помощью инвентарных переносных кружал возвести арки-нервиюры, а верхним граням стен, ограждающим перекрываемое помещение, придать циркулярное или параболическое очертание, то с помощью направляющих реек, передвигаемых по гусеницам, уложенным по верхним граням стен, можно выложить свод крестового типа пролетом до 6—8 м (черт. 7, фиг. 2). Крестовые своды могут быть установлены на столбах, между которыми по периметру помещения (взамен стен) должны быть возведены легкие арки, по которым при возведении свода укладываются гусеницы.

Если размер помещения не превышает 25 м², то при возведении крестовых сводов можно не выкладывать диагональных ребер, используя диагонально установленные кружала для поддержания угла пересечения распалубок. Крестовый свод дает распор, направленный по диагоналям. Этот распор должен быть воспринят жесткостью

угловых пилонов, контрфорсами или затяжками.

Встает задача погасить эти распоры, не прибегая ни к контрфорсам, ни к металлическим затяжкам. Распорные усилия соседних крестовых сводов, направленные в противоположные стороны, взаимно уравновешиваясь, погасяют друг друга. Остается погасить распор, ориентированный перпендикулярно к оси ряда крестовых сводов. С этой целью вдоль нафа, перекрытого крестовыми сводами, располагается наф (меньшего пролета), перекрываемый сводами-раковинами, раскрытыми в сторону крестовых сводов и примыкающими к ограничивающим их аркам (черт. 7, фиг. 4). Возведение сводчатого покрытия должно быть начато с выкладки раковин, после чего переходят к осуществлению крестовых сводов. Боковой наф в ряде случаев может быть перекрыт поперечными бокарными или цилиндрическими сводами (гладкими или на подпружных арках, в зависимости от габаритов перекрываемых ячеек).

Безопалубочный метод возведе-

9. Примеры применения тонкостенных нервюрных кирпичных сводов для перекрытия большепролетных зданий

фиг. 1. Ребристый свод двойной кривизмы типа «Узбекистан»; фиг. 2. Ребристый многогранный сомкнутый свод; фиг. 3. Пример сложного архитектурного комплекса, перекрытого системой тонкостенных безопалубочных кирпичных сводов (пунктиром указаны нервюры)

ния сводов с применением рассмотренного выше оборудования может быть применен и при постройке большепролетных нервюрных сводчатых и купольных конструкций для тонкостенного заполнения цилиндрических или двоякоизогнутых распалубок по нервюрам (черт. 9, фиг. 1—2). Направляющие рейки передвигаются в этом случае на ползунках по гусеницам, уложенным по верхним граням нервюр. Применяя направляющие рейки, получают распалубки цилиндрического типа (черт. 9, фиг. 2).

При использовании изогнутых (арочных) направляющих реек распалубки (черт. 9, фиг. 1 и 2) приобретают двойную кривизну.

В Пантелеймоновке (Донбасс) построен один нервюрный свод комбинированной пространственной формы над помещением 6 × 10 м (фото 8).

Разнообразие габаритов и пространственных форм сводов, возводимых по безопалубочному методу, открывает перед архитектором широкие творческие возможности.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ПУТИ ЖИЛИЩНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В выпуске № 4 сборников «Архитектура СССР» помещена статья «Опыт проектирования жилищ для Средней Азии» Г. Захарова и З. Чернышевой.

Узбекистанская организация Союза советских архитекторов с большим сожалением должна констатировать, что часть статьи, касающаяся общих положений, и теоретические высказывания авторов весьма далеки от правильного понимания путей к созданию полноценной архитектуры жилья в национальных республиках.

Г. Захаров и З. Чернышева огульно обвиняют всю строительную практику республик Средней Азии, особенно выделив гор. Ташкент, причем главное, что ставится в вину архитекторам, работающим для Средней Азии, — это проектирование жилых секций, «обычных и для средней полосы России, с обычным санитарно-техническим оборудованием, где все «местные» особенности сведены к несуразным, беспомощно нарисованным декоративным деталям».

Они упрекают далее архитекторов Узбекистана в том, что они не учитывают народного опыта строительства старых городов, решенных, с точки зрения арх. Захарова и Чернышевой, весьма интенсивно и правильно, потому, что они имеют хорошо найденное соотношение «площадей с примыкающими к ним маленькими, часто кривыми переулочками и тупиками и довольно высокими заборами — дувалами, дающими пешеходам возможность укрыться от горячего южного солнцепека в тени»; потому что каждая жилая ячейка, жилой дом, полностью и совершенно изолированные друг от друга, в то же время «находятся близко от городского центра, деловых зданий и учреждений»; потому что «окоп, выходящих на улицу, в старом городе почти невозможно встретить». Г. Захаров и З. Чернышева заключают, что «это

абсолютно логично с точки зрения санитарии и гигиены».

Авторы возмущаются далее тем, что сегодняшнее строительство в городах Ср. Азии и в Ташкенте состоит из капитальных зданий, обеспечивается канализацией, водопроводом. Они предлагают нам учиться у народного строительства «санитарно-техническому оборудованию города, (когда) дома строились на совершенно иных принципах и здесь были достигнуты большие успехи, пренебрегать которыми нет никаких причин. Тут многое можно сказать и о приемах отопления жилого дома, общественных сооружений, бань и т. д., о канализации, об отводе грязных вод...»

Кроме того, нас упрекают в том, что мы, принимая конструкции, принятые в европейской части Союза, пренебрегали опытом жилищного строительства без дерева, столь широко развитого, по мнению Г. Захарова и З. Чернышевой, в прошлом Узбекистана.

Какие же мотивы заставляют Г. Захарова и З. Чернышеву отвергать городскую канализацию для городов Средней Азии, в частности Ташкента, рекомендовать застройку города индивидуальными особнячками, располагаемыми за высокими дувалами, дающими столь желанную, по их заявлению, тень и спасающими дом от пресловутой лёссовой пыли? Г. Захаров и З. Чернышева считают благоустройство городов Ср. Азии и даже столицы Узбекистана — Ташкента — нереальным. Они говорят также: «Основные местные строительные материалы допускают возможность строить только одноэтажные и максимум двухэтажные жилые дома. Местные конструктивные решения эффективны во всех отношениях при малоэтажном строительстве. Устройство мощной канализационной системы нереально не только в настоящее время, но и на довольно значительный про-

межуток времени. Следовательно, здесь возможно малоэтажное рассредоточенное строительство с местной канализационной системой».

Посмотрим, что же из этих высказываний Г. Захарова и З. Чернышевой, взявших на себя роль судей всей архитектурной строительной практики Средней Азии за время Советской власти, соответствует действительности?

То, что архитекторы в Ср. Азии строят дома с уборными, ванными, кухнями, то, что эти дома многоэтажны — это верно. То, что иногда архитектура их не полноценна — этого отрицать нельзя. То, что архитекторы Узбекистана не проектируют домов для строительства в городах по типу старых узбекских домов, разделенных на мужскую и женскую половины, совершенно изолированных от улицы и друг от друга, — это также верно. Но то, что узбекские архитекторы в этом неправы — это, с нашей точки зрения, совершенно неверно, и мы надеемся, что это мнение только Г. Захарова и З. Чернышевой.

Какие местные образцы рекомендуются нам принять для подражания в оборудовании жилых зданий? Канализация в старом узбекском доме решалась как поглощающая яма, причем благодаря условиям лёссовых грунтов поглощение жидкости идет крайне медленно, а твердые фекалии вообще не поглощаются, поэтому в каждом дворе в течение его существования хозяева вынуждены были выкапывать такие ямы одну за другой, и эти ямы в некоторых дворах занимают до половины площади двора, тем самым превращая культурный слой в клоаку, и растительность во дворе гибла.

Отопление осуществлялось сандалом, представляющим собой жаровню с углями, положенную в углубление, сделанное по середине комнаты и закрываемое ватным

покрывалом, и вокруг этого единственно обогреваемого места собиралась вся семья и должна была быть в зимние месяцы совершенно прикованной к этому единственному источнику тепла, причем в тепле оставались все-таки только ноги, закрытые покрывалом. Раздеться в такой комнате было, конечно, невозможно, работать было также нельзя.

Конструкции, о которых говорят авторы, в виде арок, сводов и т. п. в жилой архитектуре Узбекистана, да и всех республик Ср. Азии всегда отсутствовали; конструкция жилого узбекского дома, также как и дома таджикского, туркменского, всегда была каркасной деревянной, в чем авторы, если бы они хотели дойти до первого же узбекского дома, могли бы убедиться.

Стены домов состояли из деревянного каркаса местных пород леса (тополь, тал) весьма интересных конструктивных форм, заполненного совсем не сырцовым кирпичом, а бесформенными комками высушенной глины, носящими название гуаджак.

Потолки и покрытия делались по деревянным балкам с заполнением между этими балками, тонкими деревянными жердочками «васса», покрываемыми краской или резьбой.

Размер дома в народной архитектуре определяется числом балок, так как пролет между ними

был всегда строго стандартен на протяжении веков — 7 балок, 9 балок, 11 балок и 13 балок.

Первый жилой дом со сводами в Узбекистане построен в 1942 году.

Безответственные высказывания авторов, конечно, не стоило бы подробно освещать и доказывать их неправоту, если бы Г. Захаров и З. Чернышева не перешли для обоснования положений своей статьи к недопустимому утверждению о том, что в течение ближайших лет невозможно благоустроить хотя бы только столицу Узбекистана — Ташкент. Здесь уже не незнание, а искажение фактов. Узбекский народ во время войны не только нашел возможным создать оборонную промышленность и строить электростанции, но и, начав в 1942 году народными методами строительство ташкентской канализации, заканчивает в текущем году ее первую очередь, и она будет пущена в действие. Канализация в ряде районов (ул. Павлов, вокзал, Текстилькомбинат) уже действует.

Проектировать город так, как предлагает Г. Захаров и З. Чернышева, мы не хотим, и строить жилье с сандалами и «санитарными» дувальными стенами, коими любят авторы статьи, мы также не будем.

Мы считаем, что архитекторы недостаточно еще работали над освоением народной архитектуры,

над созданием европейских благоустроенных городов и жилых домов в них, архитектура которых была бы неразрывно связана с узбекским национальным зодчеством. Мы еще меньше говорим и пишем о своей работе, но мы понимаем эту задачу не как копирование и возведение глино-каркасных или глинобитных мазанок, а как создание жилища новой узбекской архитектуры, которое имело бы своей отправной точкой элементы народности и своей базой план и конструкцию, решенные с учетом достижений сегодняшней строительной техники. «Советы» же статьи Захарова и Чернышевой могут только помешать этому делу, так как к нашему органу — «Архитектура СССР» — мы все относимся с большим уважением и привыкли читать на его страницах только полезные и деловые предложения, намечающие пути архитектурной практики.

В этом письме мы не хотим касаться опубликованных проектов Г. Захарова и З. Чернышевой; нам хотелось только сказать, что учет местных условий в этих проектах заключается только в безупречно нарисованных небесах и деревьях. План же и конструкции домов являются весьма неудачными. Строить эти дома, с нашей точки зрения, нельзя.

Правление ССА УзССР
г. Ташкент

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ЖИЛИЩНАЯ АРХИТЕКТУРА

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещая письмо, полученное редакцией от Правления Союза советских архитекторов Узбекистана по поводу статьи «Опыт проектирования жилищ для Средней Азии» Г. Захарова и З. Чернышевой, опубликованной в сборнике 4 «Архитектура СССР», редакция считает необходимым сделать следующие замечания.

Авторы этой статьи ставят в упрек проектировщикам и строителям, работающим для Средней Азии, применение для среднеазиатских городов тех же типов жилых зданий, какие применяются в центральных районах России, при

одновременном игнорировании опыта и традиций народного среднеазиатского зодчества. Этот упрек следует признать обоснованным. Каждый, кто побывал в Ташкенте и кто способен критически, объективно оценивать архитектурную практику, не мог не заметить, что в столице Узбекистана целый ряд жилых и общественных зданий представляет собой механическое «воспроизведение образцов, рассчитанных на центральные районы России», как сказано в статье Г. Захарова и З. Чернышевой. Оправдано ли это механическое перенесение архитек-

турных типов, созданных для одних климатических и бытовых условий, в районы, отличающиеся совершенно иными условиями? Может ли архитектура Советского Узбекистана пройти мимо богатейшего исторического опыта национального зодчества, считая этот опыт устаревшим пережитком давних времен, — времен культурной и хозяйственной отсталости, — и только?

Вряд ли можно сомневаться в том, какие ответы следует дать на эти вопросы, и статья «Опыт проектирования жилищ для Средней Азии» указывала архитекторам,

работающим в Узбекистане, на существенные ошибки в их практике. Эти ошибки, конечно, присущи не только архитекторам и строителям Ташкента и других среднеазиатских городов. Нивелировка архитектурных типов, применение одних и тех же конструкций, внутренних планировок, норм и типов застройки участка, одних и тех же пространственных и композиционных решений для различных национальных республик и районов нашей страны, составляет один из существенных дефектов архитектурной практики истекших лет. Проект норм массового жилищного строительства, разработанный в этом году Академией Архитектуры, совершенно правильно предусматривает существенные исправления норм, выработанных для средней полосы, применительно к условиям различных республик и районов страны. Не приходится специально винить ташкентских товарищей в подобных ошибках. По осознать эти ошибки, в частности показать их на примере ташкентской практики и наметить пути более правильного разрешения проблемы, весьма полезно и нужно. Попытку подобного рода и сделали авторы статьи, вызвавшей столь резкий и категорический отпор в письме Правления ССА Узбекистана.

Для того чтобы верно определить творческие пути советской архитектуры Узбекистана, очень важно присмотреться к наследию народного зодчества, творчески развить его ценнейшие прогрессивные особенности, отбросив все то, что тянет назад, к старому укладу, к бытовой и культурной отсталости, к примитивной несовершенной технике.

«Письмо в редакцию» проникнуто взглядом на народное зодчество как на нечто деликом устаревшее и отживающее, причем из всех особенностей народного жилища авторы письма наибольшее внимание уделяют его санитарной технике. В этом вопросе надо согласиться с авторами письма: со-

временное строительство в Узбекистане должно стремиться к внедрению новейших типов канализации и других санитарно-технических устройств. Г. Захаров и З. Чернышева ошибаются, полагая, что старые «методы» санитарно-технического оборудования узбекского города и дома пригодны для современного строительства. Точно так же они явно недоценивают реконструктивных возможностей советского коммунального хозяйства в городах Средней Азии, когда пишут о «нереальности устройства мощной канализационной системы». В этом отношении «Письмо в редакцию» обоснованно исправляет ошибочное утверждение авторов статьи.

Центр тяжести вопроса, однако, заключается не в том, предпочитаем ли мы поглощающую яму канализационной сети или наоборот (здесь спора быть не может), а в том, должна ли архитектура в своих исканиях наиболее прогрессивных методов и форм творчески пользоваться опытом народного зодчества, часто в совершенстве отвечающим природным и климатическим условиям, или же, отбрасывая весь этот опыт, довольствоваться повторением неких «общеевропейских» архитектурных типов?

Г. Захаров и З. Чернышева, бесспорно, идеализируют облик и планировку старого среднеазиатского города с его «кривыми переулочками и тупиками и довольно высокими заборами-дувалами». Город советской Средней Азии, конечно, не будет сохранять эту старую планировку ради нее самой, и эстетское любованье «кривыми переулочками» ни в коем случае не должно мешать смелой перепланировке старых городов и созданию новой уличной сети, нового городского пейзажа. Но если авторы «Письма в редакцию» правильно подчеркивают устаревшие и отживающие черты старой узбекской архитектуры, они не хотят в то же время видеть в этой последней множества ценнейших начал, исходящих из глубокой на-

родной традиции, из народного строительного мастерства, из глубокого знания местной природы. Если бы авторы «Письма» внимательнее отнеслись к этой стороне вопроса, они не прошли бы мимо жизненности ряда конструктивных и общеархитектурных приемов, применяющихся народными мастерами Узбекистана. В частности прекрасной иллюстрацией тех возможностей, которые при творческом подходе к традициям народного мастерства могут быть извлечены из них современной практикой, являются опыты с тонкостенными сводами, проведенные в том же Ташкенте (см. № 7 «Архитектуры СССР»).

Задача как раз и заключается в том, чтобы уметь выбрать из народной традиции жизненное и прогрессивное (связь жилья с природой, защита от климатических невзгод, умение применять местные материалы с наибольшей эффективностью и т. д.), сочетая эти традиционные черты с достижениями новой техники, новой бытовой культуры (новая санитарная техника, новая планировка жилища и города и т. д.).

Особенно важно это сочетание при проектировании и строительстве малоэтажного жилья. Малоэтажный дом является одним из основных типов жилищного строительства нынешнего и завтрашнего дня во всех республиках и районах нашей страны, в том числе в жилых кварталах больших городов — Москвы, Сталинграда, Ташкента, Воронежа, и т. д. Каждая республика вырабатывает, бесспорно, свои архитектурные типы малоэтажного жилья. Эта проблема во всей ее сложности стоит и перед Узбекистаном.

Редакция убеждена, что как статья «Опыт проектирования жилищ для Средней Азии», так и настоящая дискуссия по этому вопросу помогут проектировщикам и строителям найти верные творческие пути к решению больших вопросов жилищной архитектуры в национальных республиках.

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

«ЛЕНИНГРАД». Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся. Архитектурно-планировочное управление. Ленинград. Архитектурно-планировочный обзор развития города. Гос. Издательство «Искусство». Л. 1943. Стр. 404.

На первой странице этой книги стоят гордые слова: «Издано в Ленинграде в дни Великой Отечественной войны». Читатель, ожидающий «неизбежных» признаков издательской продукции военного времени — сокращенного формата, густой печати, плохой бумаги, — ошибется. Перед нами великолепно изданный том в 400 страниц инкварто, в прекрасном переплете, обильно иллюстрированный фотографиями, чертежами, схемами, воспроизведенными проектами.

Город был еще зажат в кольце вражеской блокады, когда вся страна отпраздновала 240-ю годовщину основания Петербурга-Ленинграда. Именно в ознаменование этой даты, исполнившейся 27 мая 1943 года, и выпущено, по решению Ленинградского Совета, это издание, осуществленное Архитектурно-планировочным управлением Ленинграда и издательством «Искусство» в труднейших условиях. Редакционная коллегия во главе с ответственным редактором Н. В. Барановым, в составе В. А. Каменского, М. В. Морозова, Б. Р. Рубаненко и И. П. Фомина, а также технический редактор М. Н. Анисимов и все, принимавшие участие в осуществлении книги, отпечатанной типографией имени Ивана Федорова, заслуживают благодарности: они выполнили дело большого культурного значения, они создали не только первую, — пока еще краткую, — монографию о развитии Ленинграда от возникновения города до его реконструкции в наши дни, но и замечательный документ творческой активности ленинградских архитекторов, историков архитектуры, художников, печатников в суровые месяцы блокады.

Книга носит подзаголовок: «Архитектурно-планировочный обзор развития города». Этот обзор сжато и компетентно дан в четырех очерках: «Развитие города в XVIII веке» С. М. Земцова, «Развитие города в XIX веке» А. Г. Яцевича, «Развитие города с 1917 по 1935 годы» Б. Р. Рубаненко, «Генеральный план развития Ленинграда» Н. В. Баранова. Последовательно проходят перед читателем знаменательные этапы чудесной истории великого русского города, — прекраснейшего из городов мира, — от того дня, когда он был заложен «на берегу пустынных волн» до грозных и героических дней 1941—1943 гг.

Покоряющая красота архитектур-

ных пейзажей Ленинграда раскрывается в многочисленных фотоснимках, выполненных покойным художником-фотографом А. Рахмиловичем с тонким чувством ленинградской архитектуры, ее мощных пространств, ее широкого дыхания, ее монументальной и строгой гармонии.

Рецензируемая книга является как бы первой наметкой той капитальной истории архитектурного развития города, которая будет написана, мы уверены, в самом ближайшем будущем; ибо Ленинград представляет собой великую школу новой русской архитектуры, — школу градостроительства и архитектурного мастерства. Переверачивая страницы книги, воспроизводящей такие знакомые и такие вечно новые образы классического Петербурга и современного Ленинграда, испытываешь высокое волнение, подобное тому, какое возникает при каждой встрече с величайшими произведениями искусства. Ибо Ленинград в целом — именно такое произведение искусства, бессмертное создание русского архитектурного гения.

Д. А.

НОВАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

И. П. ШЕБЫКИН, ПАМЯТНИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА ЭПОХИ НИЗАМИ (материалы). Академия наук СССР. Азербайджанский филиал. Институт истории. Издательство АзФАН. Баку. 1943. Стр. 95. Тир. 1000. Ц. 20 руб.

Отечественная война дала изучению архитектурного наследия народов СССР новую направленность и целеустремленность. Изданные за военный период капитальные труды — «Ars georgica», т. I. (Академия наук Груз. ССР), сборник трудов арх. Т. Торомания (Арм. ФАН) — ознакомили широкие слои советской и зарубежной общественности с занимающими почетное место в общем развитии мировой культуры выдающимися архитектурными памятниками.

Гилеровеким варварам, призывающим свои орды к уничтожению художественных и исторических памятников на Востоке, противопоставлена многовековая культура народов национальных советских республик. В этом плане представляет интерес книга И. П. Шебыкина — первая сводная работа, охватывающая наиболее характерные памятники азербайджанского зодчества XII—XIV вв.

Фактический распад огромной державы поработивших Закавказье сель-

джуков (нач. XII в.) способствовал укреплению сложившихся в Азербайджане государственных образований (пирваншахов, азербайджанских атабеков-пльдигидов, аксонкоридов и др.). Одновременно к жизни был вызван новый могучий социальный фактор — бурное развитие и усиление влияния городов. Жизненные центры страны из укрепленных поместий феодалов переместились в расположенные на оживленных караванных путях евразийской торговли крупные торгово-ремесленные города — Шамхор, Ганджа, Байлакан, Нахичевань и др. Наряду с пирванским шелком-сырцом широкой известностью на мировых торговых рынках пользовались «тебризские» — парчевые и шерстяные, «ганджинские» — шелковые ткани, глазурированная посуда из Нахичевани, художественные металлические чеканные изделия, оружие и другие товары. Города одновременно становятся центрами культурной жизни страны, переживавшей небывалый до того подъем литературы и искусства. Отражая, особенно характерное для этой эпохи органическое переплетение культурных взаимовлияний народов Закавказья, на общем фоне яркого расцвета литературы и всей средневековой культуры выступили гениальные поэты мирового значения Низами и Руставели, философ-моралист Мхитар Гош.

На этом историческом фоне на всей территории страны развернулось строительство самых различных по назначению сооружений, вызванное многообразием экономических и социальных потребностей. Строительство охватывало гидротехнические сооружения (прирригация Мильской и Муганской степей), мосты, оборонные сооружения (крепости Кала-и-Бугурт, Джраберт, Лев-Кала, Чингиз-Кала и др.), огромное количество общественных и культурных зданий.

Рассматриваемая работа не ставила целью полностью охватить все многообразие архитектурного наследия Азербайджана этой эпохи. Автор более подробно останавливается на ведущих памятниках и приводит беглый перечень и краткое описание остальных.

Материал книги расчленен по отдельным памятникам, описанию которых предпослано краткое введение, в общих чертах отмечающее некоторые сооружения предшествующих периодов.

Рассмотрение начато с памятников, расположенных в Баку и его окрестностях на Апшероне. Наибольший интерес представляют впервые публикуемые материалы по «ханской даче», крестообразному, в общем абрисе плана, мавзолею в Балаханах и общественным сооружениям — баням и одадам.

Недостаточно внимания уделено одному из ценнейших памятников архитектуры Азербайджана — ханеги на реке Пирс-Агат. Небольшой укрепленный дервишский монастырь, примыкающий стилистически к ширваноахшеронской школе, наряду с характерной строгостью архитектурных форм поражает богатством архитектурной декорации.

После краткого перечня памятников района Шемахи, упоминания древней Кабалы и мало известных памятников албанского периода — круглого храма в Леките и трехнефной базилики в Куме — довольно подробно освещены материалы проводившихся АзФАНом археологических раскопок на месте разрушенной монголами старой Ганджи — родины поэта.

Большое внимание уделено строительной технике, характерной для Ганджи этого периода. Небезынтересна сводка историко-археологических материалов по истории мавзолеев над могилой Низами.

Впервые публикуется, к сожалению — без иллюстраций, мавзолеев Джомард-Кассаба и кировабадская «зеленая мечеть» — Гей-имам. Отнесение этих памятников, особенно Гей-имам, стилистически связанного с постройками сефевидского периода, к эпохе XII—XIV вв. вызывает некоторое сомнение. После памятников северных склонов Малого Кавказа с интересными укреплениями, приписываемыми народными преданиями легендарному азербайджанскому герою Кер-Оглы, автор довольно подробно останавливается на памятниках нахичеванской архитектурной школы — мавзолеев Нахичевани, Барды, Карабагдара, ханеги на реке Алинджа-Чай и др.

В описании нахичеванских мавзолеев — Юсуф-ибн-Кутайра (Атабаба) и Мумина-Хашун (Атабек) — желательно внести некоторые уточнения. Первый, помимо наружного пирамидального перекрытия, имеет обычный для этого типа «башенных мавзолеев» внутренний купол (стр. 56). Описываемые мавзолеев нахичеванской школы отнюдь не принадлежат к «каркасным» постройкам. Имеет место характерное для кирпичной архитектуры Ближнего Востока деление на основной строительный массив здания и его декоративную облицовку. «Каркас» (стр. 58 и др.), т. е. расчленение на воспринимающие усилия конструкции, и инертный заполнитель отсутствуют. Перекрытие склепа мавзолеев представляет собой довольно редко встречающуюся интересную сводчатую конструкцию — центральный опорный

столб, органически связанный со своеобразными нервюрами. [Близкими аналогами на Кавказе (в камне) служат крепость в Ахтале и укрепление на Иверской горе — Новый Афон.]

Предположение о купольной форме наружного перекрытия мавзолеев Мумина-Хашун (стр. 61) мало вероятно; ему противоречат упоминаемые несколько сохранившихся рядов кладки. Известный рисунок Дюбуа де-Монпёра служить основанием не может, в нем явно утрирован возвышающийся над венчающим карнизом внутренний купол. Перекрытие, несомненно, было пирамидальным.

В отношении мавзолеев в Карабагдаре надо отметить, что прием «гофрированных» стен (стр. 65), генетически, несомненно, конструктивный, в данном мавзолее и его ближайших аналогах (мавзолеев в Радкане, Кишмаре, Бостаме, Рее, Демавенде) является уже в большей степени декоративным. Надо также отметить, что весь ансамбль в Карабагдаре разновременен (см. альманах «Низами», № 3, 1940 г. — «Памятники азербайджанской архитектуры в селении Карабагдар»). Минареты относятся к XII—XIII вв., стилистически близки к мавзолеев Мумина-Хашун. Мавзолеев возведен в период хулагуида Абу-Саида (1315—1335), портал же между минаретами является значительно более поздней вставкой. Сохранившиеся в его надписи имя Гузей-Хашун позволяет надеяться на возможное уточнение его датировки.

К сожалению, интересные материалы по впервые публикуемой Алинджа-кала — мощному оборонительному оплоту против проходивших по этому историческому пути иноплемennых захватчиков — не сопровождаются поясняющей текст общей схемой сооружения.

В материалах по мавзолеев в Барде надо отметить ошибочность объяснения черного цвета поливы скверным подбором тонов (стр. 73); очевидно, вопрос цвета разрешился исходным сырьем. Спорным является предположение автора о купольной форме наружного перекрытия мавзолеев (стр. 74). Ряд упоминавшихся хронологически и стилистически близких аналогов свидетельствует о наиболее вероятной конической форме купола. Обнаруженные в штрабе, между основаниями внутреннего и наружного перекрытий, локальные поливные кирпичи (совершенно тождественные обнаруженным в Карабагдарском мавзолеев) отнюдь этому предположению не противоречат (см., например, перекрытие мавзолеев Шейх-Шереф в Куна-Ургенче).

Отмечая шамхорский минарет, «красный мост» на реке, храм и церковь в селении Агсибара, к сожалению, не аргументируя отнесение их к периоду XII—XIV вв., автор описывает ряд мавзолеев, большая часть которых публикуется впервые. Ошибочно это отнесено и к мавзолеев в селении Джуга. Первый эскизный обмер арх. М. Г. Калашникова опубликован в упоминаемой И. П. Щелькиным работе С. В. Тер-Аветисяна «Город Джуга...». Напрасно не отмечено особо ярко выраженное в архитектуре мавзолеев, характерное для данной эпохи, переплетение приемов нахичеванской школы и архитектуры Армении (памятники Ани, Санаина, Ахлата и т. д. См. «Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья», «Известия АзФАН», № 7, 1942). Так же спорно предположение о купольной форме не сохранившегося наружного перекрытия мавзолеев. Стилистически близкие мавзолеев (в районе озера Вап, Эрзеруме и др.) свидетельствуют о возможной лишь конической форме или, что менее вероятно, пирамидальной.

Большой интерес представляют мавзолеев в селении Бабы, с его оригинальной «сенью» в интерьере; мавзолеев Мир-Али с папоминающим (судя по описанию) архаический ложный свод внутренним куполом; с сильным влиянием архитектуры Армении — мавзолеев в селении Джиджимли и мавзолеев в Кубатлинском районе.

В заключение работы дан краткий перечень наиболее известных памятников исторической архитектуры Азербайджана последующих периодов. Справедливо заключительное замечание автора о глубоких следах искусства эпохи Низами в дальнейшем развитии искусства Азербайджана.

Ценность книги значительно снижена низким качеством большей части тоновых иллюстраций.

Первая сводная публикация мало, а порой совершенно неизвестных научному миру и широким кругам советского читателя ценнейших памятников азербайджанского средневекового зодчества заслуживает переиздания с новыми иллюстрациями.

Наряду с опубликованными за последние годы работами по истории архитектуры братских республик Средней Азии, Грузии, Армении работа И. П. Щелькина, несомненно, восполняет пробелы в общей истории искусства нашей родины.

А. Бретаницкий, Д. Маликонов,
Д. Мотис

№ 21-968

ПОПРАВКА

В сборнике «Архитектура СССР» вып. 7 в подписях под рисунками на стр. 17 инициалы автора проекта обозначены ошибочно: вместо В. Н. Блохин следует читать П. Н. Блохин.

СОДЕРЖАНИЕ

Искусство градостроительства 1

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДОВ И ПОСЕЛКОВ

Акад. Арх. Л. В. Руднев и арх. И. В. Ткаченко
Воронеж. Перспективы планировки и восстановления 3

В. Каменский
Реконструкция кварталов при их восстановлении 7

. 11

. 17

ОПЕЧАТКИ

Стр. 22, 1 столбец, 7 строка снизу — вместо слов „она не может...“ следует читать: „она может...“

Стр. 34, подпись под верхней иллюстрацией следует читать: „Вестибюль станции завод им. Сталина, арх. А. Н. Душкин“; под нижней иллюстрацией: „Деталь отделки станции Сталинская, арх. С. М. Кравец“.

Стр. 39, в подписи под нижней иллюстрацией следует читать: „Скульптор Г. И. Мотовилов“.

Стр. 48, в подписи под рецензией вместо „Д. Маликонов“ следует читать: „Д. Мамиконов“.

Архитектура СССР, вып. 8

русского

. 24

ТЕНА

ях Москов-

. 31

НОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ И МАТЕРИАЛЫ

М. Туполев
Тонкостенные кирпичные своды без опалубки 40

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Пути жилищной архитектуры в национальных республиках.
Письмо в редакцию 44

Народное зодчество и современная жилищная архитектура.
От редакции 45

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

1945 г.
Ант № 586
Вкладн. л. _____

Отв. редактор К. С. АЛАБЯН

Зам. отв. редактора Д. Е. АРКИН

Подписано к печати 2/XI 1944 г.

А-12808

6 п. л. Изд. № 68

Уч.-изд. 8 л.

Тираж 3000 экз.

Зак. № 1355

6-я типография ОГИЗа. Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

Недостаточно внимания уделено одному из ценнейших памятников архитектуры Азербайджана — ханеге на реке Пирс-Агат. Небольшой укрепленный дервишский монастырь, примыкающий стилистически к ширваншахской школе, наряду с характерной строгостью архитектурных форм поражает богатством архитектурной декорации.

После краткого перечня памятников района Шемахи, упоминания древней Кабалы и мало известных памятников албанского периода — круглого храма в Леките и трехнефной базилики в Куме — довольно подробно освещены материалы проводившихся АзФАНом археологических раскопок на месте разрушенной монголами старой Ганджи — родины поэта.

Большое внимание уделено строительной технике, характерной для Ганджи этого периода. Небезынтересна сводка историко-археологических материалов по истории мавзолеев над могоидой Низами.

Впервые публикуется, к сожалению — без иллюстраций, мавзолеев Джомард-Кассаба и кировабадская «зеленая мечеть» — Гей-имам. Отнесение этих памятников, особенно Гей-имам, стилистически связанного с постройками сефевидского периода, к эпохе XII—XIV вв. вызывает некоторое сомнение. После памятников северных склонов Малого Кавказа с интересными укреплениями, приписываемыми народными преданиями легендарному азербайджанскому герою Кер-Оглы, автор довольно подробно останавливается на памятниках нахичеванской архитектурной школы — мавзолеев Нахичевани, Барды, Карабаглар, ханеге на реке Алинджа-Чай и др.

В описании нахичеванских мавзолеев — Юсуф-ибн-Кутайпра (Атабаба) и Мумина-Хашун (Атабек) — желательны внести некоторые уточнения. Первый, помимо наружного пирамидального перекрытия, имеет обычный для этого типа «башенных мавзолеев» внутренний купол (стр. 56). Описываемые мавзолеев нахичеванской школы отнюдь не принадлежат к «каркасным» постройкам. Имеет место характерное для кирпичной архитектуры Ближнего Востока деление на основной строительный массив здания и его декоративную облицовку. «Каркас» (стр. 58 и др.), т. е. расчленение на воспринимающие усилия конструкции, и инертный заполнитель отсутствуют. Перекрытие склепа мавзолеев представляет собой довольно редко встречающуюся интересную сводчатую конструкцию — центральный опорный

столб, органически связанный со своеобразными нервюрами. (Близкими аналогами на Кавказе (в камне) служат крепость в Ахтале и укрепление на Иверской горе — Новый Афон.)

Предположение о купольной форме наружного перекрытия мавзолеев Мумина-Хашун (стр. 61) мало вероятно; ему противоречат упоминаемые несколько сохранившихся рядов кладки. Известный рисунок Дюбуа де-Монпёра служить основанием не может, в нем явно утрирован возвышающийся над венчающим карнизом внутренний купол. Перекрытие, несомненно, было пирамидальным.

В отношении мавзолеев в Карабагларе надо отметить, что прием «гофрированных» стен (стр. 65), генетически, несомненно, конструктивный, в данном мавзолее и его ближайших аналогах (мавзолеев в Радкапе, Кишмаре, Востаме, Рее, Демавенде) является уже в большей степени декоративным. Надо также отметить, что весь ансамбль в Карабагларе разновременен (см. альманах «Низами», № 2, 1940).

Памятники в селении носят название близ Мавзолеев Абу-Саиджу мши более по в его налет над его дат

К столбы пожа-када оплоту ирхиче хватчико няющей женей.

В ма надо отм черного ром тон цвета р

Спорным является предположение автора о купольной форме наружного перекрытия мавзолеев (стр. 74). Ряд упоминавшихся хронологически и стилистически близких аналогов свидетельствует о наиболее вероятной конической форме купола. Обнаруженные в штрабе, между основаниями внутреннего и наружного перекрытий, локальные полненькие кирпичи (совершенно тождественные обнаруженным в Карабагларском мавзолее) отнюдь этому предположению не противоречат (см., например, перекрытие мавзолеев Шейх-Шереф в Куя-Ургенче).

Отмечая шамхорский минарет, «красный мост» на реке, храм и дерковь в селении Аксибара, к сожалению, не аргументируя отнесение их к периоду XII—XIV вв., автор описывает ряд мавзолеев, большая часть которых публикуется впервые. Ошибочно это отнесено и к мавзолеев в селении Джуга. Первый эскизный обмер арх. М. Г. Калашникова опубликован в упоминаемой И. П. Щерблякиным работе С. В. Тер-Аветисяна «Город Джуга...». Напрасно не отмечено особо ярко выраженное в архитектуре мавзолеев, характерное для данной эпохи, переплетение приемов нахичеванской школы и архитектуры Армении (памятники Ани, Санаина, Ахлата и т. д. См. «Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья», «Известия АзФАН», № 7, 1942). Так же спорно предположение о купольной форме не сохранившегося наружного перекрытия мавзолеев. Стилистически близкие мавзолеев (в районе озера Ван, Эрзеруме и др.) свидетельствуют о возможной

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В сборнике «Архитектура СССР» вып. 7 в подписях под рисунками на стр. 17 инициалы автора проекта обозначены ошибочно: вместо Б. Н. Блохин следует читать П. Н. Блохин.

ского читателя ценнейших памятников азербайджанского средневекового зодчества заслуживает переиздания с новыми иллюстрациями.

Наряду с опубликованными за последние годы работами по истории архитектуры братских республик Средней Азии, Грузии, Армении работа И. П. Щерблякина, несомненно, восполняет пробелы в общей истории искусства нашей родины.

Л. Бретаницкий, Д. Мазиков, Д. Мотис

ис X1-968

ПОПРАВКА

В сборнике «Архитектура СССР» вып. 7 в подписях под рисунками на стр. 17 инициалы автора проекта обозначены ошибочно: вместо Б. Н. Блохин следует читать П. Н. Блохин.

СОДЕРЖАНИЕ

Искусство градостроительства 1

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДОВ И ПОСЕЛКОВ

Акад. Арх. Л. В. Руднев и арх. И. В. Ткаченко
Воронеж. Перспективы планировки и восстановления 3

В. Каменский
Реконструкция кварталов при их восстановлении 7

В. Семенов-Прозоровский
Приемы планировки поселков 11

Аркадий Аркин
Архитектура города и типизация жилища 17

В. Лавров
Неотложные вопросы восстановления памятников русского
зодчества 24

СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА

М. Зеленин
Отделочные и декоративные работы на станциях Москов-
ского метро 31

НОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ И МАТЕРИАЛЫ

М. Туполев
Тонкостенные кирпичные своды без опалубки 40

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Пути жилищной архитектуры в национальных республиках.
Письмо в редакцию 44

Народное зодчество и современная жилищная архитектура.
От редакции 45

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

1945 г.
Ант № 586
Вкладн. л. _____

Отв. редактор К. С. АЛАБЯН

Зам. отв. редактора Д. Е. АРКИН

Подписано к печати 2/XI 1944 г.

А-12808

6 п. л. Изд. № 68

Уч.-изд. 8 л.

Тираж 3000 экз.

Зак. № 1355

6-я типография ОГИЗа. Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

ЦЕНА 10 руб.

3672

П 32

5

**АРХИТЕКТУРА
С С С Р**

**СБОРНИКИ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ**

**РЕДАКЦИЯ
МОСКВА, ГРАНАТНЫЙ ПЕР., 7**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

П32 1944

14

№8

Понг

